
ISSN 2227-1171 (Print)

Том 15, № 1. 2024

Сквозной номер – 55

ISSN 2542-1247 (Online)

Vol. 15, No. 1. 2024

Continuous issue – 55

ВЕСТНИК

Казанского юридического института МВД России

Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Научно-теоретический журнал

Учредитель и издатель:
Казанский юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации

Адрес издателя:
420108, Россия, Республика Татарстан,
г. Казань, ул. Магистральная, 35

Адрес редакции:
420064, Россия, Республика Татарстан,
г. Казань, ул. Оренбургский тракт, 128

Адрес типографии:
420064, Россия, Республика Татарстан,
г. Казань, ул. Оренбургский тракт, 130

Выходит с 2010 года ежеквартально

Индекс в объединенном каталоге
«Пресса России» – 84683

Журнал зарегистрирован в Федеральной
службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых
коммуникаций 29 июня 2012 г.
Регистрационный номер ПИ № ФС 77-50418

Журнал включен в Перечень
ведущих рецензируемых научных журналов,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук
(5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки
(юридические науки);

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые)
науки (юридические науки);

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки))

Журнал включен в систему Российского
индекса научного цитирования (e-LIBRARY)
Журнал включен в Ulrich's Periodicals Directory
Журнал включен в электронный периодический
справочник «Система ГАРАНТ»

Журнал распространяется только по подписке

e-mail: vestnikkui@mail.ru

<https://vestnikkui.ru/ru/nauka/>

Scientific and Theoretical Journal

Founder and publisher:
the Kazan Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation

Publisher's address:
35, Magistralnaya, Kazan,
420108, The Republic of Tatarstan, Russia

Editorial-and-publishing office address:
128, Orenburgskii trakt,
420064, Kazan, The Republic of Tatarstan, Russia

The address of the printing house:
130, Orenburgskii trakt,
420064, Kazan, The Republic of Tatarstan, Russia

The Journal is being published since 2010 each quarter

Index in the combined catalog
"Pressa Rossii" – 84683

The Journal is registered
in Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology
and Mass Communications
June, 29, 2012.

Identification Number PI No. FS 77-50418

The Journal is included in Catalogue
of the leading peer-reviewed journals,
in which should be published
basic scientific results of degree dissertations
(5.1.1. Theoretical-historical legal sciences
(legal sciences);

5.1.2. Public and law (state-legal) sciences (legal sciences);

5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences))

The Journal is included in the Russian
Science Citation System (e-LIBRARY)

The Journal is included
in the Ulrich's Periodicals Directory

The Journal is included
in the electronic periodical "Sistema GARANT"

The Journal is available only on a subscription basis

Редакционный совет

Андреев Максим Валентинович – доктор юридических наук, доцент (Казань, Казанский юридический институт МВД России). ORCID: 0000-0002-3749-7669

Бакулина Лилия Талгатовна – доктор юридических наук, доцент (Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет). ORCID: 0000-0002-8891-6974

Балахонский Виталий Витальевич – доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский университет МВД России). ORCID: 0000-0003-3098-2802

Безверхов Артур Геннадьевич – доктор юридических наук, профессор (Самара, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева)

Варыгин Александр Николаевич – доктор юридических наук, профессор (Саратов, Саратовская государственная юридическая академия)

Воронин Михаил Юрьевич – доктор юридических наук, профессор (Москва, Институт международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета)

Гаврилов Борис Яковлевич – доктор юридических наук, профессор (Москва, Академия управления МВД России). ORCID: 0000-0002-2529-491X

Гилянский Яков Ильич – доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации)

Готчина Лариса Владимировна – доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург, Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации). ORCID: 0000-0003-4477-6559

Демидов Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор, Главный федеральный инспектор по Республике Татарстан

Дубровин Сергей Викторович – доктор юридических наук, профессор (Москва, Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя)

Егорышев Сергей Васильевич – доктор социологических наук, профессор (Уфа, Институт стратегических исследований Республики Башкортостан). ORCID: 0000-0003-0930-7482

Меязев Александр Борисович – доктор юридических наук, профессор (Казань, Университет управления «ТИСБИ»). ORCID: 0000-0002-5318-3029

Нигматуллин Ришат Вахидович – доктор юридических наук, профессор (Уфа, Уфимский университет науки и технологий). ORCID: 0000-0001-6350-1775

Павличенко Николай Владимирович – доктор юридических наук, профессор (Москва, Академия управления МВД России). ORCID: 0000-0001-7889-4743

Степаненко Равия Фаритовна – доктор юридических наук, профессор (Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Университет управления «ТИСБИ»). ORCID: 0000-0002-4748-9195

Редакционная коллегия

Председатель – **Зиннуров Фоат Канафиевич**, доктор педагогических наук, профессор, начальник Казанского юридического института МВД России. ORCID: 0000-0002-5062-9160

Заместитель председателя – **Миронов Сергей Николаевич**, кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника Казанского юридического института МВД России (по научной работе). ORCID: 0000-0003-1532-9258

Члены редакционной коллегии:

Алиуллов Рашид Рахимуллович – доктор юридических наук, начальник кафедры административного права, административной деятельности и управления ОВД Казанского юридического института МВД России

Бабичев Арсений Георгиевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права Казанского юридического института МВД России

Гарафутдинов Марат Рафикович – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника Казанского юридического института МВД России (по учебной работе)

Демидова-Петрова Елизавета Викторовна – доктор юридических наук, доцент, директор Казанского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации

Зотина Елена Владимировна – начальник редакционно-издательского отделения Казанского юридического института МВД России

Казанцев Сергей Яковлевич – доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Казанского юридического института МВД России

Комлев Юрий Юрьевич – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры философии, политологии, социологии и психологии Казанского юридического института МВД России

Шайдулина Эльвира Дамировна – кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры уголовного процесса Казанского юридического института МВД России

Шалагин Антон Евгеньевич – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Казанского юридического института МВД России

Это произведение доступно по лицензии
Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.
Чтобы увидеть копию этой лицензии, посетите <http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>.

Editorial Board

Maksim Valentinovich Andreev, Doctor of Law (Doctor habilitatus), Associate Professor (Kazan, the Kazan Law Institute of MIA of Russia). ORCID: 0000-0002-3749-7669

Liliya Talgatovna Bakulina, Doctor of Law (Doctor habilitatus), Associate Professor (Kazan, Kazan (Volga region) Federal University). ORCID: 0000-0002-8891-6974

Vitalii Vital'evich Balahonsky, Doctor of Philosophy (Doctor habilitatus), Professor (St. Petersburg, Saint-Petersburg University of MIA of Russia). ORCID: 0000-0003-3098-2802

Artur Gennad'evich Bezverhov, Doctor of Law (Doctor habilitatus) Professor (Samara, Samara State Aerospace University named after S.P. Koroljov)

Aleksandr Nikolaevich Varygin, Doctor of Law (Doctor habilitatus), Professor (Saratov, Saratov State Justice Academy)

Mikhail Yurievich Voronin, Doctor of Law (Doctor habilitatus), Professor of Institute of International Law and Justice, Moscow State Linguistic University

Boris Yakovlevich Gavrilov, Doctor of Law (Doctor habilitatus), Professor (Moscow, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation). ORCID: 0000-0002-2529-491X

Yakov Il'ich Gilinskiy, Doctor of Law (Doctor habilitatus), Professor (Saint Petersburg, Saint Petersburg Law Institute (branch) University of the Public Prosecutor's Office of the Russian Federation)

Larisa Vladimirovna Gotchina, Doctor of Law (Doctor habilitatus), Professor (St. Petersburg, St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation). ORCID: 0000-0003-4477-6559

Victor Nikolaevich Demidov, Doctor of Law (Doctor habilitatus), Associate Professor, Chief Federal Inspector of the Republic of Tatarstan

Sergey Victorovich Dubrovin, Doctor of Law (Doctor habilitatus), Professor (Moscow, Moscow University of MIA of Russia)

Sergey Vasil'evich Egoryshev, Doctor of Sociology (Doctor habilitatus), Professor (Ufa, Institute for Strategic Studies of the Republic of Bashkortostan). ORCID: 0000-0003-0930-7482

Aleksandr Borisovich Mezyaev, Doctor of Law (Doctor habilitatus), Professor (Kazan, University of Management "TISBI"). ORCID: 0000-0002-5318-3029

Rishat Vahidovich Nigmatullin, Doctor of Law (Doctor habilitatus), Professor (Ufa, Ufa University of Science and Technologies). ORCID: 0000-0001-6350-1775

Nikolai Vladimirovich Pavlichenko, Doctor of Law (Doctor habilitatus), Professor (Moscow, Administration Academy of MIA of Russia). ORCID: 0000-0001-7889-4743

Raviya Faritovna Stepanenko, Doctor of Law (Doctor habilitatus), Professor (Kazan, Kazan (Volga region) Federal University, University of Management "TISBI"). ORCID: 0000-0002-4748-9195

Editorial Council

Chairperson:

Foat Kanafievich Zinnurov, Doctor of Pedagogy (Doctor habilitatus), Professor, Chief of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. ORCID: 0000-0002-5062-9160

Vice Chairman:

Sergey Nikolaevich Mironov, Candidate of History (Research doctorate), Associate Professor, Deputy Head of the Kazan Law Institute of MIA of Russia for academic work. ORCID: 0000-0003-1532-9258

Editorial Board:

Rashid Rahimullovich Aliullov, Doctor of Law (Doctor habilitatus), Head of Administrative Law, Administrative Activities and Management of Internal Affairs of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Arseny Georgievich Babichev, Doctor of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Marat Rafikovich Garafutdinov, Candidate of Law (Research doctorate), Associate Professor, Deputy Head of KLI of MIA of Russia for Educational Work

Demidova-Petrova Elizaveta Viktorovna, Doctor in Law (Doctor habilitatus), Associate Professor, Director of Kazan Law Institute (Branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

Elena Vladimirovna Zofina, Chief of the Editorial Department of the Editorial-and-Publishing Office of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Sergei Yakovlevich Kazantsev, Doctor of Pedagogy (Doctor habilitatus), Candidate of Law (Research doctorate), Professor, Professor of Criminalistics of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Yurii Yur'evich Komlev, Doctor of Sociology (Doctor habilitatus), Professor, Professor of Philosophy, Political Science, Sociology and Psychology of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Elvira Damirovna Shaidullina, Candidate of Law (Research doctorate), Deputy Chief of Department of Criminal Process of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

Anton Evgen'evich Shalagin, Candidate of Law (Research doctorate), Associate Professor, Head of the Department of Criminology and Penitentiary Law of the Kazan Law Institute of MIA of Russia

СОДЕРЖАНИЕ

<u>CONTENTS</u>	6
<u>ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ</u>	
Журавлев В.В. Дисциплинарное право как комплексная отрасль российского права.....	8
Курочкин А.В. Изменение государственного контроля как критерий конституционализации российских политических партий.....	15
Пашин В.М., Саетгараев В.Ф. Научное обеспечение реализации МВД России антикоррупционной политики совместно с институтами гражданского общества.....	21
Шалагин А.Е., Хрусталёва О.Н. О формировании в общественном сознании положительного образа сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации.....	30
<u>УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ</u>	
Артюшина О.В. Понятие насилия в лингвистике и развитие концепции уголовно-правовой охраны личности.	39
Багаутдинов Ф.Н. Актуальные вопросы уголовной ответственности за взяточничество.....	46
Богаткина Р.Ш. Значение международно-правовых норм и стандартов в обеспечении прав обвиняемого и их отражение в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации.....	53
Векленко С.В., Шутова Ю.А. Особенности целеполагания при угрозе убийством или причинением тяжкого вреда здоровью	60
Ермолаев Н.В. К вопросу о содержании признака «вред критической информационной инфраструктуре Российской Федерации» для целей частей 2 и 3 статьи 274 ¹ Уголовного кодекса Российской Федерации.....	68
Ибрагимова А.М. Генезис проблемы межотраслевого института обжалования в форме судебного контроля в уголовном судопроизводстве России.....	76
Кирушин К.Р. Права на свободу совести и свободу вероисповедания в контексте использования судебной религиоведческой экспертизы при расследовании сопряженных преступлений.....	86
Крымов В.А. Преступления, совершаемые в отношении несовершеннолетних воспитанников учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: анализ, причины и условия.....	94
Лисаускайте В.В. Дополнительные протоколы к Женевским конвенциям 1949 года как источник толкования военных преступлений, предусмотренных статьей 356 Уголовного кодекса Российской Федерации.....	101
Мишин А.В. Предпосылки формирования частной криминалистической теории обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства.....	111

Спирев Д.В.	
Криминалистические аспекты мониторинга интернет-пространства для расследования преступлений, связанных с оскорблением.....	118
Храмцов Е.С.	
Электронные документы в доказывании по уголовным делам о преступлениях против собственности, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.....	125
Чернышев Д.Б.	
Кража из «чужого кармана»: проблемы квалификации.....	133
Шевелева К.В.	
Символ воинской славы как предмет преступлений.....	138
Яковлева М.А., Корсикова Н.А.	
Характеристика направлений профилактики преступности в деятельности органов внутренних дел: отечественный и зарубежный опыт.....	146
<u>К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ</u>	154

CONTENTS

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

Zhuravlev V.V. Disciplinary Law as a Complex Branch of Russian Law.....	8
Kurochkin A.V. Changing of State Control as a Criterion for the Constitutionalization of Russian Political Parties.....	15
Pashin V.M., Saetgaraev V.F. Scientific Support for Anti-Corruption Policy of the Ministry of Internal Affairs of Russia Jointly with Civil Society Institutions.....	21
Shalagin A.E., Hrustaleva O.N. Promoting a Positive Image of Police of the Russian Federation in Civil Society.....	30

CRIMINAL LAW SCIENCES

Artyushina O.V. The Concept of Violence in Linguistics and Development of the Concept of Personal Protection in Criminal Law.....	39
Bagautdinov F.N. Criminal Liability for Bribery: Burning Issues.....	46
Bogatkina R.Sh. The Importance of International Legal Norms and Standards in the Protection of the Defendant's Rights and their Fixing in the Criminal Procedure Legislation of the Russian Federation.....	53
Veklenko S.V., Shutova Yu.A. The Threat of Murder or Severe Harm to Health: Goal Setting Features.....	60
Ermolaev N.V. The Content of the Sign "Harm to the Critical Information Infrastructure of the Russian Federation" for the Purposes of Article 274 ¹ of the Criminal Code of the Russian Federation.....	68
Ibragimova A.M. The Intermediate Court of Appeal in the Form of Judicial Control in the Russian Criminal Proceedings: Genesis of the Problem.....	76
Kirushin K.R. Rights to Freedom of Conscience and Religion in Forensic Theological Examination in the Investigation of these Crimes.....	86
Krymov V.A. Crimes Against Minors in Institutions for Orphans and Children Left without Parental Care: Analysis, Causes and Conditions.....	94
Lisauskaite V.V. Additional Protocols to the Geneva Conventions of 1949 as a Source of Interpretation of War Crimes Under Article 356 of the Criminal Code of the Russian Federation.....	101
Mishin A.V. Prerequisites for the Formation of a Private Forensic Theory of Ensuring the Safety of Participants in Criminal Proceedings.....	111
Spirev D.V. Internet Monitoring for Investigating Insult Offences: Forensic Aspects.....	118
Khramtsov E.S. Electronic Documents in Proving in Criminal Cases on Cyber Crimes against Property.....	125
Chernyshev D.B. Theft from "Someone Else's Pocket": Qualification Problems.....	133

Sheveleva K.V.	
Symbol of Military Glory as an Object of Crimes.....	138
Yakovleva M.A., Korsikova N.A.	
Characteristics of Crime Prevention Directions in the Activities of the Internal Affairs Bodies: Domestic and Foreign Experience.....	146
<u>NOTICE TO AUTHORS</u>	154

Научная статья
УДК 349
DOI: 10.37973/KUI.2024.53.80.001

ДИСЦИПЛИНАРНОЕ ПРАВО КАК КОМПЛЕКСНАЯ ОТРАСЛЬ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Владимир Вячеславович Журавлев,
Рязанский филиал Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя,
Рязань, Россия, vz15111982@gmail.com

Аннотация

Введение: статья посвящена анализу вопросов генезиса и текущего состояния межотраслевого института дисциплины в российском праве. В качестве центральной цели исследования автор выдвигает тезис о наличии теоретической возможности и практической необходимости выделения дисциплинарного права в качестве самостоятельной комплексной отрасли российского права.

Обзор литературы: в статье проанализированы работы, посвященные дисциплинарным отношениям, возникающим, развивающимся и прекращающимся в сферах регулирования публичных и частных отраслей права.

Материалы и методы: автором проанализирован существующий нормативный базис института дисциплины в различных сферах, а также его правовые источники в XVIII – XX вв. Для достижения поставленных целей была использована совокупность общенаучных и частнонаучных методов познания, включающая историко-правовой метод, анализ и синтез, индукцию и дедукцию, логический, формально-юридический и сравнительно-правовой методы исследования.

Результаты исследования: обоснована комплексность дисциплинарного права и выделены его индивидуальные черты, которые выражаются в наличии специфических предмета и метода правового регулирования, источников и мер дисциплинарной ответственности.

Обсуждение и заключение: автором делается вывод, что существующие в российском праве дисциплинарные отношения вышли за пределы регулирования какой-либо одной отрасли, что определяет объективную необходимость их дальнейшего развития в рамках самостоятельной системы норм и институтов – дисциплинарного права, а также выносятся на обсуждение его дефиниция.

Ключевые слова: система права; дисциплина; юридическая ответственность; административное право; трудовое право; дисциплинарное право

© Журавлев В.В., 2024

Для цитирования: Журавлев В.В. Дисциплинарное право как комплексная отрасль российского права // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 1 (55). С. 8 – 14.
DOI: 10.37973/KUI.2024.53.80.001

Scientific article

UDC 349

DOI: 10.37973/KUI.2024.53.80.001

DISCIPLINARY LAW AS A COMPLEX BRANCH OF RUSSIAN LAW

Vladimir Vyacheslavovich Zhuravlev,
the Ryazan Branch of the Vladimir Kikot Moscow University of MIA of Russia,
Ryazan, Russia, vz15111982@gmail.com

Abstract

Introduction: this study presents an analysis of the genesis and current state of the cross-disciplinary institute of Russian law. The author's sole purpose is to put forward the thesis that there are theoretical possibilities and practical needs to designate disciplinary law as an independent complex industry of Russian law.

Literature Review: the author analysed papers that address disciplinary relationships that emerge, develop and terminate in private and public law branches.

Materials and Methods describes the author's study of legal basis in various branches and its legal sources from the XVIII to the XX centuries. To achieve the set objectives, the author employed a range of universal and special methods of cognition, including history and legal method, analysis and synthesis, induction and deduction, logic, juridical, and comparative legal methods of research.

Results: the author justifies the complexity of disciplinary right and highlights its specific features resulted in a specific subject and method of legal regulation, sources and disciplinary measures.

Discussion and Conclusions: the paper concludes that disciplinary relationships in the Russian legal system have gone beyond the regulation of a particular branch. This defines the objective need for their further enhancement within the independent system of standards and institutions, i.e. disciplinary rights. The definition of disciplinary rights is debated.

Keywords: legal system; discipline; legal liability; administrative law; labor law; disciplinary law

© Zhuravlev V.V., 2024

For citation: Zhuravlev V.V. Disciplinary Law as a Complex Branch of Russian Law. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2024;15(1):8-14. (In Russ.). DOI: 10.37973/KUI.2024.53.80.001

Введение

Вопрос систематизации правовых норм, регулирующих сходные общественные отношения, продолжает оставаться одним из наиболее дискуссионных в научном мире. Его актуальность обосновывается не только теоретической, но и практической потребностью установления их отраслевой принадлежности, определения предмета и метода правового регулирования.

Мы согласны с мнением О.Е. Кутафина, что «именно круг, составляющий предмет правового регулирования, и дает необходимое представление о каждой отрасли права» [1, с. 9]. Наличие самостоятельного предмета и определение особенностей его правового регулирования позволяет ставить вопрос о возможности формирования и выделения новой отрасли (подотрасли) научного знания. Безусловно, этот процесс в его историческом контексте не может являться сиюминутным, поскольку требует не только глубокого теоретического обоснования, но и значительного эмпирического материала, аргументированно

доказывающих невозможность существующих отраслей права являться надежным регулятором сходной группы правоотношений. Именно выход общественных отношений за границы эффективного правового регулирования, установленные конкретной отраслью, позволяет констатировать возникновение признаков, свидетельствующих о начале эволюционного процесса зарождения новой сферы научного познания.

Обзор литературы

Исследование вопросов общей теории права и его отраслизации определило необходимость обращения автора к нормативным правовым актам дореволюционной России и современным источникам, научной и учебной литературе, а также материалам периодических изданий. На основе анализа научных трудов О.Е. Кутафина, Н.И. Матузова и А.В. Малько, А.Н. Миронова, Л.Л. Попова и М.С. Студеникиной, С.Е. Чаннова были сделаны обоснованные выводы, подтверждающие авторскую позицию. В статье продолжена работа, направленная на дальнейшее развитие доктрины

административного и трудового права, выработку авторского подхода к определению отраслевой принадлежности института дисциплины и порожденных им правоотношений, разрешению дисциплинарно-трудовых споров.

Материалы и методы

В статье проанализирован ряд нормативных правовых актов XVIII – XX вв., посвященных вопросам становления и развития дисциплинарных правоотношений. Помимо этого, исследованы современные источники дисциплинарного права, регламентирующие публичные и частные правоотношения, возникающие в области государственного управления и юрисдикционной деятельности, сфере труда, образования и спорта. Методологическую основу работы составила совокупность общенаучных и частнонаучных методов познания. Историко-правовой метод использовался для исследования генезиса института дисциплины в российском праве. Анализ как средство научного познания применялся для изучения отдельных элементов объекта исследования, установления между ними причинно-следственных связей. Методы индукции и дедукции использовались для построения логических выводов и обоснования концептуальных положений, позволяющих рассматривать дисциплинарное право в качестве самостоятельной отрасли права. Логический и формально-юридический методы способствовали выработке и формулированию ряда выводов и других положений исследования.

Результаты исследования

Несомненно, институт дисциплины изначально сформировался как социальное явление, определяющее границы ответственного и безответственного поведения участников общественных отношений. Фактическое же становление дисциплины как правового института началось в России гораздо позже. Его полноценное развитие датируется XVIII – XIX вв. В этот период было принято большое количество нормативных правовых актов, которые конкретизировали в первую очередь статус государственных служащих, определили их права и обязанности, установили запреты и ограничения, требования к их морально-нравственным и профессиональным качествам, закрепили виды юридической ответвен-

ности, применяемой за нарушение указанных требований или неисполнение обязанностей¹. Первоначально институт дисциплины, развиваясь в рамках науки управления, регламентировал требования к служебному поведению чиновников, определял их ответственность за допущенные нарушения.

Необходимо подчеркнуть, что система юридических наказаний государственных служащих, совершивших должностной проступок, в императорской России пока еще носила разрозненный характер, тяготеющий к уголовно-правовым истокам. В 40-х годах XIX века формируется объективная потребность в законодательном упорядочении дисциплинарных отношений в системе государственной службы и разграничении должностных проступков и уголовных преступлений.

Итогом проделанной работы явилось принятие в 1845 г. Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (далее – Уложение), которое представляло собой кодифицированный нормативный акт, закрепивший, в том числе, виды противоправных деяний и ответственность за их совершение. В соответствии со статьей 1 Уложения под преступлением или проступком понимается «как самое противозаконное деяние, так и неисполнение того, что под страхом наказания законом предписано». Критерием разделения деликтов на уголовные преступления и иные проступки служила «мера важности оных», под которой понималась их общественная вредность. За совершение преступления полагалось назначение уголовного наказания, а за совершение проступка – применение исправительных мер, которые целесообразно отождествлять именно с дисциплинарной ответственностью в ее современном понимании.

Развитие мер дисциплинарного принуждения повлекло расширение сфер его применения. Дисциплинарные взыскания постепенно становятся самостоятельным видом юридической ответственности, который получил правовой базис и стал активно применяться во внешнеорганизационной деятельности органов государственной власти в отношении лиц, находившихся под стражей², несовершеннолетних, помещенных в воспитательно-исправительные заведения³. Во второй половине XX века в результате развития вектора

¹ Именной указ от 24.12.1714 «О воспреещении взяток и посулов и наказание за оное». URL: <https://base.garant.ru/57565476> (дата обращения: 03.10.2023); Царского величества указ из сената «О разных государственных сборах, о наказании хищников за взятки лишением имения и живота». URL: <https://knpram.rusneb.ru/kp/item6308> (дата обращения: 03.10.2023); Устав благочиния, или полицейский 1782 года. URL: <http://museumreforms.ru/node/13635> (дата обращения: 03.10.2023); Указ «Об исполнении указов Сената Присутственными местами и лицами в узаконенный срок» 1815 года // ПСЗ. I. Т. XXXIII. № 25999 (дата обращения: 03.10.2023).

² Сводь учреждений и уставов о содержащихся под стражею. URL: <http://www.rus-sky.com/history/library/vol.14/vol.14.4.htm> (дата обращения: 03.10.2023); Устав о ссыльных. URL: <http://www.rus-sky.com/history/library/vol.14/vol.14.5.htm> (дата обращения: 03.10.2023).

³ Положение о воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних 1909 г. URL: <http://www.rus-sky.com/history/library/vol.14/vol.14.6.htm>, свободный (дата обращения: 03.10.2023).

на демократизацию общества и последовавшей за ней либерализацией экономических отношений в системе советского права выделилась новая самостоятельная отрасль – трудовое право. В его основу были положены и отдельные институты административного права, в том числе и институт дисциплины, что стало следующей ступенью его эволюции в системе частноправовых отношений.

На этом процесс дальнейшего развития института дисциплины не завершился, что привело к его распространению и активному использованию в других сферах жизнедеятельности, таких как образование¹ и спорт². Разносторонность и охват большого числа общественных отношений, имеющих различную правовую природу, породили возникновение значительного количества нормативных правовых актов, содержащих различные подходы к понятию дисциплины и ответственности за ее нарушение. Существующее состояние, как справедливо подчеркивают Н.И. Матузов и А.В. Малько, анализируя вопросы изменения правовой системы, определяется тем, что «ее составные части претерпевают изменения с разными скоростями, и ни одна из них не меняется столь же быстро, как другая» [2, с. 185]. Следствием указанной проблематики стала неупорядоченность в материальных и процессуальных нормах, устанавливающих дисциплинарную ответственность и порядок ее применения в указанных сферах жизнедеятельности общества и государства, что явилось предпосылкой для формирования существенных межотраслевых противоречий, которые не просто тормозят развитие института дисциплины, а могут служить основаниями для начала процесса его инволюции.

В связи с этим изучение ретроспективы генезиса и текущего состояния института дисциплины позволяет констатировать наличие препятствий для его дальнейшей эволюции в границах существующих научных парадигм, что, в свою очередь, обуславливает необходимость формирования основы для возможности его последующего развития в качестве самостоятельной отрасли – дисциплинарного права.

Возможность выделения дисциплинарного права в качестве самостоятельной комплексной отрасли российского права определяется и иными обстоятельствами.

Во-первых, наличием собственного предмета правового регулирования, в качестве которого выступают:

1) дисциплинарные отношения в сфере государственной (муниципальной) службы, возникающие, развивающиеся и прекращающиеся в целях:

а) регулирования внутриорганизационных отношений, связанных с поддержанием служебной дисциплины среди государственных (муниципальных) служащих;

б) регулирования внешнеорганизационных отношений, складывающихся в процессе поддержания правопорядка и содержания под стражей лиц, совершивших административные правонарушения и преступления;

2) дисциплинарные отношения в сфере трудовой деятельности;

3) дисциплинарные отношения в сфере образования;

4) дисциплинарные отношения в сфере спорта;

5) юрисдикционная деятельность, предусматривающая возможность замены административных и уголовных наказаний иными мерами, имеющими дисциплинарно-правовую природу, в отношении несовершеннолетних правонарушителей, должностных лиц отдельных органов государственной власти.

Во-вторых, *невозможностью отнесения дисциплинарного права к подотрасли* иной отрасли права. Это обуславливается комплексным характером и дуалистической природой дисциплинарных правоотношений, которые могут как являться частью публично-правовых отношений, возникающих при применении норм административного (служебного законодательства) и уголовного законодательства, так и находиться в сфере частных интересов, существующих в отдельных аспектах трудовой (использование индивидуальных трудовых договоров, персонифицирующих элементы служебной дисциплины работника), образовательной (самостоятельное утверждение частными образовательными организациями уставов, персонифицирующих правовой статус обучающихся) и спортивной (самостоятельное утверждение спортивными общественными организациями дисциплинарных регламентов и кодексов³) деятельности. Таким образом, дисциплинарные от-

¹ Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 04.08.2023 № 479-ФЗ). СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.10.2023).

² О физической культуре и спорте в Российской Федерации: Федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ (ред. от 24.06.2023 № 272-ФЗ). СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.10.2023).

³ Дисциплинарный кодекс и другие взаимоотношения ОО «Владимирская городская федерация футбола, пляжного футбола, мини-футбола и футзала» с командами. URL: https://befutsal.ru/documents/champ_disc_code_2015.pdf; Дисциплинарный кодекс, утвержденный Бюро ФКСР Протокол Бюро № Б 20-09/21 от 03.09.2021. URL: https://fksr.org/files/uploads/Disciplinarnyj_kodeks_s_prilozhenijami_utv_protokol_V_20-09_21_ot_03_09_2021.pdf; Дисциплинарный кодекс Федерации сквоша России, утвержденный решением Президиума ФСР от 17.02.2020 (с изменениями от 28.02.2023). URL: <http://russiansquash.com>.

ношения объективно выходят за пределы предмета правового регулирования какой-либо одной из отраслей (подотраслей) права. Это позволяет констатировать достаточную самостоятельность дисциплинарных отношений и разрешает научный спор об определении их принадлежности [3, с. 23 – 26; 4, с. 27 – 28].

В-третьих, дисциплинарное право обладает *особенностями метода правового регулирования*. Так, императивный метод, использующий систему запретов, обязываний и ограничений, является основным регулятором публично-правовых отношений в сфере прохождения государственной (муниципальной) службы, обеспечения правопорядка и поддержания дисциплины в специальных учреждениях МВД России и ФСИН России. В свою очередь, диспозитивный метод применяется в качестве регулятора некоторых частноправовых отношений, находящихся в сфере трудового, образовательного и спортивного права, предоставляет их субъектам определенную свободу выбора. Следует отметить, что дисциплинарные отношения по своей природе являются отношениями власти-подчинения, в связи с этим императивный метод является превалирующим средством их правового регулирования.

В-четвертых, *уникальность* и самостоятельность дисциплинарного права определяется спецификой мер ответственности за его нарушение, которые в отдельных случаях позволяют накладывать дисциплинарные санкции не только на физических, но и юридических лиц, а также могут носить надгосударственный характер (например, отстранение спортивных организаций от участия в соревнованиях).

В-пятых, дисциплинарное право обладает собственным *правовым источником*. В его качестве выступает обширный, но разрозненный отраслевой базис, представляющий совокупность материальных и процессуальных норм, которые используются для регулирования дисциплинарных отношений и разрешения дисциплинарно-трудовых споров в каждой из указанных сфер.

Следует признать, что качественным критерием любой отрасли права выступает сформированность и проработанность норм и институтов, их способность действительно координировать общественные отношения, входящие в предмет ее правового регулирования. Следует согласиться с мнением Р.В. Амелина и С.Е. Чаннова, кото-

рые, анализируя эволюционные процессы правовой системы, обоснованно отмечают, что они «влекут за собой под воздействием определенных факторов совершенствование либо деградацию правового материала, т.е. сопровождаются определенными качественными изменениями» [5]. Представляется, что существующая система источников дисциплинарного права является не в полной мере совершенной, а вопрос ее полноценной кодификации как вершины эволюции права [6, с. 16 – 18; 7, с. 39 – 47] и вовсе находится на начальном этапе своего становления, что отмечают и другие авторы [8].

В связи с этим *цель* формирования дисциплинарного права состоит в упорядочивании и активизации дисциплинарных правоотношений, возникающих, развивающихся и прекращающихся в сферах государственной и муниципальной службы, трудовой, образовательной и спортивной деятельности, а также в области обеспечения правопорядка. Ее достижение будет способствовать решению следующих *задач*:

конкретизации субъектов дисциплинарных правоотношений и определению их статуса;

закреплению единых принципов и порядка осуществления производства по делам о дисциплинарных проступках, определению его форм;

определению единых обстоятельств, смягчающих, отягчающих и исключающих дисциплинарную ответственность;

конкретизации составов дисциплинарных проступков и определению разумных мер ответственности за их совершение;

унификации дисциплинарных взысканий, а также порядка их наложения, снятия, обжалования и пр.

Обсуждение и заключение

Подводя итог краткому рассмотрению проблематики, следует отметить, что существующий вектор выделения элементов правовой системы в самостоятельные отрасли или подотрасли (финансовое право, информационное право, предпринимательское право, наследственное право) в большинстве случаев основывается лишь на конкретизации и уточнении одной из сфер правового регулирования более широкой отрасли «донора».

В свою очередь, теоретический базис для выделения дисциплинарного права в качестве самостоятельной отрасли представляется более существенным и объективно значимым,

ru/wp-content/uploads/2021/03/disciplinaryj-kodeks-fsr.pdf; Дисциплинарный регламент общероссийской общественной организации «Всероссийская федерация танцевального спорта и акробатического рок-н-ролла». URL: <https://fdsarr.ru>; Дисциплинарный регламент ФХР, утвержденный решением Правления ФХР (Протокол № 3/16 от 27.06.2016). URL: <https://fhr.ru/upload/iblock/f0c/Distsiplinarynyy-reglament-FKHR.pdf>; Дисциплинарный регламент РФС, утвержденный Постановлением Исполкома Общероссийской общественной организации «Российский футбольный союз» № 65/2 от 23.12.2010 с последующими изменениями и дополнениями (в редакции на 03.08.2023). URL: <https://static.rfs.ru/documents/1/5d97451d197af.pdf>.

поскольку определяется его комплексностью, в основе которой находится взаимопроникновение норм частноправовых и публично-правовых отраслей современного российского законодательства.

Приведенные доводы позволяют констатировать, что существующие в российском праве дисциплинарные отношения вышли за пределы регулирования какой-либо одной отрасли, что определяет объективную необходимость их даль-

нейшего развития в рамках самостоятельной системы норм и институтов – дисциплинарного права.

Таким образом, дисциплинарное право – это комплексная отрасль российского права, включающая систему материальных и процессуальных норм, которые регулируют правовые и организационные аспекты возникновения, развития и прекращения дисциплинарных отношений в сфере государственного управления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кутафин О.Е. Предмет конституционного права. Москва: Юристъ, 2001. 444 с.
2. Теория государства и права / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Юристъ, 2000. 772 с.
3. Бухтоярова О.А. Предмет административного права и дисциплинарная ответственность в контексте разграничения отраслей права // Административное право и процесс. 2022. № 6. С. 23 – 26.
4. Административное право: учебник / под ред. Л.Л. Попова, М.С. Студеникиной. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2017. 704 с.
5. Амелин Р.В., Чаннов С.Е. Эволюция права под воздействием цифровых технологий. Москва: НОРМА, 2023. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.10.2023).
6. Phillimore J.G. Private Law among the Romans from the Pandects. L., 1863 (Reprinted by Adamant Media Corp., 2000). 448 p.
7. Скурко Е.В. Некоторые историко-философские аспекты генезиса права как элемента культуры // История государства и права. 2010. № 19. С. 39 – 47.
8. Миронов А.Н. Тенденции отраслизации дисциплинарного права в России // Административное и муниципальное право. 2020. № 3. DOI: 10.7256/2454-0595.2020.3.32749 // URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32749.

REFERENCES

1. Kutafin O.E. Predmet konstitucionnogo prava. Moskva: YUrist', 2001. 444 s.
2. Teoriya gosudarstva i prava / pod red. N.I. Matuzova, A.V. Mal'ko. 2-e izd., pererab. i dop. Moskva: YUrist", 2000. 772 s.
3. Buhtoyarova O.A. Predmet administrativnogo prava i disciplinarnaya otvetstvennost' v kontekste razgranicheniya otraslej prava // Administrativnoe pravo i process. 2022. № 6. S. 23 – 26.
4. Administrativnoe pravo: uchebnik / pod red. L.L. Popova, M.S. Studenikinoj. 2-e izd., pererab. i dop. Moskva: Norma: INFRA-M, 2017. 704 s.
5. Amelin R.V., CHannov S.E. Evolyuciya prava pod vozdejstviem cifrovyh tekhnologij. Moskva: NORMA, 2023. SPS «Konsul'tantPlyus» (data obrashcheniya: 03.10.2023).
6. Phillimore J.G. Private Law among the Romans from the Pandects. L., 1863 (Reprinted by Adamant Media Corp., 2000). 448 r.
7. Skurko E.V. Nekotorye istoriko-filosofskie aspekty genезisa prava kak elementa kul'tury // Istoriya gosudarstva i prava. 2010. № 19. S. 39 – 47.
8. Mironov A.N. Tendencii otraslizacii disciplinarnogo prava v Rossii // Administrativnoe i municipal'noe pravo. 2020. № 3. DOI: 10.7256/2454-0595.2020.3.32749 // URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32749.

Информация об авторе:

Журавлев Владимир Вячеславович, кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права и административной деятельности Рязанского филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, vz15111982@gmail.com

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Zhuravlev Vladimir V., Candidate in Law (Research doctorate), Associate Professor of the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Ryazan Branch of the Vladimir Kikot Moscow University of MIA of Russia, vz15111982@gmail.com

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 06.10.2023.

Статья принята к публикации: 20.03.2024.

Статья опубликована онлайн: 22.03.2024.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Научная статья
УДК 342.571
DOI: 10.37973/KUI.2024.30.60.002

**ИЗМЕНЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ
КАК КРИТЕРИЙ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ
РОССИЙСКИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ**

Анатолий Васильевич Курочкин,
Набережночелнинский институт
Казанского (Приволжского) федерального университета,
Набережные Челны, Россия, kurochkin.tolik@bk.ru

Аннотация

Введение: контроль в отношении партийной деятельности актуализируется частыми законодательными изменениями на протяжении процесса конституционализации политических партий в современных российских условиях. Цель исследования – выявить типологические особенности государственного контроля в партийном законодательстве Российской Федерации и установить влияние законодательных изменений в данной сфере на конституционализацию партийных организаций.

Материалы и методы: в достижении отмеченной цели автор использовал комплекс методологических подходов. Основополагающее значение получили формально-логический и герменевтический методы, способствовавшие текстуальному анализу правовых норм, в том числе подвергнутых законодательным изменениям и новациям. Также в процессе исследования автор опирался на теорию конституционализации, развиваемую российскими правоведом.

Результаты исследования: автор приходит к выводу, что правовое регулирование контроля за партийной деятельностью является объектом политико-административного проектирования. Его типологизация в российском законодательстве основывается на отраслевом делении системы права, однако действующий механизм правового регулирования нарушает сложившиеся отраслевые рамки.

Обсуждение и заключение: при закреплении контрольных полномочий в законе за определенным органом проявляется конституционно-правовая гарантия невмешательства государства в партийные дела. Если данный орган определяется на подзаконном уровне, то институт политических партий приобретает административно-правовые черты.

Ключевые слова: политические партии; партийное право; партийное законодательство; конституционное право; институт политических партий; конституционализация; российское законодательство

© Курочкин А.В., 2024

Для цитирования: Курочкин А.В. Изменение государственного контроля как критерий конституционализации российских политических партий // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 1 (55). С. 15 – 20. DOI: 10.37973/KUI.2024.30.60.002

Scientific article
UDC 342.571
DOI: 10.37973/KUI.2024.30.60.002

**CHANGING OF STATE CONTROL AS A CRITERION
FOR THE CONSTITUTIONALIZATION OF RUSSIAN POLITICAL PARTIES**

Anatoly Vasilyevich Kurochkin,
the Naberezhnye Chelny Institute of Kazan Federal University, Naberezhnye Chelny, Russia,
kurochkin.tolik@bk.ru

Abstract

Introduction: control over political parties is updated by frequent legislative changes that affect the constitutionalisation of Russian political parties. The purpose of the study is to identify the typological

features of state control in Russian party legislation in order to determine the impact of legislative changes on the constitutional reality of party relations.

Materials and Methods: the author used a complex of methodological approaches. Formal-logical and hermeneutic methods were of fundamental importance. They helped in the textual analysis of legal regulations, including legislative amendments. In the process of research, the author also relied on the theory of constitutionalisation developed by Russian scholars.

Results: the legal regulation of control over party activities is an object of political and administrative design. Its typology in Russian legislation is based on the sectoral division of the Russian legal system. However, the current mechanism of legal regulation violates the structure of the legal system developed in Russia.

Discussion and Conclusions: if the powers of control are assigned by law to a certain body, a constitutional and legal guarantee of non-interference of the state in the affairs of the parties is manifested. If this body is established at a subordinate level, the institution of political parties acquires administrative and legal characteristics.

Keywords: political parties; party law; party legislation; constitutional law; institution of political parties; constitutionalization; Russian legislation

© Kurochkin A.V., 2024

For citation: Kurochkin A.V. Changing of State Control as a Criterion for the Constitutionalization of Russian Political Parties. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2024;15(1):15-20. (In Russ.). DOI: 10.37973/KUI.2024.30.60.002

Введение

Концепт «конституционализация» воспринимается в российской правовой доктрине в нескольких значениях, среди которых доминируют следующие подходы:

1) конституционно-правовая формализация определенных общественных отношений [1, 2];

2) процесс образования конституционно-правовых институтов [3, 4];

3) процесс обретения отдельными видами правоотношений конституционной реальности [5].

Применительно к институту политических партий, получившему неоднозначное правовое закрепление в нормах Конституции Российской Федерации посредством формулирования принципов, ценностей и гарантий, конституционная реальность подвержена влиянию разнообразных факторов. В своем совокупном выражении они определяют особенности не только формирования норм партийного законодательства, но и их толкования, что трансформирует правоприменительную практику. Одним из таких условий конституционализации выступает контроль за партийной деятельностью, осуществляемый уполномоченными государственными органами. Его развитие в российском законодательстве о политических партиях, подкрепленное систематизацией правореализационных подходов к осуществлению отдельных мер воздействия на партийные организации, демонстрирует вектор проектирования современной конституционной реальности партийных правоотношений.

Обзор литературы

Контроль в конституционно-правовом изменении обладает многозначным содержанием, которое выявляется как в общеправовых рамках (в качестве института, полномочия, меры воздействия) [6, с. 1834], так и применительно к отдельно взятым правоотношениям [7, с. 36]. Исследователи сходятся во мнении, что контроль выступает совокупностью средств, необходимых для сбора и анализа информации об определенном объекте для принятия управленческого решения [8, с. 221].

Вместе с тем получение соответствующих сведений о партийной деятельности далеко не всегда сопряжено с реализацией контрольных полномочий. Исходя из этого, авторы по-разному трактуют цели, функции, задачи контрольной деятельности в отношении политических партий [9, 10], выявляют правовые и управленческие отличия между отдельными видами контроля [11], устанавливают пределы их осуществления [12].

Такая неоднозначность в теоретических подходах к понятию контроля вызвана особенностями российского партийного законодательства, поскольку в действующей редакции Федерального закона от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях» (далее – Федеральный закон 2001 г.) данный термин не получил правового определения, несмотря на его многократное использование в партийно-правовых нормах. Так, он задействован в качестве гарантии реализации принципа равенства парламентских партий при

освещении их деятельности в государственных средствах массовой информации субъектов РФ (п. 1.3 ст. 32 Федерального закона 2001 г.), что конкретизировано специальным Федеральным законом от 12.05.2009 № 95-ФЗ¹. Аналогичный терминологический ряд прослеживается в закреплении функции по проверке финансовой отчетности политических партий за органом, осуществляющим контроль в сфере налогов и сборов (п. 1 ст. 35 Федерального закона 2001 г.).

Специализированное выражение контроль в отношении политических партий получил в ст. 38 Федерального закона 2001 г., посвященной сугубо организационным аспектам его реализации, что, в свою очередь, демонстрирует объем административных полномочий и распределение контрольных функций между государственными органами. В результате исследователи отмечают, что изменения в законодательном регулировании такого контроля за партийной деятельностью на фоне развивающейся правоприменительной практики показывают фактические конституционные условия существования политических партий в Российской Федерации [13, с. 110; 14, с. 44].

Материалы и методы

В методологическом плане сращивание терминов «конституционализация» и «формализация» приводит лишь к текстуальному исследованию особенностей нормативно-правового закрепления партийных отношений. Между тем процессы, сопровождающие обретение институтом политических партий определенной конституционной реальности, протекают в различных формах, многие из которых не привязаны к отдельно взятому нормативно-правовому или правоприменительному акту [15]. За основу конституционализации необходимо брать сами правоотношения, в которых воплощаются конституционно-правовые ценности и принципы, в том числе такие конституционные абстракции, как многопартийность [16, с. 804].

Таким образом, конституционализация представляется многоступенчатым процессом развития конституционно-правового статуса политических партий как в законодательстве, так и при реализации правовых норм и конституционных ценностей. Указанная особенность обоснована отнесением данных правоотношений в рамки комплексного правового института, подчиненного нормам разной отраслевой принадлежности. Отмеченный вывод подтверждается использованием метода правовой герменевтики, позволяющего избежать буквального толкования законодатель-

ных норм и выявлять скрытый смысл задействованных в них категорий и терминов. Кроме того, применение системного метода приводит к обобщению особенностей правового регулирования контроля за партийной деятельностью в разветвленной структуре норм партийного права.

Результаты исследования

Динамика законодательного регулирования контроля за партийной деятельностью привязана к сугубо политическим процессам, происходящим в Российской Федерации постсоветского периода. Отсутствие специального закона, регламентирующего порядок создания, осуществления деятельности и прекращения политических партий, на протяжении 1990-х гг. привело к формированию двух типов контроля:

1) общий контроль затрагивал соблюдение партийными организациями требований законности в сфере функционирования общественных объединений, выступавших в качестве некоммерческих юридических лиц;

2) специальный контроль был посвящен участию партий и иных организаций со смежным правовым статусом в избирательных процессах.

Формально схожий механизм регулирования контроля за деятельностью политических партий можно было выявить в первоначальной редакции Федерального закона 2001 г. Так, в п. 1 ст. 38 выделялась категория «регистрирующих органов», наделенных контрольными полномочиями по соблюдению партийными организациями не только законодательства, но и устава политической партии. Подобная модель сбора и анализа сведений действовала в отношении всех юридических лиц вне зависимости от их организационно-правовой формы, вследствие чего ученые квалифицировали такой контроль в качестве общеправового [17].

Другим типом контроля за партийной деятельностью в первоначальной редакции Федерального закона 2001 г. был налоговый контроль, который имел специализированный предмет: источники доходов, размеры получаемых средств и налоги. При этом в нормах рассматриваемого закона отсутствовало указание на контроль со стороны органов, уполномоченных в сфере проведения выборов и референдумов. Данный пробел обосновывался несовпадением объекта законодательного регулирования, ведь нормы Федерального закона 2001 г. посвящены корпоративным аспектам деятельности политических партий, а избирательные правоотношения регламентируются другими законами, наделавшими Центральную

¹ О гарантиях равенства парламентских партий при освещении их деятельности государственными общедоступными телеканалами и радиоканалами: Федеральный закон от 12.05.2009 № 95-ФЗ. СПС «КонсультантПлюс».

избирательную комиссию Российской Федерации отдельными контрольными полномочиями.

Однако в 2002 г. Федеральный закон № 31-ФЗ¹ расширил категорию государственных органов, наделенных контрольными функциями в отношении политических партий. Вместо «регистрационных органов» в п. 1 ст. 38 Федерального закона 2001 г. была введена формулировка «уполномоченные органы», что негативно оценивается исследователями по причине административно-правовой конкретизации организационных форм исполнительной власти, включенных в систему контроля за партийной деятельностью [18, с. 24].

В 2005 г. Федеральный закон № 95-ФЗ ввел в ст. 38 Федерального закона 2001 г. специальный пункт 1.1, в котором контрольные полномочия в отношении основных партийных финансов и имущества закреплялись за Центральной избирательной комиссией и региональными избирательными комиссиями при сохранении налогового контроля со стороны органа исполнительной власти, осуществляющего управленческие функции в области налогов и сборов (п. 2 ст. 38).

Таким образом, специальный контроль за партийной деятельностью получил типологизацию по предмету правового регулирования с разной отраслевой принадлежностью контрольных правоотношений:

- по нормам избирательного и партийного законодательства со стороны Центральной избирательной комиссии и избирательных комиссий субъектов РФ;

- по нормам налогового законодательства со стороны налоговых органов.

Вместе с тем в 2014 г. Федеральный закон № 355-ФЗ формально упразднил выделение налогового контроля за политическими партиями в структуре ст. 38 Федерального закона 2001 г. Впрочем, фактически это не привело к отмене данного вида контроля по нормам налогового законодательства. Более того, внутри Федерального закона 2001 г. сохранилось разграничение контроля за партийной деятельностью в области финансов (п. 1 ст. 35) за тем лишь исключением, что Центральная избирательная комиссия проверяет сводный финансовый отчет партий, а налоговые органы – бухгалтерский отчет.

Обсуждение и заключение

Согласно формальному критерию организационной определенности в осуществлении кон-

троля за партийной деятельностью по нормам Федерального закона 2001 г. выделяется три его вида:

- 1) контроль за законностью деятельности политических партий, осуществляемый уполномоченными органами;

- 2) контроль за финансовыми аспектами деятельности политических партий, осуществляемый Центральной избирательной комиссией и региональными избирательными комиссиями;

- 3) контроль за соблюдением налогового законодательства и законодательства о бухгалтерском учете, реализуемый налоговыми органами.

В первом типологическом измерении отсутствует законодательная конкретизация, которая осуществляется на подзаконном уровне и ставит политические партии в широкие рамки административного усмотрения при фактическом сохранении данной функции лишь за Министерством юстиции Российской Федерации. Фактически в такую контрольную деятельность вовлечены также другие органы исполнительной власти (например, сотрудники Министерства внутренних дел Российской Федерации проверяют собранные партиями подписи избирателей при выдвижении кандидатов на выборы).

Во втором и третьем виде контроля прослеживается попытка законодателя придерживаться отраслевых пределов правового регулирования с фрагментарным дублированием норм:

- в избирательном и партийном законодательстве;

- в налоговом и партийном законодательстве.

Выявленная типологическая особенность и проанализированные законодательные изменения показывают влияние политико-административного проектирования на конституционную реальность, в которой развиваются партийные отношения. Закрепление контрольных полномочий за определенным органом непосредственно в Федеральном законе 2001 г. следует рассматривать как проявление конституционно-правовой гарантии невмешательства государства в партийные дела. Напротив, введение новых правовых абстракций приводит многие нормы института политических партий в административно-правовые рамки, что, в свою очередь, нарушает сложившиеся отраслевые границы.

¹ О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации: Федеральный закон от 26.02.1997 № 31-ФЗ. СПС «КонсультантПлюс».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кравец И.А. Понятие и способы конституционализации правового порядка // Российский юридический журнал. 2003. № 4 (40). С. 9 – 18.
2. Кузьмин А.Г. Конституционализм, конституционализация, конституционная законность: к вопросу о соотношении категорий // Российский судья. 2014. № 9. С. 14 – 20.
3. Авдеев Д.А. Конституционализация современной российской формы правления в конце XX века // Юридическая наука и практика. 2015. Т. 11. № 3. С. 28-37.
4. Чепрасов К.В. Конституционализация местного самоуправления как нижнего пространственного уровня публичной власти // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 3. С. 89 – 94.
5. Крусс В.И. Концепция конституционного правопользования (право на предпринимательскую деятельность). Диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. Москва, 2004. 424 с.
6. Шайдуллина Д.Д. Соотношение понятий контроля и надзора в российском праве // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 35. С. 1834 – 1837.
7. Спиридонов А.А. Государственный, муниципальный и общественный контроль: содержание и соотношение понятий с позиций конституционного права // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 5 (138). С. 33 – 45.
8. Рождественская Т.Э. К вопросу о соотношении понятий надзор и контроль в праве // Вопросы экономики и права. 2011. № 42. С. 219 – 224.
9. Развеев Д.В. Организационно-правовые аспекты президентского контроля за деятельностью политических партий в России // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 5 (94). С. 183 – 186.
10. Мильчакова О.В. Судебный конституционный контроль деятельности политических партий // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 2 (39). С. 188 – 194
11. Ильиных А.В. Виды государственного контроля и надзора за деятельностью политических партий // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2021. № 4. С. 125 – 132.
12. Мельник Т.Е. Независимый контроль за финансированием политических партий: стандарты ГРЕКО и российское законодательство // Международное публичное и частное право. 2020. № 1. С. 24 – 29.
13. Долгих Ф.И. Конституционная регламентация деятельности политических партий в свете глобальных тенденций конституционно-правового развития // Сравнительное конституционное обозрение. 2019. № 4 (131). С. 102 – 115.
14. Заславский С.Е. Постсоветская конституционная многопартийность в протестном контексте // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 3 (94). С. 42 – 45.
15. Капицын В.М. Символьная конституционализация национальных интересов // Информационные войны. 2013. № 1 (25). С. 47 – 54.
16. Кочетков В.В. М.Я. Острогорский о роли партий в демократическом государстве: к вопросу о конституционализации институтов // Политика и общество. 2014. № 7 (115). С. 804 – 814.
17. Тихомирова Ю.С. Правовые формы контроля деятельности политических партий. Диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва, 2003. 165 с.
18. Узунян Т.Т. К вопросу о численности политической партии // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 22. С. 23 – 25.

REFERENCES

1. Kravec I.A. Ponyatie i sposoby konstitucionalizacii pravovogo poryadka // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. 2003. № 4 (40). S. 9 – 18.
2. Kuz'min A.G. Konstitucionalizm, konstitucionalizaciya, konstitucionnaya zakonnost': k voprosu o sootnoshenii kategorij // Rossijskij sud'ya. 2014. № 9. S. 14 – 20.
3. Avdeev D.A. Konstitucionalizaciya sovremennoj rossijskoj formy pravleniya v konce XX veka // YUridicheskaya nauka i praktika. 2015. T. 11. № 3. S. 28-37.
4. СНepasov K.V. Konstitucionalizaciya mestnogo samoupravleniya kak nizhnego prostranstvennogo urovnya publichnoj vlasti // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2016. № 3. S. 89 – 94.
5. Kruss V.I. Konceptiya konstitucionnogo pravopol'zovaniya (pravo na predprinimatel'skuyu deyatel'nost'). Dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni doktora yuridicheskikh nauk. Moskva, 2004. 424 s.

6. SHajdullina D.D. Sootnoshenie ponyatij kontrolya i nadzora v rossijskom prave // Innovacii. Nauka. Obrazovanie. 2021. № 35. S. 1834 – 1837.
7. Spiridonov A.A. Gosudarstvennyj, municipal'nyj i obshchestvennyj kontrol': sodержanie i sootnoshenie ponyatij s pozicij konstitucionnogo prava // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2022. T. 17. № 5 (138). S. 33 – 45.
8. Rozhdestvenskaya T.E. K voprosu o sootnoshenii ponyatij nadzor i kontrol' v prave // Voprosy ekonomiki i prava. 2011. № 42. S. 219 – 224.
9. Razveev D.V. Organizacionno-pravovye aspekty prezidentskogo kontrolya za deyatel'nost'yu politicheskikh partij v Rossii // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii. 2013. № 5 (94). S. 183 – 186.
10. Mil'chakova O.V. Sudebnyj konstitucionnyj kontrol' deyatel'nosti politicheskikh partij // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2014. № 2 (39). S. 188 – 194
11. Il'inyh A.V. Vidy gosudarstvennogo kontrolya i nadzora za deyatel'nost'yu politicheskikh partij // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2021. № 4. S. 125 – 132.
12. Mel'nik T.E. Nezavisimyj kontrol' za finansirovaniem politicheskikh partij: standarty GREKO i rossijskoe zakonodatel'stvo // Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo. 2020. № 1. S. 24 – 29.
13. Dolgih F.I. Konstitucionnaya reglamentaciya deyatel'nosti politicheskikh partij v svete global'nyh tendencij konstitucionno-pravovogo razvitiya // Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie. 2019. № 4 (131). S. 102 – 115.
14. Zaslavskij S.E. Postsovetskaya konstitucionnaya mnogopartijnost' v protestnom kontekste // Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie. 2018. № 3 (94). S. 42 – 45.
15. Kapicyn V.M. Simvol'naya konstitucionalizaciya nacional'nyh interesov // Informacionnye vojny. 2013. № 1 (25). S. 47 – 54.
16. Kochetkov V.V. M.YA. Ostrogorskij o roli partij v demokraticeskom gosudarstve: k voprosu o konstitucionalizacii institutov // Politika i obshchestvo. 2014. № 7 (115). S. 804 – 814.
17. Tihomirova YU.S. Pravovye formy kontrolya deyatel'nosti politicheskikh partij. Dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata yuridicheskikh nauk. Moskva, 2003. 165 s.
18. Uzunyan T.T. K voprosu o chislennosti politicheskoy partii // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2009. № 22. S. 23 – 25.

Информация об авторе:

Курочкин Анатолий Васильевич, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры конституционного, административного и международного права Набережночелнинского института Казанского (Приволжского) федерального университета, kurochkin.tolik@bk.ru
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Kurochkin Anatoly V., Doctor of Political Sciences (Doctor habilitatus), Professor, Professor of the Department of Constitutional, Administrative and International Law of the Naberezhnye Chelny Institute of Kazan Federal University, Kurochkin.tolik@bk.ru
The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 06.02.2024.

Статья принята к публикации: 20.03.2024.

Статья опубликована онлайн: 22.03.2024.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Научная статья
УДК 342.951
DOI: 10.37973/KUI.2024.62.60.003

**НАУЧНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РЕАЛИЗАЦИИ МВД РОССИИ
АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ СОВМЕСТНО
С ИНСТИТУТАМИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА**

Вадим Михайлович Пашин,
Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Москва, Россия,
Вильсур Фирдависович Саэтгараев,
Казанский юридический институт МВД России, Казань, Россия,
vilson78@list.ru

Аннотация

Введение: в статье рассматриваются перспективные направления развития научного обеспечения МВД России при реализации антикоррупционной политики совместно с институтами гражданского общества; проводится анализ терминологии и возможностей данной совместной деятельности, требующих научно-методической разработки. Предлагаются практические меры совершенствования научного обеспечения противодействия коррупции МВД России совместно с институтами гражданского общества с целью повышения эффективности данной деятельности.

Материалы и методы: теоретическую основу исследования составили научные труды отечественных ученых, посвященные вопросам научного обеспечения правоохранительной деятельности, нормативные правовые акты, официальные данные МВД России. Методологической основой исследования выступили диалектический метод научного познания социальных явлений, позволивший отразить взаимосвязь теории и практики, а также формально-юридический, сравнительно-правовой и логико-юридический методы.

Результаты исследования: в ходе научного изучения проблемных вопросов объединения усилий уполномоченных подразделений МВД России с представителями институтов гражданского общества для противодействия коррупции, реализации на практике положительно зарекомендовавших себя форм данной совместной деятельности выработаны соответствующие рекомендации.

Обсуждение и заключение: научно обоснованные предложения по оптимизации и упорядочиванию совместной деятельности уполномоченных подразделений МВД России и институтов гражданского общества позволят эффективно реализовывать предусмотренные антикоррупционным законом направления противодействия коррупции.

Ключевые слова: *МВД России; органы внутренних дел; институты гражданского общества; научное обеспечение; противодействие коррупции; правоохранительная деятельность*

© Пашин В.М., Саэтгараев В.Ф., 2024

Для цитирования: Пашин В.М., Саэтгараев В.Ф. Научное обеспечение реализации МВД России антикоррупционной политики совместно с институтами гражданского общества // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 1 (55). С. 21 – 29. DOI: 10.37973/KUI.2024.62.60.00

Scientific article
UDC 342.951
DOI: 10.37973/KUI.2024.62.60.00

**SCIENTIFIC SUPPORT FOR ANTI-CORRUPTION POLICY
OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA
JOINTLY WITH CIVIL SOCIETY INSTITUTIONS**

Vadim Mihailovich Pashin,
All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia), Moscow, Russia,
Vilsur Firdavisovich Saetgaraev,
the Kazan Law Institute of MIA of Russia, Kazan', Russia,
vilson78@list.ru

Abstract

Introduction: this article analyses the potential for scientific support in the Ministry of Internal Affairs of Russia's anti-corruption policy in collaboration with civil society institutions. It explores the terminology and opportunities for this joint effort, which require scientific and methodological development. This article proposes practical measures to enhance the scientific support for anti-corruption efforts of the Ministry of Internal Affairs of Russia in collaboration with civil society institutions. The article aims to increase the effectiveness of anti-corruption activities.

Materials and Methods: the study is based on the works of Russian scientists on scientific support for law enforcement activities, regulatory legal acts, and formal data of the Ministry of Internal Affairs of Russia. The study was based on the dialectical method of scientific knowledge of social phenomena, which reflects the link between theory and practice. The legal, comparative legal, and logical legal methods were also employed.

Results: during a scientific study of the synergy between authorized units of the Ministry of Internal Affairs of Russia and civil society institutions to combat corruption, proven forms of joint activity were implemented, and appropriate recommendations for their practical application were developed.

Discussion and Conclusions: objectively substantiated proposals to optimize and streamline the joint activities of authorized units of the Russian Ministry of Internal Affairs and civil society institutions will enable the full and effective implementation of all anti-corruption measures envisaged by the anti-corruption law.

Keywords: Ministry of Internal Affairs of Russia; internal affairs bodies; civil society institutions; scientific support; anti-corruption; law enforcement

© Pashin V.M., Saetgaraev V.F., 2024

For citation: Pashin V.M., Saetgaraev V.F. Scientific Support for Anti-Corruption Policy of the Ministry of Internal Affairs of Russia Jointly with Civil Society Institutions. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2024;15(1):21-29. (In Russ.). DOI: 10.37973/KUI.2024.62.60.00

Введение

Научное обеспечение реализации государственной антикоррупционной политики МВД России имеет междисциплинарный характер, поскольку определяется потребностью выработки смежных научных категорий в рассматриваемой сфере. Междисциплинарный подход к научному обеспечению противодействия коррупции требует решения многих сложных вопросов, среди которых постановка научных задач фундаментального и прикладного характера; согласование научных методов различных отраслей науки, координации усилий ученых и правоприменителей; сочетание общенаучных и специальных методов

исследования; выработка правовых и неправовых средств противодействия коррупции; проведение научно-практических конференций для их всестороннего обсуждения.

Организация противодействия коррупции как одно из ключевых направлений правоохранительной деятельности подразумевает применение системного подхода, основанного на объективности и беспристрастности, включающего такие параметры, как правовое регулирование, координация усилий задействованных субъектов, мониторинг и оценка эффективности применяемых антикоррупционных мер и др. Реализация указанных мер, среди которых следует особо выделить правовое

регулирование правоохранительной деятельности, формирует сложные общественные отношения, требующие дополнительного упорядочивания, и без научных разработок в данном вопросе не обойтись.

Научное обеспечение правового регулирования правоохранительной деятельности и управления данной сферы является одним из необходимых факторов ее способности выполнять возложенные на нее задачи в полном соответствии с современными требованиями общества. Соответственно, раскрывая сущность научного обеспечения рассматриваемого процесса, необходимо вести речь о его научно-методическом обеспечении, учебно-методическом и организационно-методическом сопровождении, которое должно иметь «сквозной» характер. Полагаем, научно-методическое обеспечение является ключевым. В идеале оно предшествует появлению новаций, изменений, реорганизаций, сопровождает все этапы правоохранительной деятельности и даже выходит за ее рамки, оценивая тот или иной фактор в ретроспективе. Соответственно, научно-методическое обеспечение – это необходимое направление, сопроводительное обеспечение правоохранительной деятельности во всех ее направлениях и аспектах, в том числе и в вопросах взаимодействия с иными субъектами [1].

Обзор литературы

Феномен коррупции как сложное социальное явление изучается различными отраслями социально-гуманитарных наук (философией, правом, социологией и др.), даже отдельно в рамках правовой науки выступает межотраслевым предметом изучения связанных с ней общественных явлений (историко-правовые, государственно-правовые, уголовно-правовые и др.), поскольку это связано с ее проникновением в самые разнообразные сферы общественных отношений. Вопросам научного обеспечения правоохранительной деятельности, противодействия коррупции органами публичной власти совместно с институтами гражданского общества посвящены научные труды В.В. Астанина, Р.Р. Алиуллова, Б.Я. Гаврилова, И.Е. Ильичева, П.А. Кабанова, Е.В. Киричёка, А.М. Кононова, Ю.Г. Наумова, Ю.А. Тихомирова, Ю.В. Трунцевского, А.Д. Ульянова, Т.Я. Хабриевой и других ученых.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составили принятые в юридической науке общенаучные принципы познания социальной действительности, а также общенаучные (диалектический метод познания, формально-логи-

ческий, моделирование, абстрагирование и конкретизация и др.) и специально-юридические (формально-юридический, сравнительно-правовой и логико-юридический методы и др.) методы познания.

Комплекс используемых методов познания в сочетании с приемами логики и аргументации позволил учесть сложность и многогранность исследуемых общественных отношений, на основе полученных знаний и выводов сформулировать предложения по преодолению выявленных проблем.

Результаты исследования

Сложившиеся в системе МВД России правовые и организационные основы противодействия коррупции представляют собой «самостоятельную и вполне современную комплексную технологию» [2, с. 30]. Система противодействия коррупции МВД России входит в состав государственной антикоррупционной системы в качестве ведомственного блока, а министерство осуществляет эту деятельность в пределах своих полномочий, утвержденных Положением о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типовым положением о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации (п. 84, ст. 11)¹. Указанная система включает в себя три базовых элемента: 1) правовую основу противодействия коррупции в ОВД; 2) организационную структуру противодействия коррупции в ОВД и 3) систему мониторинга и анализа [2, с. 30].

В связи с этим МВД России, в соответствии с Положением о МВД России, при осуществлении своих полномочий обеспечивает внедрение в свою деятельность современных достижений науки, техники и положительного опыта (п. 92 ст. 11), имеет право привлекать в установленном порядке для выработки решений по вопросам, относящимся к сфере внутренних дел, научные и иные организации, ученых и специалистов, в том числе на договорной основе (п. 4 ст. 12).

Закрепленный в Федеральном законе от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» принцип использования достижений науки и техники, современных технологий и информационных систем обуславливает актуальность вопроса научного обеспечения правоохранительной деятельности МВД России, заложив тем самым тенденцию внедрения в правоприменительную практику новейших научно-технических разработок, прежде всего в сфере выявления, раскрытия и расследования преступлений.

¹ Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 21.12.2016 № 699.

Приказ МВД России от 28.04.2023 № 260 «Об организации научной и научно-технической деятельности в системе МВД России» определяет научное обеспечение деятельности МВД России как комплекс осуществляемых в установленном порядке посредством реализации научной и научно-технической деятельности в системе министерства мероприятий, направленных на получение и применение новых знаний, научных и научно-технических результатов в сфере деятельности органов внутренних дел (далее – ОВД) в целях повышения ее эффективности (п. 2.1)¹. Под научной (научно-исследовательской) деятельностью в системе МВД России понимается деятельность, направленная на получение и применение новых знаний, научных результатов в сфере деятельности ОВД (п. 2.2), которая включает следующие научные исследования: фундаментальные – экспериментальная или теоретическая деятельность, направленная на получение новых знаний об основных закономерностях строения, функционирования и развития человека, общества, окружающей среды (п. 2.2.1); прикладные – исследования, направленные преимущественно на применение новых знаний для достижения практических целей и решения конкретных задач, возложенных на ОВД, и определяющие возможные пути использования результатов фундаментальных исследований (п. 2.2.2); поисковые – исследования, направленные на получение новых знаний в целях их последующего практического применения (ориентированные научные исследования) и (или) на применение новых знаний (прикладные научные исследования) и проводимые путем выполнения научно-исследовательских работ (п. 2.2.3).

Научная и научно-техническая деятельность в системе МВД России требует соответствующей организации, вышеуказанным ведомственным приказом определены оптимизация и упорядочивание последовательного процесса планомерной подготовки и проведения мероприятий по научному обеспечению деятельности ОВД, оценке и учету полученных результатов (п. 2.6). Однако приведенное выше определение научной и научно-исследовательской деятельности не конкретизирует особенности данного процесса. По мнению А.Д. Ульянова и М.Н. Никитина, научное обеспечение организации ОВД понимается как постоянный, проходящий при строжайшем соблюдении требований законодательства про-

цесс совершенствования оперативно-служебной деятельности, основанный на новейших достижениях науки и практики, имеющий своей целью повышение результативности (продуктивности) труда и призванный содействовать его экономии [3].

Бадин А.А. справедливо отмечает, что, помимо проблем теоретического характера, связанных с обеспечением терминологической чистоты, остаются пробелы и коллизии в правовом регулировании научного обеспечения правоохранительной деятельности органов внутренних дел, которые негативно влияют на ее организацию и эффективность [4]. Концепция научного обеспечения деятельности ОВД РФ на период до 2030 года² (далее – Концепция) выступает ведомственным документом стратегического планирования, определяющим цель, задачи, принципы, направления, меры, этапы и ожидаемые результаты совершенствования научного обеспечения оперативно-служебной деятельности ОВД. Концепция определяет научное обеспечение системы МВД России как осуществляемые в установленном порядке в интересах ОВД сотрудниками образовательных и научных организаций системы МВД России теоретические и прикладные научные исследования, результаты которых имеют научно-практическое значение и внедряются в управленческую практику, конкретную оперативно-служебную деятельность, образовательный и научный процессы (п. 1 ст. 4). Своевременно выявлять и отработывать возникающие проблемы в сфере деятельности ОВД позволяет имеющийся механизм мониторинга нормативных правовых актов, регламентирующих данную область (ст. 6). Результаты научных исследований способствуют достижению стратегических целей развития системы МВД России, в том числе по вопросам совершенствования законодательства и ведомственных НПА, а также порядку их применения. Правовые научные исследования востребованы практикой (ст. 7); отмечается, что практика испытывает острый недостаток в научно-методических материалах по противодействию новым угрозам и вызовам (ст. 13.1).

Эффективное осуществление оперативно-служебной деятельности, а также своевременное реагирование правовыми средствами на динамично меняющиеся общественные отношения в сфере внутренних дел достигается должным уровнем правового регулирования

¹ Об организации научной и научно-технической деятельности в системе МВД России: приложение № 1 «Общие положения организации научной и научно-технической деятельности в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации» к приказу МВД России от 28.04.2023 № 260.

² Об утверждении Концепции научного обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации на период до 2030 года: приказ МВД России от 13.11.2020 № 767.

и юридического сопровождения деятельности МВД России. 21 декабря 2021 г. МВД России утверждены Приоритетные направления правового регулирования и юридического сопровождения деятельности МВД России на период с 2022 по 2026 год¹ (далее – Приоритетные направления), обусловленные необходимостью дальнейшей, основанной на накопленном положительном опыте реализации программно-целевых инструментов, совершенствования функционирования системы МВД России в условиях решения сложных комплексных задач по обеспечению общественной безопасности и противодействия преступности. Совершенствование правового регулирования и юридического сопровождения деятельности МВД России является одним из первостепенных, значимых факторов, успешного решения стоящих перед ОВД задач (п. 4 гл. 1). Возросла эффективность деятельности ОВД с развитием правовых основ противодействия наиболее опасным видам преступлений, в первую очередь коррупции (п. 9 гл. 1).

Одной из закрепленных задач правового регулирования и юридического сопровождения деятельности МВД России в 2022 – 2026 годах является совершенствование нормативно-правового регулирования оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел в сфере противодействия преступлениям в области коррупции (пп. 2 п. 4 гл. 2). Среди ожидаемых результатов реализации Приоритетных направлений закреплена модернизация правовых механизмов противодействия коррупции (п. 3 гл. 5).

В ходе научного обеспечения правового регулирования совместной антикоррупционной деятельности ОВД с институтами гражданского общества рассматриваются вопросы внедрения в практическую деятельность научно обоснованных проектов правовых актов, методических материалов, образовательных программ и т.д. Это достигается путем проведения научно-исследовательской, экспериментальной, прогностической и иной работы.

Таким образом, можно сделать вывод, что под научно-методическим обеспечением правового регулирования сотрудничества органов внутренних дел с институтами гражданского общества по противодействию коррупции следует понимать основанную на общенаучных и специальных методах познания систему практико-ориентированных научно-исследовательских мероприятий, направленных на оптимизацию правового, организационного, информационного, методического

и иного сопровождения совместной деятельности посредством нормотворчества в целях повышения ее эффективности.

Данный процесс может быть воплощен в результате реализации комплекса мероприятий: разработки Программы научного обеспечения противодействия коррупции, научно обоснованной специализированной образовательной программы; на основе изучения зарубежного опыта рассмотрения возможности его внедрения в отечественную правоохранительную практику; совершенствования критериев оценки эффективности противодействия коррупции; разработки и модернизации нормативных правовых актов, регламентирующих механизм противодействия коррупции; подготовки и издания методических материалов.

Система научно-методического обеспечения правового регулирования противодействия коррупции включает современные достижения науки. При этом следует учитывать, что научно-методическое обеспечение правового регулирования исследуемой деятельности – это не изолированная сфера, в которой функционируют исключительно специфические закономерности, развиваются те или иные события или факторы. Противодействие коррупции, как и другие направления правоохранительной деятельности, основано на широких коммуникациях, выполнении специфических задач его субъектами и нацелено на достижение только социально-ожидаемого результата. Объясняется это в первую очередь той целью, ради которой эта деятельность вообще организуется. Целью противодействия коррупции является не совокупность проводимых антикоррупционных мероприятий, а достижение положительных результатов воздействия на коррупцию в соответствии с социальным запросом. Следовательно, научно-методическое обеспечение её правового регулирования должно не только предметно касаться самого содержания осуществляемой субъектами противодействия коррупции, но и выходить за его рамки, учитывать достижения других областей научного социального знания.

Научное обеспечение правового регулирования объединения усилий уполномоченных подразделений МВД России и институтов гражданского общества по противодействию коррупции направлено на сопровождение этой деятельности во всех направлениях указанной сферы: правовые и организационные аспекты совместной работы субъектов, преодоление проблемных вопросов, разработка практических рекомендаций для по-

¹ Приоритетные направления правового регулирования и юридического сопровождения деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации на период с 2022 по 2026 год: утверждены Министром внутренних дел Российской Федерации генералом полиции Российской Федерации В.А. Колокольцевым 21.12.2021.

вышения результативности решаемых задач. В ходе данного процесса рассматриваются вопросы внедрения в практическую деятельность научно обоснованных проектов правовых актов, методических материалов, образовательных программ и т.д. Для этого осуществляется научно-исследовательская, экспериментальная, прогностическая и другая деятельность.

Результаты исследования свидетельствуют о высокой востребованности среди практических работников наглядных, доступных для восприятия методических материалов по актуальным формам сотрудничества органов внутренних дел с общественными структурами при решении оперативно-служебных задач. В связи с этим весьма востребовано изучение и описание оправдавших себя на практике форм совместной деятельности с институтами гражданского общества в противодействии коррупционным проявлениям.

В свете обозначенных проблем следует отметить, что действующий Национальный план противодействия коррупции на 2021 – 2024 годы¹ (далее – Национальный план) во многом посвящен обеспечительным вопросам антикоррупционной политики; в первую очередь обращает на себя внимание блок мероприятий, направленный на антикоррупционное просвещение (глава 12), среди которых следует выделить систему мер, включающую проведение: научных исследований актуальных вопросов противодействия коррупции на междисциплинарной основе (п. «а» ст. 32), семинаров педагогических работников образовательных организаций относительно дополнительных профессиональных программ в области противодействия коррупции (п. «б» ст. 32), всероссийского семинара представителей СМИ относительно популяризации социальной антикоррупционной рекламы и других подобных информационно-просветительских мероприятий с реализацией разработанных рекомендаций (п. «в» ст. 32), международных и всероссийских студенческих антикоррупционных мероприятий (п. «а» ст. 36), научно-практической конференции для работников образовательных (научных) учреждений «Противодействие коррупции в образовательных и научных организациях (п. «б» ст. 36); рассмотрение вопроса об открытии в образовательных организациях высшего образования программы магистратуры «Антикоррупционная деятельность» (п. «в» ст. 36), разработку дополнительных профессиональных программ по противодействию коррупции (п. «а» ст. 34),

подготовку методических рекомендаций относительно антикоррупционного просвещения и антикоррупционных стандартов (п. «б» ст. 34), обеспечение разработки программы антикоррупционного просвещения населения (п. «г» ст. 36), активности чиновников, в должностные обязанности которых входит участие в противодействии коррупции, в профессиональном развитии в данной сфере, включая прохождение обучения по соответствующим дополнительным профессиональным программам (п. «а» ст. 39).

Отдельно в Национальном плане предусмотрены меры по дополнительному расширению участия институтов гражданского общества в реализации государственной политики в области противодействия коррупции» (глава 13), которая для целей настоящего исследования включает систему мер по: проведению анализа практики рассмотрения государственными органами и органами местного самоуправления обращений граждан и организаций по коррупционным фактам, принятия по ним мер реагирования, с представлением предложений совершенствования правового регулирования этой сферы (ст. 40), эффективности участия субъектов общественного контроля в противодействии коррупции с подготовкой предложений повышения эффективности участия данных субъектов (п. «а» ст. 41), подготовке предложений мер стимулирования и расширения участия граждан, общественных объединений (некоммерческих организаций) в области противодействия коррупции (п. «а» ст. 41), подготовке предложений системного привлечения добровольческих (волонтерских) организаций и движений к противодействию коррупции и антикоррупционному просвещению (п. «г» ст. 41), обеспечению включения при ротации в составы общественных советов представителей некоммерческих организаций, связанных с противодействием коррупции (ст. 42).

Также Национальный план ориентирует правоохранительные органы на новые вызовы коррупции, связанные с цифровыми технологиями (глава 16) по подготовке: предложений совершенствования правового регулирования выявления и пресечения преступлений коррупционной направленности, связанных с цифровыми финансовыми активами, иными цифровыми правами, цифровой валютой, с обнаружением, арестом и последующим возвращением потерпевшим и (или) обращением в доход государства указанных цифровых активов, полученных (либо преобразованных в них) в результате со-

¹ О Национальном плане противодействия коррупции на 2021 – 2024 годы: указ Президента Российской Федерации от 16.08.2021 № 478 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 34. Ст. 6170.

вершения этих преступлений (ст. 50), аналитического отчета о новых проявлениях коррупции, связанных с использованием цифровых технологий (ст. 51).

Наблюдая общую тенденцию распространения киберпреступлений, перемещение многих общественных отношений в виртуальное пространство, в том числе и деструктивных, следует учитывать необходимость детального изучения коррупционных проявлений в цифровом мире, и без соответствующих научно-методических разработок в данном направлении не обойтись. Научно-методическое сопровождение в новых реалиях касается как правовой регламентации сотрудничества исследуемых субъектов, так и рекомендаций по выявлению, предупреждению, раскрытию и расследованию коррупционных преступлений.

Обсуждение и заключение

В целях повышения уровня знаний сотрудников, осуществляющих противодействие коррупции, преодоления дефицита соответствующих методических разработок, правового регулирования организации совместной деятельности с институтами гражданского общества, разработки критериев оценки исследуемого сотрудничества научно-методическое обеспечение правового регулирования совместной деятельности весьма актуально и требует решения многих вопросов. Данный процесс может быть воплощен в реализации комплекса мероприятий: разработки организационно-правового механизма; научно обоснованной специализированной образовательной программы; на основе изучения зарубежного опыта рассмотрения возможности его внедрения в отечественной правоохранительной практике; разработки критериев оценки эффективности сотрудничества; разработки и модернизации нормативных правовых актов, регламентирующих механизм сотрудничества; подготовки и издания методических материалов.

В целях повышения качества профессиональной подготовки специалистов в сфере организации противодействия и непосредственного противодействия коррупции Планом МВД России по противодействию коррупции на 2021 – 2024 годы предусмотрена организация и проведение занятий с сотрудниками, федеральными государственными гражданскими служащими и работниками органов, организаций, подразделений МВД России, в том числе в должностные обязанности которых входит участие в противодействии коррупции, по доведению требований по соблюдению

ограничений, запретов и по исполнению обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции (п. 2.7.1).

Предлагаем следующие направления совершенствования научно-методического обеспечения правового регулирования сотрудничества органов внутренних дел с институтами гражданского общества в сфере противодействия коррупции¹:

1. Реализация программы дополнительного профессионального повышения квалификации сотрудников органов внутренних дел «Современные механизмы сотрудничества органов внутренних дел с институтами гражданского общества по противодействию коррупции», ориентированной на практических работников, выполняющих должностные обязанности по противодействию коррупции в целях повышения теоретического уровня, получения новых знаний, умения их практического применения. Модули программы:

1) сущность, содержание и основные принципы сотрудничества органов внутренних дел с институтами гражданского общества по противодействию коррупции на современном этапе;

2) правовое обеспечение сотрудничества органов внутренних дел с институтами гражданского общества по противодействию коррупции;

3) особенности организации сотрудничества органов внутренних дел с институтами гражданского общества по противодействию коррупции;

4) оценка эффективности сотрудничества органов внутренних дел с институтами гражданского общества по противодействию коррупции.

2. Подготовка методических рекомендаций «Организация сотрудничества органов внутренних дел и институтов гражданского общества в сфере противодействия коррупции». Основные цели: получение сотрудниками необходимых знаний, навыков и умений практического использования современных механизмов совместного противодействия коррупции. Структура методических рекомендаций включает разделы, предусмотренные вышеуказанной программой повышения квалификации, и раскрывает их содержание.

Программа является составным элементом воплощения в жизнь научно обоснованных рекомендаций правового регулирования и совершенствования сотрудничества органов внутренних дел с институтами гражданского общества по противодействию коррупции. Методические рекомендации предназначены для успешного освоения предложенной программы и получения прак-

¹ В соответствии с Приложением № 13 «Примерный перечень видов научных и научно-технических результатов научных исследований (научной и научно-технической продукции) к приказу МВД России от 28.04.2023 № 260.

тических рекомендаций по реализации процесса сотрудничества с институтами гражданского общества¹.

Различные аспекты противодействия коррупции (как правовые, так и неправовые) подтверждают крайнюю сложность противостояния этому негативному социальному явлению. Проблемы практической реализации государственных реформ в последние десятилетия во многом

объясняются слабой научно-методической разработкой их теоретического и правового обоснования. Немало оставшихся проблемных вопросов требуют глубокого научного изучения и рекомендаций по их практическому решению, прежде всего связанных с прогнозом развития правового регулирования исследуемой сферы, ее совершенствования в законотворчестве и правоприменительной практике.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Байдильдина Р.К. Организационно-правовой механизм взаимодействия службы пробации Министерства внутренних дел Республики Казахстан с иными правоохранительными органами и органами исполнительной власти общей компетенции регионального и районного уровней: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.11 – Судебная деятельность, прокурорская деятельность; правозащитная и правоохранительная деятельность. Москва, 2021. 289 с.
2. Ильичев И.Е. МВД России в системе противодействия коррупции // Проблемы правоохранительной деятельности. 2019. № 1. С. 28 – 42.
3. Ульянов А.Д., Никитин М.Н. Организация деятельности руководителя территориального органа МВД России. Москва, 2015. 107 с.
4. Бадин А.А. Проблемы организации научного обеспечения правоохранительной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 2 (41). С. 100 – 103.

REFERENCES

1. Bajdil'dina R.K. Organizacionno-pravovoj mekhanizm vzaimodejstviya sluzhby probacii Ministerstva vnutrennih del Respubliki Kazahstan s inymi pravoohranitel'nymi organami i organami ispolnitel'noj vlasti obshchej kompetencii regional'nogo i rajonnogo urovnej: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.11 – Sudebnaya deyatel'nost', prokurorskaya deyatel'nost'; pravozashchitnaya i pravoohranitel'naya deyatel'nost'. Moskva, 2021. 289 s.
2. Il'ichev I.E. MVD Rossii v sisteme protivodejstviya korrupcii // Problemy pravoohranitel'noj deyatel'nosti. 2019. № 1. S. 28 – 42.
3. Ul'yanov A.D., Nikitin M.N. Organizaciya deyatel'nosti rukovoditelya territorial'nogo organa MVD Rossii. Moskva, 2015. 107 s.
4. Badin A.A. Problemy organizacii nauchnogo obespecheniya pravoohranitel'noj deyatel'nosti organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii // Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk. 2020. № 2 (41). S. 100 – 103.

Информация об авторах:

Пашин Вадим Михайлович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России).

Саэтгараев Вильсур Фирдависович, преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности Казанского юридического института МВД России, ORCID: 0000-0001-8209-5098, Researcher ID: ABE-3515-2021, vilson78@list.ru

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

¹ Положения программы и материалы методических рекомендаций внедрены в образовательную деятельность Казанского юридического института МВД России, «Северо-Кавказского института повышения квалификации» (филиала) Краснодарского университета МВД России, а также в практическую деятельность МВД по Республике Калмыкия, МВД по Республике Татарстан, МВД по Республике Хакасия, Казанского линейного управления МВД России на транспорте, что подтверждается соответствующими актами о внедрении.

Information about the authors:

Pashin Vadim M., Doctor of Law (Doctor habilitatus), Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia).

Saetgaraev Vilsur F., Lecturer at the Department of Investigative Activities of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. ORCID: 0000-0001-8209-5098. Researcher ID: ABE-3515-2021, vilson78@list.ru

The authors have read and approved the final version of the manuscript

Заявленный вклад авторов

Пашин Вадим Михайлович – концепция и инициация исследования; осуществление критического анализа и доработка текста.

Саегаев Вильсур Фирдавиевич – подготовка первоначального варианта текста; проведение критического анализа материалов и формирование выводов; поиск аналитических материалов в официальных источниках.

Статья получена: 16.10.2023.

Статья принята к публикации: 20.03.2024.

Статья опубликована онлайн: 22.03.2024.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаем.

Научная статья
УДК 34
DOI: 10.37973/KUI.2024.32.37.004

О ФОРМИРОВАНИИ В ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ОБРАЗА СОТРУДНИКА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Антон Евгеньевич Шалагин¹, Ольга Николаевна Хрусталёва²,
^{1,2} Казанский юридический институт МВД России, Казань, Россия,
¹ aeshalagin@yandex.ru, ² okhrustal@mail.ru

Аннотация

Введение: в статье рассматривается проблема, связанная с формированием в общественном сознании образа сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации, отвечающего запросам гражданского общества. Обращено внимание на положительные и отрицательные признаки личности защитника правопорядка.

Материалы и методы: в основе проведенного исследования – диалектический метод познания действительности; авторами применялись общенаучные и частнонаучные методы (опрос, анкетирование, логический, формально-юридический, системно-структурный анализ). Использовались труды известных ученых в области социологии, психологии, криминологии, педагогики.

Результаты исследования: проанализированы и обобщены анкеты курсантов и слушателей Казанского юридического института МВД России, сформированные для изучения их литературных и кинематографических предпочтений, выбора социальных сетей и профессиональной заинтересованности.

Обсуждение и заключение: авторы приходят к выводу, что необходима целенаправленная и продуктивная работа по созданию в общественном сознании образа полицейского, готового прийти на помощь людям, умело и ответственно выполняющего служебные задачи, проявляющего смелость и отвагу, благородство и доблесть, честность и справедливость. Сформулированы рекомендации для курсантов и слушателей образовательных организаций МВД России в части приобретения знаний, умений и навыков по профессии «Полицейский».

Ключевые слова: образ сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации; средства массовой информации; полиция; имидж; черты личности; литература; кинематограф; здоровый образ жизни

© Шалагин А.Е., Хрусталёва О.Н., 2024

Для цитирования: Шалагин А.Е., Хрусталёва О.Н. О формировании в общественном сознании положительного образа сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 1 (55). С. 30 – 38. DOI: 10.37973/KUI.2024.32.37.004

Scientific article

UDC 34

DOI: 10.37973/KUI.2024.32.37.004

**PROMOTING A POSITIVE IMAGE OF POLICE OF THE RUSSIAN FEDERATION
IN CIVIL SOCIETY**

Anton Evgenyevich Shalagin¹, Olga Nikolaevna Hrustaleva²,

^{1,2} the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Kazan, Russia,

¹ aeshalagin@yandex.ru, ² okhrustal@mail.ru

Abstract

Introduction: the authors address the relevance of the image of a police officer to the needs of civil society. They identify the strengths and weaknesses in the personality of a law enforcement officer.

Materials and Methods: the study utilised the dialectical method of cognition and employed both universal and specific research methods, including surveys, questionnaires, logic, legal, and system and structure analysis. Works by renowned social, psychology, criminology and pedagogy scientists were also consulted.

Results: the authors analyse and consolidate questionnaires from cadets and students of the Kazan Law Institute of MIA of Russia to study their literature and cinematographic preferences, social network usage, and professional motivation.

Discussion and Conclusions: the authors conclude that targeted and efficient work is necessary to improve the image of police officers as individuals who are willing to help people, skillfully and responsibly perform their professional duties, and possess bravery, courage, nobility, valour, honesty, and justice. The study concludes with recommendations for cadets and students of the MIA of Russia regarding their professional knowledge, practices, and skills.

Keywords: image of an internal affairs officer; mass media; police; image; personality traits; literature; cinema; healthy lifestyle

© Shalagin A.E., Hrustaleva O.N., 2024

For citation: Shalagin A.E., Hrustaleva O.N. Promoting a Positive Image of Police of the Russian Federation in Civil Society. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2024;15(1):30-38. (In Russ.). DOI: 10.37973/KUI.2024.32.37.004

Введение

Проблема формирования положительного образа сотрудников органов внутренних дел не нова, но ее актуальность на современном этапе реформирования ведомства чрезвычайно.

27 марта 2012 года на заседании Общественного совета при МВД России обсуждался вопрос об ударе, нанесенном репутации правоохранительной системе, в связи с резонансными делами в отношении сотрудников полиции. Выступая от имени кинематографистов, актер В.С. Лановой, в чьей кинокарьере были роли сотрудников милиции, отметил, что в 70-80-е годы XX века по инициативе Министра МВД СССР Н.А. Щелокова произошла настоящая «культурная революция» в министерстве – стал активно создаваться положительный образ сотрудника милиции в журналистике, литературе, кино, живописи. Такой деятельностью преследовалась благородная цель – воспитать милиционера, внутренне не способного совершить преступления [1].

В Федеральном законе от 7 февраля 2011 г. № 3 «О полиции» перечислены принципы ее деятельности: законность, соблюдение прав и свобод человека (гражданина), беспристрастность, открытость, публичность, общественное доверие, поддержка граждан, взаимодействие и сотрудничество, использование достижений науки и техники, современных технологий и информационных систем. Представляется, что доверие населения можно заслужить исключительно ежедневной, самоотверженной, результативной работой.

По мнению О.В. Ушаковой, образ сотрудника органов внутренних дел – это сложная социально-психологическая категория, отражающая представления различных слоев населения о деятельности полицейских, их образовательном, нравственном, культурном развитии, личностных и деловых качествах [2, с. 10]. Формирование положительного образа сотрудника полиции связано с обеспечением общественной безопасности и охраной правопорядка, отчетностью перед населением, укреплением взаимодействия с органа-

ми местного самоуправления и общественными организациями. Крайне осуждаются равнодушие, хамство, безответственность, халатность, безразличие, грубость, фамильярность. К отрицательным качествам личности полицейского относят черствость, излишнюю раздражительность, агрессивность, мстительность, зависть, жадность, заносчивость.

Как отмечает А.В. Суровцев, положительный образ защитника правопорядка складывается из его интеллектуальных, аналитических, прогностических способностей, уравновешенности, самообладания, наблюдательности, патриотизма, организаторских качеств, владения современными информационными технологиями [3, с. 10]. Стереотипы общественного мнения возникают на основе представлений предыдущих периодов, публикаций в средствах массовой информации, художественных образов, обычаев, традиций и их сложнее всего преодолеть.

Образ сотрудника органов внутренних дел с позиции психологического восприятия складывается из особенностей профессиональной деятельности, представлений о личностных качествах, мотивации и ценностных ориентирах полицейских, характеристик их поступков и образа жизни. По мнению И.Е. Ширшова, сформировать положительный образ защитника правопорядка, отвечающего современным требованиям, – это задача государства и граждан, проживающих в нем [4, с. 114].

В России функционируют 20 вузов, подчиненных Министерству внутренних дел Российской Федерации. Ежегодно фиксируется высокий конкурс среди абитуриентов, выбравших профессию юриста и желающих стать полицейскими. Однако проблема кадрового некомплекта в Министерстве внутренних дел Российской Федерации как никогда актуальна. И одной из причин «утечки» молодых сотрудников является своеобразный конфликт между романтизируемым образом полицейского и реальной ситуацией существования данного образа в бытовом восприятии.

Осознанное отношение к обучению и освоению профессии «Полицейский» складывается из стремления к получению новых знаний, умений и навыков, самообразования, занятий по правовой, служебной, огневой, физической, морально-психологической подготовке, а также изучения передового отечественного и зарубежного опыта в сфере предупреждения, выявления и пресечения преступлений, использования современных инновационных технологий при расследовании уголовных дел. В современных условиях сотрудники органов внутренних дел Российской Федерации

должны учитывать появление новых угроз и вызовов, в том числе в цифровой среде, быть готовыми к их минимизации.

При этом важно, чтобы сотрудники с гордостью и достоинством носили форму полицейского, считали себя частью правоохранительной системы, без которой невозможно торжество закона.

В оценке деятельности полицейского со стороны граждан нет мелочей – существенное значение имеют не только профессиональные, интеллектуальные, волевые качества личности, а также нравственный, этический, культурный уровень сотрудника органов внутренних дел, внешний вид, манера разговора. К положительным качествам личности сотрудника органов внутренних дел относятся вежливость, внимательность, готовность прийти на помощь, компетентность, объективность, справедливость, честность, неподкупность. Граждане желают видеть отважных, физически развитых, юридически подготовленных, харизматичных, культурных, коммуникабельных, честных, мужественных, способных ориентироваться в постоянно меняющихся условиях полицейских [5, с. 225].

Полицейский должен уважать права и свободы граждан, не терять выдержку и самообладание, достойно выглядеть при разрешении конфликтных ситуаций. Публикации в социальных сетях и средствах массовой информации, отражающие непрофессиональные или аморальные действия полицейских, наносят существенный вред имиджу и репутации всего ведомства. Многочисленные отрицательные комментарии формируют недоверие к представителям органов внутренних дел, способствуют падению авторитета и престижности правоохранительной деятельности.

На формирование позитивного образа защитника правопорядка оказывают влияние публикации в средствах массовой информации, освещающие героические поступки, результаты оперативно-служебной деятельности, действия сотрудников органов внутренних дел в особых условиях, взаимодействие полиции с институтами гражданского общества [6].

Одним из важнейших критериев оценки эффективности деятельности полиции является общественное мнение. Значительная роль в формировании образа сотрудника полиции принадлежит кинематографу, который способен оказывать существенное воздействие на сознание людей. Положительный образ сотрудника органов внутренних дел удалось передать в телевизионных сериалах «Место встречи изменить нельзя», «Улицы разбитых фонарей», «Убойная сила», «Ликвидация», «Участок», «Каменская».

В отдельных российских сериалах показаны не лучшие качества полицейских «Глухарь», «Ментовские войны», «Карпов», «Метод», «Оффлайн», «Химера», а некоторые телевизионные фильмы сложную и ответственную работу полиции показывают в юмористическом виде «Полицейский с Рублевки», «Инспектор Гаврилов» и др.

Обзор литературы

Проблеме формирования профессиональных, нравственных, интеллектуальных, культурных качеств сотрудников правоохранительных органов свои научные исследования посвящали Г.А. Аванесов, Н.Е. Браженская, М.А. Бучакова, А.А. Воронов, С.Е. Денисенко, А.И. Долгова, Ф.К. Зиннуров, Н.П. Каданцева, С.Я. Казанцев, Ю.Ю. Комлев, Д.А. Корецкий, В.Л. Кубышко, В.Н. Кудрявцев, Н.Ф. Кузнецова, С.Я. Лебедев, И.М. Мацкевич, А.В. Суровцев, О.В. Ушакова, Г.Г. Чанышева, И.Е. Ширшов, В.Е. Эминов и др.

В современной художественной литературе к образу сотрудника органов внутренних дел обращались Ч. Абдуллаев, А. Аввакумов А. Бушков, И. Деревянко, М. Есаулов, Д. Корецкий, А. Кивинов, А. Константинов, Н. Леонов, А. Маринина, В. Пронин, Е. Топильская и др. [7, с. 13-14]. Особый интерес представляют документальные произведения о выявлении, пресечении, расследовании преступлений прошлых лет, а также легендарных сотрудниках правоохранительных органов (Ф.И. Раззаков «Бандиты времен социализма. Хроника российской преступности 1917-1991 гг.»; С.А. Холодов «История уголовного розыска. 1918-1999», «История ОБХСС и экономическая преступность в России в XX веке», «Москва преступная: от Хитровки до Черкизна»; С.А. Кредов «Дзержинский», «Щелоков», «Вилен Апакидзе – сыщик, опередивший время»; А.Д. Константинов «Бандитский Петербург», «Коррупцированная Россия»; В.М. Карышев «Современные тюрьмы: от авторитета до олигарха», «Криминальная история России. 1989-1993», «Русская мафия 1991-2021»; Е.М. Меркачёва «Град обреченных: честный репортаж о семи колониях для пожизненно осужденных», «Громкие дела. Преступления и наказания в СССР», А.А. Сафаров «Закат «казанского» феномена. История ликвидации организованных преступных формирований Татарстана», М.В. Беляев, А.А. Шептицкий «Бандитская Казань», «Бандитский Татарстан», Р.Ш. Мугинов «О старых ментах замолвите слово: воспоминания», «Записки старого юриста») и др.

Материалы и методы

Методологическую основу научного исследования составили общенаучные и частнонаучные

методы познания, а также анализ, синтез, обобщение, систематизация, интерпретация эмпирических данных. Авторами использовались труды известных ученых в области социологии, психологии, криминологии, педагогики. Проведено анкетирование 36 курсантов и 50 слушателей.

Результаты исследования

В феврале-марте 2023 года авторами проведено анкетирование курсантов факультета подготовки специалистов по программам высшего образования (ФПС по ПВО) и слушателей факультета профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации (ФППП и ПК) Казанского юридического института МВД России. Цель анкетирования – изучение профессиональных, литературных и кинематографических предпочтений обучающихся, их нахождение в профессиональных социальных сетях.

Респондентам было предложено ответить на 13 вопросов, связанных с профессиональной деятельностью. Ряд вопросов касался литературных предпочтений (Любите ли Вы читать детективы? Какой детектив посоветовали бы почитать? Любимая книга о сотрудниках ОВД? Какая книга (фильм) повлияли на выбор профессии?).

Отвечая на вопрос о чтении детективной литературы, только половина опрошиваемых в каждой группе выразила положительное отношение к чтению (59% курсантов, 50% слушателей). Среди любимых литературных произведений о сотрудниках органов внутренних дел слушатели указали «Я – оперуполномоченный» (А. Ветер, В. Стрелецкий), «Старший оборотень по особо важным делам» (М. Есаулов, А. Романов), «Дело частного обвинения» (Н. Филатов), «Организация преступного сообщества» (П. Агапов), «40 лет среди грабителей и убийц» (И.Д. Путилин), «Банда» (В. Пронин), «Красные пинкертон» (В. Белоусов), «Рок-н-ролл под Кремлем», «Антикиллер» (Д. Корецкий), «Бандитская Казань», «Бандитский Татарстан» (М. Беляев, А. Шептицкий), «Закат «казанского» феномена. История ликвидации организованных преступных формирований Татарстана» (А. Сафаров).

Слушатели рекомендуют к прочтению как классические детективы А. Конан-Дойля, А. Марининой, так и современные детективы с элементами триллера «Гипнотизер» (Л. Кеплер), «Девушка с татуировкой дракона» (С. Ларсон), «Дело частного обвинения» (Н. Филатов), «Внутри убийцы» (М. Омер), «Ветреная река» (Т. Шеридан), «Опередить дьявола» (М. Хайдер), «Семь смертей Эвелины Хардкасл» (С. Тёртон), «След убийства» (Б. Пирс), «Щипач. Зверский детектив» (А. Старобинец).

К литературным предпочтениям курсантов относятся: «Эра милосердия» (братья Вайнеры), «Преступный мир: воспоминания сыщика В.В. фон Ланге», «Тульский-Токарев», «Свой-чужой» (А. Константинов), «Нейтральной полосы нет» (Е. Леваковская), «Кодекс чести русского офицера» (В. Кульчицкий). Достойны быть рекомендованными к прочтению, по мнению курсантов, такие детективы, как «Убийство в Восточном экспрессе» (А. Кристи), «Приключения Шерлока Холмса» (А. Конан-Дойль), романы Д. Чейза, «Повседневная жизнь Петербургской сыскальной полиции» (Н. Свечин), «Рокировка», «Каникулы строгого режима», «Трудно быть мачо» (А. Кивинов), «Исчезновение Мэдлин» (Э. Саммерс, Р. Суон), «Внутри убийцы» (М. Омер), «Каштановый человечек» (С. Свейструп), «Яды. Полная история. От мышьяка до «Новичка»» (К. Привалов), «Записки профайлера» (А. Филатов).

Необходимо отметить, за очень незначительным исключением, список литературных детективов, рекомендуемых обучающимся на ФППП и ПК и ФПС по ПВО, значительно отличается: слушатели, проходящие первоначальную подготовку, представили более широкий спектр литературных произведений, преимущественно зарубежных авторов. В своем большинстве данные книги имеются в формате электронной книги и аудиокниги, которым респонденты отдают предпочтение в первую очередь.

Второй блок вопросов был связан с обликом полицейского в литературе и кинематографе: «Какого героя книги или фильма о полицейских Вы могли бы назвать «героем нашего времени». Почему?», «Какой персонаж книги или фильма, по Вашему мнению, позорит органы внутренних дел? Почему?», «Нужен ли нашему зрителю положительный образ полицейского? Почему?». Отвечая на эти вопросы, курсанты и слушатели были единодушны в своей негативной оценке кинематографического образа полицейского – из сериалов «Глухарь», «Пес» (И. Гнездилов – речь, поведение), «Полицейский с Рублевки» (Г. Измайлов – вседозволенность, полковник полиции В. Яковлев – взяточничество), «Карпов», «Реализация» (С. Колос – аморальное поведение, коррупционер), «Девушки с Макаровым», отмечая, что фильм не соответствует действительности, зрителям неприятно, когда на экране преобладает негативный образ полицейского-взяточника, лишённого многих профессиональных качеств.

Положительным, по мнению опрошенных молодых сотрудников полиции, являются герои сериалов «Участок» (персонаж С. Безрукова одержим работой, любит свое дело, справед-

лив, честен), «Место встречи изменить нельзя» (Г. Жеглов – человек решительный, готов нести ответственность за принятое решение, у него есть устойчивые моральные принципы), «Реализация» (Д. Малышев пресек преступление среди руководства ОВД).

Ответы на вопрос – «Нужен ли нашему зрителю положительный образ полицейского? Почему?» – были самыми развернутыми: очевидно, что данная проблема остро воспринимается и слушателями, проходящими первоначальную подготовку, и курсантами очной формы обучения. «Чтобы уважение было у людей», «необходимо изменить представление граждан о сотрудниках полиции с негативного на положительное», «в современных телесериалах сотрудников ОВД показывают некомпетентными, ведущими аморальный образ жизни, склонными к коррупционным поступкам. Необходимо повысить степень доверия и уважения населения», «люди должны восхищаться теми, кто их защищает», «полицейский должен быть в глазах людей положительным героем», «чтобы люди не боялись полицию, знали наверняка, что полицейские всегда придут на помощь», «для поднятия авторитета этой профессии», «о проколах (ошибках) в деятельности сотрудников полиции в СМИ публикуют охотно и много, а о положительных фактах – значительно меньше», «нужны примеры для подражания подрастающему поколению», «чтобы избавляться от стереотипов», «необходима пропаганда добропорядочного образа полицейского, чтобы привить населению уважение к правопорядку, органам государственной власти, соблюдению законности». Эти ответы демонстрируют явное недоверие молодых и будущих сотрудников полиции к стереотипам полицейских, представленных отечественным кинематографом. В настоящее время уже неуместно отрицать, что через кино и видеоигры происходит изменение восприятия молодежью истории, государственного управления, общественной ситуации в России, как расставляются акценты, например, в попытке запада переформатировать представление об истории Великой Отечественной войны, достижениях прошлых поколений и навязать свою позицию населению. Поэтому распространенное кинематографическое изображение полицейского не следует рассматривать как отображение реальной действительности.

Третий блок вопросов был связан с социальными сетями. «Какие «полицейские» группы в социальных сетях Вы знаете?», «На какие из них Вы подписаны?», «Какую полезную информацию для профессиональной деятельности Вы отту-

да получаете?». Респонденты представили очень обширный перечень известных им социальных групп: «Омбудсмен полиции», «Дознаватель», «Полиция Альметьевска» (Кировской области, Нижнекамска), «Записки полицейского», «Полиция в курсе», «Полицейская жизнь», «Полисмен», «Полиция life», MVD-Russia, «Место происшествия», «Записки судмедэксперта», «Казанский феномен», «МВД РФ», «КЮИ МВД России», «МВД Татарстана» и др. Большинство опрошенных (57%) указали, что они не подписаны ни на какие группы в социальных сетях, поскольку никакой полезной информации для себя там не находят («Все, что пишут в Интернете, надо перепроверять», «Доверяю только официальным источникам» – отвечают респонденты). Интересуются новостным контентом профессиональных социальных групп 24% опрошенных. По мнению 12% респондентов, в этих пабликах они получают ценную информацию: о способах раскрытия преступлений, решении различных конфликтных ситуаций с руководством, гражданами, подозреваемыми и обвиняемыми.

В разговоре с курсантами и слушателями, анализируя их ответы в анкетах, мы услышали не только их обеспокоенность по поводу отношения к полиции со стороны общества, но и заботу о сохранении чистоты своих рядов: сотрудник органов внутренних дел должен заботиться о сохранении чести и достоинства, не принимать решений из соображений личной заинтересованности, не совершать поступки, вызывающие сомнения в его объективности (беспристрастности). Появление в средствах массовой информации, сети Интернет сведений, порочащих честь и достоинство полицейского, наносит ущерб не только деловой репутации сотрудника, но и сказывается на имидже всей службы (организации) [8, с. 16-17].

Имидж складывается из восприятия сотрудником полиции своей деятельности и оценки другими людьми его внешнего вида, поступков, манеры поведения [9, с. 46]. Позитивный имидж сотрудника органов внутренних дел повышает мотивацию к занятию физической культурой и спортом, интеллектуальному и духовному развитию личности, способствует формированию правосознания, правовой культуры, самоуважения и высокой оценки со стороны населения [10, с. 10-11]. Формирование имиджа и деловой репутации полицейского – сложный и длительный процесс, который может быть разрушен совершением аморального, антиобщественного, противоправного или коррупционного поступка.

В курсантах и слушателях образовательных организаций МВД России необходимо развивать

дисциплинированность, трудолюбие, честность, уважение к человеку и закону, порядочность, скромность, благородство, а также нетерпимое отношение к пьянству, наркомании, азартным играм, хулиганским проявлениям, проституции, криминальной субкультуре, антиобщественному образу жизни.

Обсуждение и заключение

В образовательных организациях МВД России богатый профессиональный опыт передают будущим сотрудникам полиции ветераны в рамках деятельности кафедральных кружков и школ педагогического мастерства.

По результатам исследования мы сформулировали ряд рекомендаций, которые курсантам и слушателям дали ветераны органов внутренних дел в освоении профессии «Полицейский».

1. Прибывая на место происшествия, попытайтесь установить того, кому выгодно совершение преступления.

2. Наблюдайте, изучайте, исследуйте, обращайтесь внимание на противоречия, выявляйте обман, инсценировку. Учитесь грамотно проводить оперативно-розыскные и следственные действия.

3. Постарайтесь разговорить правонарушителя, свидетеля, потерпевшего. Расположите к себе, вызовите доверие, установите психологический контакт.

4. Не ждите, когда Вам скажут правду, отслеживайте реакции на поставленные вопросы, именно они выдадут истинные мысли правонарушителя, подскажут причины и мотивы преступления.

5. Будьте внимательны к мелочам, они помогут восстановить картину происшествия, выстраивайте причинно-следственные связи, привлекайте специалистов и экспертов.

6. Работайте в команде, развивайте коммуникабельность, компетентность, корпоративную солидарность.

7. Соблюдайте законы и не допускайте, чтобы кто-то их нарушал. Будьте выдержанными и тактичными, контролируйте свое эмоциональное состояние.

8. Умейте переключаться и не замыкайтесь в себе, не допускайте профессиональной деформации и выгорания.

9. Относитесь к людям так, как хотели бы, чтобы они относились к вам. Уважайте руководство, дорожите друзьями, берегите репутацию.

10. Будьте внимательны к своему внешнему виду, соблюдайте нравственные и этические нормы, правила ношения форменной одежды. Воздерживайтесь от сквернословия и компрометирующих связей.

Понятие чести и достоинства сотрудника органов внутренних дел неразрывно связано с верностью гражданскому и служебному долгу. Полицейский должен служить примером строгого и точного соблюдения законов, относиться нетерпимо к любым действиям, нарушающим права и свободы граждан, оскорбляющим и унижающим их чувства, препятствующим реализации конституционных гарантий. Забота о деловой репутации и авторитете защитника правопорядка должна способствовать профессиональным действиям, сохранению выдержки, коррекции психоэмоционального состояния [12, с. 51]. Нельзя допускать безразличного отношения к людям, человеческим страданиям, злоупотреблений и превышений должностных полномочий, служебного подлога, коррупционных действий, халатности, нарушений этического стандарта поведения государственного служащего.

Формирование положительного образа сотрудника органов внутренних дел связано с медиатехнологиями, социальными сетями, пиар-акциями, публикациями в средствах массовой информации, литературными и кинематографическими произведениями. В общественном сознании должен отображаться образ полицейского, готового прийти на помощь людям, умело и ответственно выполняющего служебные задачи, проявляющего смелость и отвагу, благородство и доблесть, честность и справедливость. На необходимость

популяризации профессии полицейского указывают сегодня и руководители МВД России. Так, в интервью председатель Ассоциации профсоюзов правоохранительных органов Алексей Лобарев тоже отметил присутствие искаженного образа сотрудника ОВД как в отечественном кинематографе, так и в юмористических роликах, выкладываемых в Интернете, снятых пранкерами.

В процессе подготовки статьи мы обнаружили информацию о договоре, заключенном между Министерством внутренних дел Российской Федерации и Союзом кинематографистов России о новых кинолентах о полицейских¹.

Образовательным организациям МВД России отводится значительная роль в формировании положительного образа сотрудника полиции. Такая деятельность заключается во взаимосвязи учебной, методической, нравственно-психологической, научно-исследовательской, патриотической, идеологической, воспитательной, культурной работы с курсантами и слушателями. Ее цель заключается в развитии нравственных, этических и эстетических качеств обучающихся, привитии им правовой культуры и формировании правосознания, навыков добросовестного выполнения служебных обязанностей, вежливого обращения с людьми, а также в подготовке физически развитого, волевого, интеллектуального, психически устойчивого сотрудника органов внутренних дел.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кредов С. Щёлоков. Москва: Молодая гвардия, 2016. 319 с.
2. Ушакова О.В. Процесс формирования образа сотрудника органов внутренних дел Российской Федерации: на примере участковых уполномоченных полиции Хабаровского края: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Хабаровск: Тихоокеан. гос. ун-т, 2015. 23 с.
3. Суровцев А.В. Формирование положительного образа сотрудника органов внутренних дел как защитника правопорядка в системе повышения квалификации: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Грозный: Чеченский гос. ун-т, 2019. 25 с.
4. Ширшов И.Е. Формирование положительного образа сотрудника полиции как одно из приоритетных направлений деятельности МВД России // Отечественная юриспруденция. 2018. №7 (32). С. 113 – 115.
5. Денисенко С.Е. Образ российского полицейского в общественном сознании // Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 2. С. 223-230.
6. Никулин С.Г. Модель формирования социальной ответственности сотрудника ОВД в дополнительном профессиональном образовании // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2021. № 2 (111). С. 189 – 195.
7. Шалагин А.Е. Криминология и предупреждение преступлений: монография Москва: Юрлитинформ, 2021. 240 с.
8. Бучакова М.А., Дизер О.А. Защита чести и достоинства, деловой репутации сотрудников органов внутренних дел // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2017. № 3 (70). С. 16-19.

¹ В профсоюзе МВД анонсировали появление фильмов с положительным образом полицейских// Govoritmoskva.ru. 11 ноября 2023 г.

9. Браженская Н.Е., Чернобродов Е.Р. Социально-психологические особенности имиджа современного полицейского в России // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. Т. 8. № 4. С. 46.
10. Каданцева Н.П. Формирование имиджа сотрудника органов внутренних дел в процессе профессионального образования в вузах МВД России: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Санкт-Петербург, 2013. 24 с.
11. Воронов А.А., Никифоров С.В., Феоктистов Р.Н. Особенности обеспечения имиджа и престижа профессий сотрудников правоохранительных органов // Современное право. 2011. № 12. С. 54-58.

REFERENCES

1. Kredov S. SHCHyolokov. Moskva: Molodaya gvardiya, 2016. 319 s.
2. Ushakova O.V. Process formirovaniya obraza sotrudnika organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii: na primere uchastkovykh upolnomochennykh policii Habarovskogo kraya: avtoref. dis. ... kand. sociolog. nauk. Habarovsk: Tihookean. gos. un-t, 2015. 23 s.
3. Surovcev A.V. Formirovanie polozhitel'nogo obraza sotrudnika organov vnutrennih del kak zashchitnika pravoporyadka v sisteme povysheniya kvalifikacii: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. Groznyj: SHechenskij gos. un-t, 2019. 25 s.
4. SHirshov I.E. Formirovanie polozhitel'nogo obraza sotrudnika policii kak odno iz prioritetnykh napravlenij deyatelnosti MVD Rossii // Otechestvennaya yurisprudenciya. 2018. №7 (32). S. 113-115.
5. Denisenko S.E. Obraz rossijskogo policejskogo v obshchestvennom soznanii // Gumanitarnye i social'nye nauki. 2013. № 2. S. 223-230.
6. Nikulin S.G. Model' formirovaniya social'noj otvetstvennosti sotrudnika OVD v dopolnitel'nom professional'nom obrazovanii // Vestnik CHuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.YA. YAKovleva. 2021. № 2 (111). S. 189-195.
7. SHalagin A.E. Kriminologiya i preduprezhdenie prestuplenij: monografiya Moskva: YUrlitinform, 2021. 240 s.
8. Buchakova M.A., Dizer O.A. Zashchita chesti i dostoinstva, delovoj reputacii sotrudnikov organov vnutrennih del // Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah. 2017. № 3 (70). S. 16-19.
9. Brazhenskaya N.E., CHernobrodov E.R. Social'no-psihologicheskie osobennosti imidzha sovremennogo policejskogo v Rossii // Mir nauki. Pedagogika i psihologiya. 2020. Т. 8. № 4. С. 46.
10. Kadanceva N.P. Formirovanie imidzha sotrudnika organov vnutrennih del v processe professional'nogo obrazovaniya v vuzah MVD Rossii: avtoref. dis. ... kand. ped. nauk. Sankt-Peterburg, 2013. 24 s.
11. Voronov A.A., Nikiforov S.V., Feoktistov R.N. Osobennosti obespecheniya imidzha i prestizha professij sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov // Sovremennoe pravo. 2011. № 12. S. 54-58.

Информация об авторах:

Шалагин Антон Евгеньевич, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Казанского юридического института МВД России, aeshalagin@yandex.ru

Хрусталёва Ольга Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент, ученый секретарь ученого совета Казанского юридического института МВД России, ORCID: 0000-0002-0275-5373, okhrustal@mail.ru

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Shalagin Anton E., Candidate in Law (Research doctorate), Associate Professor, Head of Department of Criminology And Criminal-Executive Law of the Kazan Law Institute of MIA of Russia, aeshalagin@yandex.ru

Hrustaleva Olga N., Candidate in Pedagogy (Research doctorate), Associate Professor, Scientific Secretary of the Academic Council of the Kazan Law Institute of MIA of Russia, ORCID: 0000-0002-0275-5373, okhrustal@mail.ru

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Заявленный вклад авторов:

Шалагин Антон Евгеньевич – инициатива исследования, разработка концептуальных подходов исследования, сбор и анализ данных; разработка обзора литературы, проведение опроса, уточнение выводов и рекомендаций, подготовка первоначального варианта текста; проведение критического осмысления и структурирование собранных материалов; формулировка выводов и практических рекомендаций.

Хрусталёва Ольга Николаевна – структурирование методической части статьи, разработка опросника, обобщение результатов анкетирования, анализ результатов и выводов исследования, формулировка выводов и практических рекомендаций; доработка текста исследования.

Статья получена: 21.02.2024.

Статья принята к публикации: 20.03.2024.

Статья опубликована онлайн: 22.03.2024.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаем.

Научная статья
УДК 343.2/.7; 343.9/.01
DOI: 10.37973/KUI.2024.96.39.017

ПОНЯТИЕ НАСИЛИЯ В ЛИНГВИСТИКЕ И РАЗВИТИЕ КОНЦЕПЦИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ЛИЧНОСТИ

Ольга Викторовна Артюшина,
Казанский юридический институт МВД России, Казань, Россия,
ovart2012@mail.ru

Аннотация

Введение: в статье рассматриваются этимология понятия «насилие», его смысловое содержание и значение в толковых словарях русского языка, а также результаты современных лингвистических исследований о нем в целях применения полученных знаний в области уголовного права.

Материалы и методы: статья основана на всеобщем диалектико-материалистическом методе познания закономерностей объективных явлений и процессов реальной действительности, подлежащих уголовно-правовому регулированию. Применены также формально-логический, системный, функциональный, социологический методы, а также междисциплинарный (комплексный) подход с элементами этимологического, семантического анализа и экстраполяция.

Результаты исследования: на основе авторитетных источников устанавливается происхождение слова «насилие» от его производящей основы «сила»; определяются истоки и развитие представлений о его значении; дополняется ряд неологизмов, репрезентирующих насилие в современном языке, учитываются результаты лингвистических исследований о рассмотрении эмоционального и языкового насилия как самостоятельных видов.

Обсуждение и заключение: знания, полученные из другой области науки, оцениваются с позиции уголовного права, определяются перспективы развития концепции уголовно-правовой охраны прав и свобод человека. Обсуждаются вопросы пробельности и избыточности Уголовного кодекса Российской Федерации через призму новых проявлений насилия, не связанных с применением физической силы, угрозами и шантажом.

Ключевые слова: этимология слова; толкование понятия; категория уголовного права; виды насилия; уголовно-правовая охрана личности

© Артюшина О.В., 2024

Для цитирования: Артюшина О.В. Понятие насилия в лингвистике и развитие концепции уголовно-правовой охраны личности // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 1 (55). С. 39 – 45. DOI: 10.37973/KUI.2024.96.39.017

Scientific article
UDC 343.2/.7; 343.9/.01
DOI: 10.37973/KUI.2024.96.39.017

THE CONCEPT OF VIOLENCE IN LINGUISTICS AND DEVELOPMENT OF THE CONCEPT OF PERSONAL PROTECTION IN CRIMINAL LAW

Olga Viktorovna Artyushina,
the Kazan Law Institute of MIA of Russia, Kazan', Russia, ovart2012@mail.ru

Abstract

Introduction: the author studies the etymology of the concept “violence”, its semantic content and meaning in etymological and meaning dictionaries of the Russian Language, as well as current Russian linguistic research on the subject matter to use acquired knowledge in criminal law.

Materials and Methods: this research is based on the universal dialectical-materialist method of cognition of patterns of objective phenomena and processes of reality that are subject to criminal regulation. The author also universal and specific scientific methods such as: analysis, synthesis, comparison, analogy, logical, system, sociologic, as well as method of philological interpretation, functional method, method of conceptual analysis and extrapolation.

Results: based on authoritative sources, the origin of the word “violence” from its initial term “force” is established; the origins and development of ideas about its meaning are determined; a number of neologisms representing “violence” in modern language are supplemented, the results of linguistic research on the consideration of emotional and linguistic violence as independent types are taken into account.

Discussion and Conclusions: knowledge obtained from another field of science is assessed from the perspective of criminal law, prospects for the development of the concept of criminal law protection of human rights and freedoms are determined. The issues of gaps and redundancy of the Criminal Code of the Russian Federation are discussed through the prism of new manifestations of violence not related to the use of physical force, threats and blackmail.

Keywords: etymology of the word; interpretation of the concept; category of criminal law; types of violence; criminal legal protection of personality

© Artyushina O.V., 2024

For citation: Artyushina O.V. The Concept of Violence in Linguistics and Development of the Concept of Personal Protection in Criminal Law. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2024;15(1):39-45. (In Russ.). DOI: 10.37973/KUI.2024.96.39.017

Введение

Междисциплинарный подход требует разъяснения ключевых направлений исследования. Этимология (др.-греч. *ἐτυμολογία* от *ἔτυμον* – истина, основное значение и *λόγος* – учение, суждение) – раздел лингвистики (сравнительно-исторического языкознания), изучающий происхождение слов. Раздел языкознания, занимающийся вопросами составления словарей на основе семантической структуры слов, их особенностей и толкования, называется лексикографией (др.-греч. *λεξικόν* «словарь» и *γράφω* «пишу»). Лексикология (от др.-греч. *λέξις* – слово, выражение, *λόγος* – наука, суждение) представляет собой раздел, направленный на исследование лексики, в котором выделяется семасиология, определяющая значение словарных единиц языка, типы лексических значений и семантическую структуру лексемы.

Для уголовно-правовых наук, сталкивающихся с вопросами толкования понятия, встречающегося в тексте закона либо отражающего явление объективной действительности, не получившее нормативного закрепления, обращение к этимологии, лексикографии и лексикологии (особенно в части семасиологии) – к данным о происхождении и о развитии в языке слова и его значения – дает возможность уяснить суть исследуемого явления, получить о нем цельное системное представление и обрести точку опоры, необходимую для формирования положений, касающихся современного состояния и будущего развития той или иной сферы права.

В уголовно-правовых исследованиях такой подход оказывается особенно ценным для изучения категорий, не получивших в доктрине единообразного определения. К ним и относится исследуемое понятие «насилие».

Обзор литературы

Вопросы происхождения и толкования понятия «насилие» и его начального слова «сила» в том или ином объеме аккумулировались в лексикографических работах – словарях русского языка, прежде всего, В.И. Далем, С.И. Ожеговым, М. Фасмером и П.Я. Черных.

На диссертационном уровне семасиологическое исследование указанного понятия проводилось К.В. Еленской. Лексическое изучение языкового насилия осуществлялось также в диссертации Н.Е. Булгаковой и более ранних научных статьях, например, Б.Я. Шарифуллиним.

Развитие концепции уголовно-правовой охраны личности после принятия УК РФ, ее сильные и слабые стороны оценивались Н.Э. Мартыненко.

Материалы и методы

Основу исследования составили основополагающие законы и категории материалистической диалектики, общенаучные и частнонаучные методы исследования, определенные междисциплинарным (комплексным) подходом к изучению объекта.

Результаты исследования

1. Этимология насилия и лексикография. В толковом словаре русского языка В.И. Даля понятие насилия не приводится¹. В словаре ученого-лексикографа С.И. Ожегова оно рассматривается в трех значениях, изложенных последовательно от наиболее узкого к самому широкому пониманию слова: применение физической силы; принудительное воздействие; притеснение, беззаконие. При этом «насиленно» означает – против воли, силой; а «насильственный» – осуществляемый путем насилия, притеснения².

Морфемный разбор слова «насилие» указывает на его корень «сил»³. Это определяет необходимость обращения к слову «сила» как некому начальному термину. В толковом словаре В.И. Даля понятие сила трактуется как «источник, начало, основная (неведомая) причина всякого действия, движенья, стремленья, понужденья, всякой вещественной перемены в пространстве»⁴. В качестве примера указываются: «силы природы, силы жизненные, сила духовная, сила ума, сила воли, сила нравственная, мочь, могута, способность» (также несколько не объясняемая, но проявляющаяся без видимой вещественной силы, как будто независимо от вещества). В механике: «напор, давление

или толчок; тяга, влечение, позыв; незримая, но измеримая по последствиям сила движенья». В качестве синонимов называются «мочь, могута, крепость, весомый запас способности одолевать вещественное препятствие; власть, могущество, влиянье, владычество». Главное объяснение – *весомый запас способности одолевать вещественное препятствие (здесь и далее – курсив автора)*; множество, несчетное число, рать («несметная сила»); сила обстоятельств, обстановка, условия («сторонние силы», «деньги – сила»); сущность дела, суть, сама причина; смысл, истинная важность, вес (в силу..., по силе указа); способы, средства (не в силах сделать). Приводятся примеры глаголов: «силить», «силовать» – «неволить, приневоливать, нудить, принуждать, заставлять силою». «Насиловать» – неволить. «Силою» (нар.), «силом», «силком» – насильно, насильственно, своевольно, с бою, приневолив либо заставив властью, нравственную силою или силою вещественною. «Сильничать» (стар.) – грабить, отымать силою; «насильничать», «изнасильничать» – изнасиловать женщину. «Сильновладелец» (стар.) – завладевший чем-либо насильно.

В толковом словаре С.И. Ожегова выделяется 11 значений слова «сила»: способность и возможность действовать; воздействующая на материальные тела энергия и степень ее интенсивности (сила тяжести, сила тока); начало и источник деятельности (производительные силы, творческие силы); способность проявления напряженной деятельности (сила воли, сила воображения); могущество, влияние, власть; сущность, смысл; действительность (закон вступил в силу); общественная группа (классовые силы, демократические силы); войска (вооруженные силы); множество; способ, средство в значении при «помощи кого-нибудь, чего-нибудь» (своими силами). «В силах» – будучи здоровым, иметь возможность. «Силою в (от и до)» – численностью (силою в пятьсот штыков)⁵.

В этимологическом словаре русского языка М. Фасмера, признаваемого в современной лексикографии наиболее полным (нет другого, сравнимого с ним по глубине этимологических параллелей, включающих в общей сложности более 200 языков), указывается, что праславянское *сила* родственно литовскому *siela* «душа, дух, чувство», древне-прусским *seilin* (ед.ч.) «прилежание» и *seilins* (мн.ч.) «чувства», *nosēilis* «дух» и древ-

¹ Толковый словарь русского языка: иллюстрированное издание / В.И. Даль. Москва: Эксмо, 2010. 704 с.

² Толковый словарь русского языка: ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов; под ред. проф. Л.И. Скворцова. 26-е изд., испр. и доп. Москва: Оникс, Мир и Образование, 2009. С. 323.

³ При этом «на» – префикс, «и» – суффикс, «е» – окончание (разбор слова по составу).

⁴ Толковый словарь русского языка: иллюстрированное издание / В.И. Даль. Москва: Эксмо, 2010. С. 578.

⁵ Толковый словарь русского языка: ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов; под ред. проф. Л.И. Скворцова. 26-е изд., испр. и доп. Москва: Оникс, Мир и Образование, 2009. С. 703-704.

не-исландскому *seilask* «протягиваться, гнуть-ся, стараться». Приводятся также близкие: укр. *сіла*, блр. *сіла*, др.-русск., ст.-слав. *сила* *δύναμις*, *ισχύς* (Остром., Мар., Зопр., Супр.), болг. *сила*, сербохорв. *сила*, словен. *сила*, чеш. *síla*, слвц. *сила*, польск. *Siła*¹.

В историко-этимологическом словаре современного русского языка П.Я. Черных, также относящемуся к наиболее авторитетным этимологическим словарям², развернуто поясняется, что исследуемое слово является древнерусским, встречается с XI века и используется в значении «естественная способность, свойство», «сила телесная», «духовная сила», «могущество», «власть», «насилие», «средства», «множество», «войско» и др. При этом отмечается, что этимология слова до конца не ясна. Обычно общеславянский корень *сила* (сила) связывается с литовским *siela* (душа) при древнепрусском *seilin* (усердие, прилежание) и *seilins* (мн.ч.) (органы чувств, сознание). Но поскольку в других индоевропейских языках за пределами балто-славянской группы родственных образований при этом неизвестно, упомянутое сближение «мало помогает делу». И поэтому, может быть, пишет П.Я. Черных, более логичной является позиция других этимологов, которые считают корнем только *si* (соединять, связывать), старшее значение – «соединение», «связь», «множество», отсюда и «сила»³.

Такой подход представляется убедительным. В Древнем мире человек не мог выжить в одиночку, удовлетворение его жизненно важных потребностей зависело от других людей, социального навыка и в принципе было возможно только вместе, в условиях общества (отсюда, в частности, изгнание из Полицы⁴ как наказание и выражение «один в поле не воин»). Только объединение, множество людей означало «весомый запас способности одолевать препятствие», то есть представляло собой «силу».

2. *Лексикологические исследования понятия «насилие»*. На диссертационном уровне отмечается, что комплексных лингвистических исследований указанного понятия крайне мало и поэтому оно остается нечетким в общественном сознании. Указывается также, что в современном русском

языке принципиальных изменений в области толкования лексемы «насилие» (например, с понижением в XIX веке) нет. Однако характер подачи значений лексической единицы «насилие» в различных источниках имеет свою специфику, обусловленную релятивностью восприятия явления, называемого указанной лексемой (это означает, что в политике насилие понимается в одной плоскости, а в психологии – в другой) [1, с. 4, 6].

Еленская К.В. выделяет три базовые интегральные семы, входящие в план содержания лексемы «насилие» (и всех компонентов одноименного семантического поля): «принуждение», «противозаконность» и «общественное неприятие» и отмечает, что наличие в любой лексеме всех трех сем позволяет оценивать ее как репрезентант понятия «насилие» и отличать от компонентов смежных тематических рядов (в частности, ряда «агрессия») [1, с. 9, 11, 13]. При этом представляется важным ее вывод о динамике лексем, репрезентирующих понятие насилия. «Известно, что лексика – наиболее чувствительный к изменениям в общественной жизни пласт языка. Говоря о лексической репрезентации понятия «насилие», следует учесть, что ряд лексем, фиксирующих в семантике некоторые формы насилия, перешли в разряд историзмов, поскольку называемые ими явления исчезли из жизни современного социума». Это лексемы: крестовый поход, инквизиция, четвертование, колесование и т.д. И можно наблюдать обратный процесс активного проникновения в современный русский язык заимствованных лексем, которые следует отнести к репрезентантам понятия «насилие»: газлайтинг, абьюз, кэтколлинг, троллинг и др. «В большинстве случаев значение таких лексем выражает формы психического (эмоционального) насилия над человеком, однако далеко не все они репрезентируют противозаконные и в целом не принимаемые обществом явления. Вероятно, факт массового включения в национальный язык таких неологизмов может свидетельствовать о том, что в социуме возникла потребность в словах, способных точно и емко называть явления, ограничивающие свободу отдельных его членов» [1, с. 15].

¹ Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера // Лексикографический интернет-портал: онлайн-словари русского языка. URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%BB%D0%B0> (дата обращения: 18.02.2024).

² Вопрос № 242804: Какой этимологический словарь является самым авторитетным на сегодняшний день? // Портал Грамота.ру. URL: <https://gramota.ru/poisk?query=%D1%81%D0%B0%D0%BC%D1%8B%D0%B5%20%D0%B0%D0%B2%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%82%D0%B5%D1%82%D0%BD%D1%8B%D0%B5%20%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80%D0%B8%20%D1%8D%D1%82%D0%B8%D0%BC%D0%BE%D0%BB%D0%BE%D0%B3%D0%B8%D1%87%D0%B5%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5&mode=spravka> (дата обращения: 18.02.2024).

³ Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2-х т. 3-е изд., стереотип. Том II: Пандирь-Яшур. Москва: Рус. яз., 1999. С. 162.

⁴ Пространная Русская Правда // Официальный сайт МГУ. Исторический факультет МГУ. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/RP/prp.htm> (дата обращения: 18.02.2024).

Здесь следует отметить, что в данном лингвистическом исследовании исключительно метко отмечается, что современные варианты насилия, обозначаемые неологизмами, в большинстве своем: 1. Не лежат в плоскости физического насилия. 2. Не являются противозаконными и (как следствие?) не являются социально неприемлемыми. Думается, что указанный ряд можно пополнить неологизмами «буллинг», «кибербуллинг», «моббинг», «сталкинг», уже используемыми в рамках обсуждения вопросов о юридической ответственности, в том числе уголовной [см., например, 2, 3, 4, 5].

Интересен также лингвистический подход к определению видов насилия. В частности, среди них выделяется насилие «психическое/эмоциональное/моральное» с примечанием о *вынужденности* объединения нескольких видов в одном из-за *невозможности с позиции изучения языка четко определить их границы* [1, с. 17]. Это представляется важным, поскольку в некоторых источниках, в частности по психологии, понятия психологического и эмоционального насилия действительно разводятся [6, 7] и при этом не приводятся ясные критерии разграничения.

В филологических науках как самостоятельный вид выделяется также «языковое насилие» [1, с. 23; 8; 9], которое выражается, например, в навешивании ярлыков, переименовании населенных пунктов, зданий, искусственном сотворении новых слов и изменении семантики существующих, использовании специальных средств (иронии, сарказма и др.) и фразеологических единиц с отрицательной оценкой, например, в политическом, идеологическом, массово-информационном, рекламном, педагогическом и административном дискурсах, суггестии (внушение посредством использования особо сформированных словесных конструкций). Как не вспомнить здесь «переписывание истории» и новые нормы, в частности, ст. 207¹ – 207³ УК РФ и др., в которых отражается запрет на подобные проявления.

Обсуждение и заключение

1. За время, прошедшее с момента вступления в силу уголовного закона, действующая концепция противодействия преступлениям против личности, зародившаяся в 90-е годы, несмотря на изменения и дополнения [10], значительно утратила свою актуальность. Через призму стратегической возможности обеспечения безопасности личности она малоэффективна.

В обществе произошли такие изменения, которые стали очевидными для ряда самых разных, в том числе далеких от права, наук. Их фиксация специалистами в других областях дает

почву для размышлений, обозначает или снимает вопросы о пробельности и избыточности уголовного закона, подтверждает обоснованность суждений и объективность полученных выводов, и в этом смысле определяет перспективы развития науки уголовного права и практики противодействия преступности. В данном случае – показывает векторы необходимого обновления концепции противодействия преступлениям против личности в русле современных тенденций развития общества.

2. Общеизвестно и поэтому не вызывает сомнений появление новых вариантов насильственных действий, лежащих вне сферы физического применения силы и вне сферы угрозы и шантажа, направленных на причинение вреда личности и иным благам. Настолько новых, что в российском обществе, по мнению автора, не выработано четкое представление об их содержании и степени общественной вредности / опасности. К этим проявлениям насилия следует отнести, в частности, газлайтинг, абьюз, кэтколлинг, хейтинг (троллинг), буллинг (кибербуллинг), моббинг, сталкинг.

Следует признать, что действия, характеризующиеся указанными неологизмами, отчасти не являются новыми. Так, травля в коллективе – в школе (буллинг), на работе (моббинг) в целом давно известные социальные явления. Они нашли отражение, например, в мировой литературе – в романе С. Кинга «Кэрри» (впервые опубликован в 1973 г.), в советском кинематографе – в фильме «Чучело» с Ю. Никулиным и К. Орбакайте в главных ролях (снятому по одноименной повести В. Железникова в 1983 г.), в российском фильме ужасов А. Стриженова – «Юленька» (2009 г.).

Языковое насилие, казалось бы, тоже известный вид (вербальное насилие). Однако современные представления о личных границах и пределах допустимого позволяют сегодня оценивать как насилие не только факты очевидного вреда (угрозы, шантаж), но и воздействие иного рода – влияние одного человека на другого: на душевное состояние, эмоциональную сферу и пр. И главным критерием в определении круга «опасного» здесь становится *умысел на причинение вреда: прямой (желание) или косвенный (равнодушие)*, который подтверждается систематичностью действий виновного в каждом из описываемых явлений, например, буллинг, моббинг, сталкинг и пр. Такое иное представление об опасном дает точку опоры для обновления прежнего подхода к оценке тех явлений из перечня, которые воспринимаются не новыми.

Возможно, отсутствие резкого социального осуждения (митингов и демонстраций в прямом и переносном смысле) обусловлено пробельностью в уголовном законодательстве. Самыми опасными в обществе воспринимаются именно преступления, и отсутствие запрета влияет на общий менталитет, правосознание.

Вышеизложенное позволяет поставить вопрос о наличии пробелов в уголовно-правовой охране личности. Действия, называемые неологизмами, как верно было отмечено в области лингвистики, в большинстве случаев касаются намеренного причинения психического/эмоционального вреда. Они действительно могут быть реализованы языковыми средствами. И следует признать, что нормы УК РФ, ориентированные на оценку главным образом физического воздействия, при отсутствии в содеянном угроз и шантажа, в этих случаях малоприменимы (разве что при наступлении последствий, например, в виде попытки самоубийства или самоубийства потерпевшего (ст. 110 УК РФ).

3. Второй глобальный вопрос – об избыточности УК РФ – может быть снят в части, касаю-

щейся появления ряда появившихся в последнее время новых преступлений. В частности, такие преступления, как публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан (ст. 207¹ УК РФ), публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия (207² УК РФ), публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации (207³ УК РФ), неоднократные пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики (282⁴ УК РФ) представляют собой реакцию на новую объективную реальность, в которой благодаря электронным сетям появилась возможность причинения глобального вреда общественным отношениям не путем взрыва, поджога и пр., а всего лишь посредством использования системы языковых знаков, и в этом смысле, исходя из предыдущего контекста, их криминализация обоснована: в нормах установлена ответственность за языковое насилие.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Еленская К.В. Лексическая репрезентация понятия «насилия» в современном русском языке: автореф. ...канд. филол. наук: 5.9.5. Москва, 2023. 26 с.
2. Гусев А.Ю. Ответственность за травлю (буллинг) (подготовлено для СПС «КонсультантПлюс», 2023). СПС «КонсультантПлюс». Версия Проф. (дата обращения: 18.02.2024).
3. Завьялова Д.В. Кибербуллинг как угроза личной информационной безопасности в современном мире: правовой аспект // Закон. 2023. № 3. С. 106 – 113.
4. Вопрос: Предусмотрена ли ответственность за травлю на работе (моббинг)? (подготовлено для СПС «КонсультантПлюс», 2023) // СПС «КонсультантПлюс». Версия Проф. (дата обращения: 18.02.2024).
5. Вопрос: Предусмотрена ли уголовная ответственность за преследование человека другим человеком (сталкинг)? (подготовлено для системы КонсультантПлюс, 2023) // СПС «КонсультантПлюс». Версия Проф. (дата обращения: 18.02.2024).
6. Бузина А.А. ИмPLICITные представления об эмоциональном оскорблении и эмоциональном насилии и их дифференциация // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Психология. Педагогика. Социокинетика. 2019. № 1. С. 69 – 73.
7. Хаидов С.К. Эмоциональное и психологическое насилие в семье над мужчинами // Мир науки. Педагогика и психология. 2020. № 6. Т. 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnoe-i-psihologicheskoe-nasilie-v-semie-nad-muzhchinami/viewer> (дата обращения: 18.02.2024).
8. Булгакова Н.Е. Словесные ярлыки как средство языкового насилия (на материале российского политического дискурса XX – начала XXI века): автореф. ...канд. филол. наук: 10.02.01. Абакан, 2013. 22 с.
9. Шарифуллин Б.Я. Языковая агрессия и языковое насилие в свете юрислингвистики: проблема инвективы // Юрислингвистика. 2004. С. 120 – 131.
10. Мартыненко Н.Э. Современная концепция уголовно-правовой охраны личности // Российский следователь. 2019. № 7. С. 34 – 37.

REFERENCES

1. Elenskaya K.V. Leksicheskaya reprezentaciya ponyatiya «nasiliya» v sovremennom russkom yazyke: avtoref. ...kand. filol. nauk: 5.9.5. Moskva, 2023. 26 s.
2. Gusev A.YU. Otvetstvennost' za travlyu (bulling) (podgotovleno dlya SPS «Konsul'tantPlyus», 2023). SPS «Konsul'tantPlyus». Versiya Prof. (data obrashcheniya: 18.02.2024).

3. Zav'yalova D.V. Kiberbulling kak ugroza lichnoj informacionnoj bezopasnosti v sovremennom mire: pravovoj aspekt // *Zakon*. 2023. № 3. S. 106 – 113.
4. Vopros: Predusmotrena li otvetstvennost' za travlyu na rabote (mobbing)? (podgotovleno dlya SPS «Konsul'tantPlyus», 2023) // SPS «Konsul'tantPlyus». Versiya Prof. (data obrashcheniya: 18.02.2024).
5. Vopros: Predusmotrena li ugolovnaya otvetstvennost' za presledovanie cheloveka drugim chelovekom (stalking)? (podgotovleno dlya sistemy Konsul'tantPlyus, 2023) // SPS «Konsul'tantPlyus». Versiya Prof. (data obrashcheniya: 18.02.2024).
6. Buzina A.A. Implicitnye predstavleniya ob emocional'nom oskorblenii i emocional'nom nasilii i ih differenciatsiya // *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Psihologiya. Pedagogika. Sociokinetika. 2019. № 1. S. 69 – 73.
7. Haidov S.K. Emocional'noe i psihologicheskoe nasilie v sem'e nad muzhchinami // *Mir nauki*. Pedagogika i psihologiya. 2020. № 6. T. 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnoe-i-psihologicheskoe-nasilie-v-semie-nad-muzhchinami/viewer> (data obrashcheniya: 18.02.2024).
8. Bulgakova N.E. Slovesnye yarlyki kak sredstvo yazykovogo nasiliya (na materiale rossijskogo politicheskogo diskursa XX – nachala XXI veka): avtoref. ...kand. filol. nauk: 10.02.01. Abakan, 2013. 22 s.
9. SHarifullin B.YA. YAzykovaya agressiya i yazykovoe nasilie v svete yurislingvistiki: problema invektiv // *YUrislingvistika*. 2004. S. 120 – 131.
10. Martynenko N.E. Sovremennaya koncepciya ugolovno-pravovoj ohrany lichnosti // *Rossijskij sledovatel'*. 2019. № 7. S. 34 – 37.

Информация об авторе:

Артюшина Ольга Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права Казанского юридического института МВД России, ovart2012@mail.ru
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Artyushina Olga V., Candidate in Law (Research doctorate), Associate Professor, Associate Professor, Criminal Law Department, the Kazan Law Institute of MIA of Russia, ovart2012@mail.ru
The author has read and approved the final manuscript.

Статья получена: 19.02.2024.

Статья принята к публикации: 20.03.2024.

Статья опубликована онлайн: 22.03.2024.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Научная статья
УДК 343.352
DOI: 10.37973/KUI.2024.39.18.005

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВЗЯТОЧНИЧЕСТВО

Флер Нуретдинович Багаутдинов,
Казанский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации, Казань, Россия,
fler5858@mail.ru

Аннотация

Введение: в статье анализируются положения статей 290, 291, 291¹, 291² УК РФ, предусматривающих уголовную ответственность за различные виды взяточничества.

Материалы и методы: основу исследования составили диалектико-материалистический, логический, исторический, системно-структурный, сравнительно-правовой, статистический методы. Проанализированы статистические сведения о состоянии и структуре коррупционной преступности в Российской Федерации.

Результаты исследования: предложены изменения в действующие статьи Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающие уголовную ответственность за взяточничество.

Обсуждение и заключение: автор приходит к выводу, что усилению борьбы со взяточничеством может способствовать расширение оснований для освобождения взяткодателей от уголовной ответственности.

Ключевые слова: дача, получение взятки; посредничество во взяточничестве; размер взятки; кратный штраф; освобождение от уголовной ответственности

© Багаутдинов Ф.Н., 2024

Для цитирования: Багаутдинов Ф.Н. Актуальные вопросы уголовной ответственности за взяточничество // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 1 (55). С. 46 – 52. DOI: 10.37973/KUI.2024.39.18.005

Scientific article
UDC 343.352
DOI: 10.37973/KUI.2024.39.18.005

CRIMINAL LIABILITY FOR BRIBERY: BURNING ISSUES

Fler Nuretdinovich Bagautdinov,
Kazan Law Institute (Branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation,
Kazan', Russia, fler5858@mail.ru

Abstract

Introduction: the author examines the criminalization of bribery in Articles 290, 291, 291¹, and 291² of the Criminal Code of Russia.

Materials and Methods: the research is based on dialectical and materialistic, logical, historical, systemic, comparative legal, and statistical methods.

The results include proposed amendments to the relevant Articles of the Criminal Code of Russia.

Discussion and Conclusions: the author comes to the conclusion that the criteria for excluding criminal responsibility for bribe givers should be expanded.

Keywords: giving a bribe; receiving a bribe; mediation in bribery; size of bribe; multiple fine; exemption from criminal liability

© Bagautdinov F.N., 2024

For citation: Bagautdinov F.N. Criminal Liability for Bribery: Burning Issues. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2024;15(1):46-52. (In Russ.). DOI: 10.37973/KUI.2024.39.18.005

Введение

Взятничество является самым распространенным коррупционным преступлением в России. Если несколько лет назад доля взятничества в общей массе коррупционных преступлений составляла более 40%, то сегодня она превысила половину [1].

Правоприменительная практика выявляет различные несовершенства законодательного регулирования вопросов уголовной ответственности за дачу, получение взятки, посредничество во взятничестве. Указанные несовершенства в определенной степени сказываются и на справедливости уголовных наказаний для участников взятничества. В результате отсутствия в течение продолжительного времени корректировки законодательства (последние изменения в соответствующие статьи УК РФ вносились 3 июля 2016 г.) отдельные положения закона уже не соответствуют либо не в полной мере соответствуют общественным потребностям и произошедшим изменениям. В первую очередь это касается определения размера взятки в соответствующих квалифицированных составах преступлений.

Обзор литературы

Различные аспекты вопросов уголовной ответственности за взятничество исследовались в работах Р.В. Жубрина, П.С. Яни, Г.А. Есакова, Н.А. Лопашенко, Б.В. Здравомыслова, В.Н. Боркова, Б.В. Волженкина, В.Б. Комарова, К.В. Ображиева, А.Д. Ильякова, В.В. Хилюта, Н.Н. Колоколова и многих других ученых.

Материалы и методы

В статье проведен сравнительный исторический анализ положений УК РФ об уголовной ответственности за различные виды взятничества, начиная с 1996 г. по настоящее время. Изучены различные точки зрения и предложения по обсуждаемому вопросу, использованы материалы исследований других авторов. Рассмотрены возникающие на практике следственные ситуации с выработкой соответствующих рекомендаций. Исследование основано на анализе состояния и структуры коррупционной преступности в Российской Федерации за последние 5 лет.

Результаты исследования

Если проанализировать все редакции статей 290 и 291 УК РФ с момента введения его в действие в 1996 г., то наблюдается следующая картина: в УК РФ от 13 июня 1996 г. статья 290

(получение взятки) в первой редакции предусматривала обычный (без указания суммы) и крупный размер взятки. Причем крупным размером получения взятки считалась сумма денег, стоимость ценных бумаг, иного имущества или выгода имущественного характера, превышающие триста минимальных размеров оплаты труда. Таким образом, размер взятки был «привязан» к минимальному размеру оплаты труда и изменялся вслед за изменением МРОТ.

Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» установил, что крупный размер взятки должен превышать 150 000 руб.

Федеральным законом от 04.05.2011 № 97-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции» в статьях 290 и 291 УК РФ были дополнительно введены значительный размер, особо крупный размер и представлена следующая градация размеров дачи-получения взятки, которая действует до настоящего времени: обычный размер – до 25 000 руб.; значительный размер – превышающий 25 000 руб.; крупный размер – превышающий 150 000 руб.; особо крупный размер – превышающий 1 млн руб.

Таким образом, размеры взятки установлены в конкретных цифрах и не изменялись уже более 12 лет.

Эти цифры не отражают реального положения дел. Назначаемое за различные виды взятничества уголовное наказание не всегда представляется обоснованным и справедливым. Например, гражданину, который получил взятку в размере 30 000 руб., грозит лишение свободы на срок до 6 лет.

За получение взятки в размере более 150 000 руб. гражданин может быть осужден к лишению свободы сроком до 12 лет.

При получении взятки в особо крупном размере – более 1 млн рублей – предусмотрено лишение свободы на срок до 15 лет.

На наш взгляд, во всех указанных случаях размеры взятки и меры предлагаемого уголовного наказания явно несоизмеримы.

Генеральный прокурор Российской Федерации И.В. Краснов в интервью ТАСС сообщил, что

средняя сумма взятки в России в 2022 году составила более 500 000 рублей¹.

Сложившуюся в результате объективных экономических реалий явную диспропорцию необходимо исправлять путем увеличения размера взятки. На наш взгляд, значительный размер взятки должен составлять более 100 тысяч рублей, крупный размер – более 500 тысяч рублей, особо крупный размер – более 5 млн рублей. Цифры, конечно же, являются условными и требуют обсуждения.

Проблема явного несоответствия установленных законом порогов тех или иных размеров ущерба характерна и для других видов преступлений. Например, Российский союз промышленников и предпринимателей (РСПП) подготовил комплекс мер по снижению уголовного и административного давления на бизнес, включая декриминализацию 10 статей УК РФ. Резолюция направлена в Генпрокуратуру, Минюст, МВД России, Госдуму и другие организации. При этом было внесено и предложение повысить пороги крупного и особо крупного ущерба для преступлений в сфере экономической деятельности. В последний раз они менялись семь лет назад. За этот период накопленная инфляция составила почти 50%, а значит, размер ущерба уже не соответствуют сегодняшнему дню, его нужно повышать на 30 – 70%².

В настоящее время рассматриваются, в том числе и в Государственной Думе Российской Федерации, предложения о повышении порогов крупного и особо крупного ущерба в 2 – 4 раза по ряду составов УК РФ (ст. 165, 146, 178, 180, 199)³.

В части 4 статьи 290 УК РФ предусмотрена повышенная уголовная ответственность за получение взятки лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, а равно главой органа местного самоуправления. По этой части привлекаются главы субъектов Российской Федерации, другие крупные федеральные и региональные государственные служащие. Нет сомнений, что получение взяток высокопоставленными государственными служащими представляет большую общественную опасность.

В 2011 году в статье УК РФ о даче-получении взятки были введены новые санкции – кратные штрафы как основное или дополнительное наказание, исходя их размера взятки. Этот новый институт общество встретило с воодушевлением и поддержкой. Однако новация к особым успехам не привела.

Приговоры с основным наказанием в виде кратного штрафа выносились, но в подавляющем большинстве случаев не исполнялись. Коррупционеры избавлялись от имущества, кратный штраф не уплачивали, в результате приходилось заменять его на реальное лишение свободы. Это представляло определенную сложность, т.к. в законодательстве отсутствует механизм перерасчета неуплаченного кратного штрафа на лишение свободы.

Например, глава Верхнеуслонского района Татарстана получил взятку в размере 5 млн руб., за что был осужден к кратному штрафу в размере 300 млн руб. Свое имущество глава заблаговременно переоформил на родителей и супругу. За время отбывания наказания он выплатил всего 630 000 руб. В результате по представлению судебного пристава штраф был заменен на лишение свободы на срок 4 года⁴.

В юридической литературе приводились и другие подобные примеры и обоснованно указывалось на неэффективность применения кратного штрафа как основного наказания за совершение коррупционных, должностных преступлений [2, 3].

На наш взгляд, кратный штраф следует назначать лишь в качестве дополнительного уголовного наказания, и только в случаях совершения тяжких и особо тяжких коррупционных, должностных преступлений. Соответствующие поправки, по нашему мнению, необходимо внести в законодательство.

Имеются отдельные противоречия и в объективной стороне составов дачи-получения взятки. Так, ч. 3 ст. 290 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за получение взятки за незаконные действия (бездействие). Этой нормой корреспондирует ч. 3 ст. 291 УК РФ – дача взятки за совершение заведомо незаконных действий (бездействия). Формулировка о заведомо незаконных действиях (бездействии) использована и в части

¹ Генпрокурор рассказал о первых случаях взятки криптовалютой. URL: <https://pravo.ru> (дата обращения: 14.02.2024).

² Свинова Е. Свобода действий // Российская газета. № 50 (8995).

³ Минюст повышает границы крупного ущерба по ряду преступлений. URL: <https://pravo.ru>; Путин поручил удвоить крупный ущерб при нарушении авторских прав. URL: <https://pravo.ru> (дата обращения: 14.02.2024).

⁴ В Татарстане при получении взятки с поличным задержан глава одного из районов республики. URL: https://www.1tv.ru/news/2011-10-28/116563-v_tatarstane_pri_poluchenii_vzyatki_s_polichnym_zaderzhan_glava_odnogo_iz_rayonov_respubliki (дата обращения: 14.02.2024).

2 ст. 291¹ УК РФ (посредничество во взяточничестве).

В чем заключается отличие незаконных действий (бездействия) от заведомо незаконных действий, как их разграничить? Достаточно сложно ответить на эти вопросы. Между тем юридические формулировки в составах дачи-получения взятки должны быть идентичными. Поэтому считаем целесообразным из ч. 3 ст. 291 УК РФ и ч. 2 ст. 291¹ УК РФ исключить слово «заведомо».

Ученые давно отмечают явный недостаток юридической конструкции ст. 291¹ УК РФ, который выражается в наличии состава посредничества во взяточничестве только в случае дачи-получения взятки в значительном размере, т.е. в размере более 25 000 рублей.

Правоприменительная практика по обозначенному вопросу являлась противоречивой. Уголовные дела о посредничестве во взяточничестве в сумме менее 25 000 рублей нередко прекращались или заканчивались оправдательным приговором. В отдельных случаях посредничество во взяточничестве в незначительном размере квалифицировалось как соучастие во взяточничестве, при этом посредника рассматривали как пособника.

Указанные вопросы активно обсуждались в юридической науке с выдвиганием соответствующих предложений [4, 5, 6, 7, 8].

Верховный Суд Российской Федерации поставил точку в этом вопросе, указав, что посредничество во взяточничестве может быть признано преступлением лишь в тех случаях, когда размер предмета взятки является значительным, т.е. превышает 25 000 рублей¹.

Таким образом, посредничество во взяточничестве при размере взятки менее 25 000 рублей состава преступления не образует. Не является преступлением и посредничество в мелком взяточничестве. Логика законодателя в этом вопросе абсолютно непонятна и явно необоснованна. Подобный подход дезориентирует правоприменителей и необоснованно освобождает значительную часть посредников от уголовной ответственности.

Посредничество во взяточничестве носит пространственный характер и представляет серьезную общественную опасность. Иногда в одном преступлении участвуют несколько посредников, передавая деньги по цепочке, получая свою долю. В практике имел место случай, когда родители

передали посреднику взятку в сумме 200 000 рублей, чтобы помочь сыну избежать призыва в армию. Взятка прошла через четыре посредника, и каждый из них забирая себе часть денег. В конечном итоге до врача призывной комиссии, который и «решил» вопрос, дошла сумма в 8 000 рублей, то есть мелкая взятка. При этом три посредника были привлечены к уголовной ответственности, но последний посредник ее избежал, исходя из размера переданной им взятки.

В целях обеспечения единого подхода, неотвратимости уголовной ответственности и наказания предлагаем в ч. 1 ст. 291¹ УК РФ исключить слова: «в значительном размере», а в диспозицию части 1 ст. 291² УК РФ (мелкое взяточничество) добавить слова: «посредничество во взяточничестве».

Следует остановиться и на вопросах освобождения взяткодателей, посредников от уголовной ответственности. Это возможно, как следует из примечаний к статьям 291, 291¹, 291² УК РФ, если имело место вымогательство взятки либо лицо после совершения преступления сообщило в орган, имеющий право возбудить уголовное дело, о даче взятки; либо лицо активно способствовало раскрытию, расследованию преступления (в случае посредничества – дополнительно – и пресечению преступления). В указанных случаях лицо освобождается от уголовной ответственности по реабилитирующим основаниям, то есть признается, что в его действиях нет состава преступления.

По смыслу примечания к ст. 291 УК РФ для освобождения взяткодателя от уголовной ответственности, если отсутствовало вымогательство взятки, требуется наличие одновременно двух обстоятельств:

активное содействие раскрытию и (или) расследованию преступления;

лицо после совершения преступления добровольно сообщило в орган, имеющий право возбудить уголовное дело, о даче взятки.

Если налицо только одно из указанных обстоятельств, то освобождение от уголовной ответственности на основании примечания невозможно.

На практике нередко имеет место активное содействие раскрытию и (или) расследованию преступлений при отсутствии добровольного сообщения о даче взятки.

В целях расширения возможностей для освобождения взяткодателей от уголовной ответственности

¹ Ответы на вопросы, поступившие из судов, по применению федеральных законов от 03.07.2016 № 323-ФЗ – 326-ФЗ, направленных на совершенствование уголовной ответственности за коррупционные преступления и преступления экономической направленности, а также оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности (утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 28.09.2016). СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 14.02.2024).

ности предлагаем между указанными двумя обстоятельствами применить союз «или» и считать достаточным для принятия решения одного из оснований: активного способствования или добровольного сообщения о даче взятки.

Если указанные обстоятельства отсутствуют, то на практике уголовные дела о взяточничестве прекращаются на основании ст. 28 УПК РФ и ст. 75 УК РФ, если лицо совершило впервые преступление небольшой и средней тяжести, со ссылкой на активное способствование раскрытию и расследованию преступления, деятельное раскаяние и т.д. По указанным основаниям возможно прекращение уголовных дел о даче взятки, предусмотренных частями 1 и 2 ст. 291 УК РФ.

Рассмотрим различные распространенные ситуации. Гражданин дал взятку, потом добровольно заявил об этом, следственные органы возбудили уголовное дело, взяткополучателя задержали. Взяткодатель от уголовной ответственности освобождается с вынесением соответствующего постановления. В ходе расследования взяткополучатель признается и в других эпизодах получения взяток, но от других лиц. Их вызывают, допрашивают, факты подтверждаются и эти эпизоды входят в обвинение. Но эти вновь выявленные взяткодатели, если строго следовать закону, от уголовной ответственности не могут освобождаться, если, конечно, не имело место вымогательство взятки.

Еще один вариант. При аналогичных обстоятельствах после задержания взяткополучателя следственные органы целенаправленно начинают вызывать свидетелей из окружения задержанного. Например, экзаменатор задержан за получение взятки от студента. Точными сведениями следствие не располагает, но предполагает, что взятки давали и другие студенты. Официальных показаний (от студента – взяткодателя, от задержанного) об этом нет. Следователь вызывает других студентов, сообщает о задержании экзаменатора, предлагает рассказать об обстоятельствах сдачи экзамена, разъясняет положения закона о возможности освобождения от уголовной ответственности за дачу взятки и несколько студентов заявляют о даче взятки. Они к уголовной ответственности за дачу взятки не должны привлекаться, т.к. информация о передаче ими взяток была предположительной, вероятной.

Кроме этого, в практической деятельности очень много нюансов, которые не вписываются в обычные рамки. Например, распространенными являются случаи передачи осужденными взяток сотрудам исправительных учреждений – за

условно-досрочное освобождение, за пронос в колонию запрещенных предметов, за иные незаконные действия. Для указанной категории взяткодателей не характерны и даже невозможны добровольные сообщения об этом, активное способствование раскрытию и расследованию преступления и многое другое, в силу специфики их положения, преступных порядков и традиций. Более того, все взяткодатели – ранее судимы, находятся в местах лишения свободы, судимости не погашены и они никак не подпадают под требования ст. 75 УПК РФ и ст. 28 УК РФ (впервые совершили преступление). Как показывает практика, расследование и судебное рассмотрение уголовных дел о взяточничестве в исправительных учреждениях идет с большими трудностями и сложностями.

Обсуждение и заключение

По нашему мнению, исторически сложилось так, что органы следствия в большинстве случаев заинтересованы в том, чтобы прекратить уголовное дело на взяткодателя. Они обоснованно опасаются, что взяткодатель при наличии угрозы привлечения его самого к уголовной ответственности и, более того, угрозы осуждения к лишению свободы может отказаться от своих показаний и доказать обвинение будет намного сложнее и даже невозможно.

В советском и российском уголовном законодательстве существовала статья 6 УПК РСФСР о возможности прекращения уголовного дела вследствие изменения обстановки, если лицо и совершенное им деяние перестали быть общественно опасными. В отдельных случаях органами следствия уголовные дела на взяткодателей прекращались со ссылкой на указанную статью. В 2003 году в УК РФ была введена ст. 80¹ УК РФ об освобождении лица от наказания в связи с изменением обстановки, но она предоставила такое право только суду. У органов расследования такой возможности сегодня нет.

Как правило, без показаний взяткодателей сложно провести расследование и привлечь взяткополучателя к уголовной ответственности. Поэтому необходимо рассматривать шире основания и условия прекращения уголовных дел на взяткодателей.

Генеральный прокурор Российской Федерации в приказе от 10 октября 2022 г. № 581 «Об осуществлении прокурорского надзора и реализации прокурорами иных полномочий в сфере противодействия коррупции» требует от прокуроров осуществлять защиту лиц, сообщающих о фактах коррупции, от преследования и ущемления их прав и законных интересов оказывать им не-

обходимую правовую помощь, предусмотренную действующим законодательством и организационно-распорядительными документами Генеральной прокуратуры Российской Федерации¹.

Обратим внимание и на то, что санкции аналогичных частей УК РФ о даче и получении взятки разнятся незначительно. Законодатель постарался соблюсти баланс таким образом, чтобы мера уголовной ответственности за получение взятки существенно не отличалась от меры уголовной ответственности за дачу взятки. Сравним санкции ст. 290 и 291 УК РФ по основной мере наказания – лишению свободы. Часть 1 ст. 290 УК РФ предусматривает максимальное лишение свободы до трех лет, часть 1 ст. 291 УК РФ – лишение свободы до двух лет. Части 2 ст. 290 и 291 УК РФ –

соответственно, до шести и пяти лет. Части 3 указанных статей совпадают – до 8 лет. Часть 5 ст. 290 и часть 4 ст. 291 УК РФ совпадают – до 12 лет лишения свободы. Часть 6 ст. 290 и часть 5 ст. 291 УК РФ совпадают – до 15 лет лишения свободы.

В действующем правовом регулировании налицо явный дисбаланс между общественной опасностью действий взяткодателя и взяткополучателя. Полагаем, мера уголовной ответственности для взяткодателя должна быть значительно ниже, чем для взяткополучателя. С учетом изложенного санкции соответствующих частей ст. 291 УК РФ должны быть существенно снижены. Это даст дополнительные возможности для освобождения взяткодателей от уголовной ответственности – на законных основаниях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Жубрин Р.В. Борьба с преступлениями коррупционной направленности. *Законность*. 2022. № 7. С. 37 – 40.
2. Мингалимова М.Ф. Замена штрафа на лишение свободы: актуальные вопросы правоприменения // *Уголовное право*. 2019. № 1. С. 45 – 52.
3. Ястребова О.Г. Проблемы замены штрафа другими видами наказания // *Законность*. 2015. № 10. С. 55 – 56.
4. Яни П.С. Посредничество во взяточничестве и соучастие в получении или даче взятки // *Законность*. 2023. № 6. С. 47 – 52.
5. Соколов М.А., Мелешко Д.А. Вопросы квалификации посредничества во взяточничестве // *Законность*. 2019. № 8. С. 54 – 58.
6. Хлустиков Н.Н., Лазарев А.В. Изменение уголовного законодательства в сфере борьбы с коррупцией: негативные последствия и проблемы правоприменения // *Законность*. 2017. № 2. С. 27 – 32.
7. Пейсикова Е.В., Гейнце О.В. Посредничество в уголовном праве: сложные вопросы квалификации // *Законность*. 2019. № 9. С. 31 – 36.
8. Белов С.Д., Чекмачева Н.В. Уголовное преследование за посредничество во взяточничестве // *Законность*. 2011. № 10. С. 41.

REFERENCES

1. ZHubrin R.V. Bor'ba s prestupleniyami korrupcionnoj napravlenosti. *Zakonnost'*. 2022. № 7. S. 37 – 40.
2. Mingalimova M.F. Zamena shtrafa na lishenie svobody: aktual'nye voprosy pravoprimereniya // *Ugolovnoe pravo*. 2019. № 1. S. 45 – 52.
3. YAstrebova O.G. Problemy zameny shtrafa drugimi vidami nakazaniya // *Zakonnost'*. 2015. № 10. S. 55 – 56.
4. YAni P.S. Posrednichestvo vo vzyatochnichestve i souchastie v poluchenii ili dache vzyatki // *Zakonnost'*. 2023. № 6. S. 47 – 52.
5. Sokolov M.A., Meleshko D.A. Voprosy kvalifikacii posrednichestva vo vzyatochnichestve // *Zakonnost'*. 2019. № 8. S. 54 – 58.
6. Hlustikov N.N., Lazarev A.V. Izmenenie ugovalnogo zakonodatel'stva v sfere bor'by s korrupciej: negativnye posledstviya i problemy pravoprimereniya // *Zakonnost'*. 2017. № 2. S. 27 – 32.
7. Pejsikova E.V., Gejnca O.V. Posrednichestvo v ugovolnom prave: slozhnye voprosy kvalifikacii // *Zakonnost'*. 2019. № 9. S. 31 – 36.
8. Belov S.D., CHEkmacheva N.V. Ugolovnoe presledovanie za posrednichestvo vo vzyatochnichestve // *Zakonnost'*. 2011. № 10. S. 41.

¹ Об осуществлении прокурорского надзора и реализации прокурорами иных полномочий в сфере противодействия коррупции: приказ Генпрокуратуры России от 10.10.2022 № 581 (ред. от 15.08.2023) // *Законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации*. URL: <https://legalacts.ru> (дата обращения: 14.02.2024).

Информация об авторе:

Багаутдинов Флер Нуретдинович, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности и участия прокурора в уголовном судопроизводстве Казанского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, fler5858@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Bagautdinov Fler N., Doctor of Law (Doctor habilitatus), Associate Professor, Head of the Department of Prosecutor's Supervision over the Execution of Laws in Investigative Activity and Prosecutor's Participation in Criminal Proceedings, Kazan Law Institute (Branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, fler5858@mail.ru

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 10.10.2023.

Статья принята к публикации: 20.03.2024.

Статья опубликована онлайн: 22.03.2024.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Научная статья
УДК 343
DOI: 10.37973/KUI.2024.98.50.006

ЗНАЧЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫХ НОРМ И СТАНДАРТОВ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ПРАВ ОБВИНЯЕМОГО И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Руфия Шафкатовна Богаткина,
Казанский юридический институт МВД России, Казань, Россия,
rbogatkina@list.ru

Аннотация

Введение: на основе анализа международно-правовых норм и стандартов раскрываются некоторые вопросы правового регулирования процессуального положения обвиняемого в отечественном уголовном процессе. Автором указаны основные причины несоответствия внутригосударственного законодательства нормам международного права и предложены направления дальнейшего совершенствования в данной сфере.

Материалы и методы: основой исследования послужили международные договоры и соглашения, действующие нормативные правовые акты, анализ мнений ученых-процессуалистов по рассматриваемой тематике. Используются диалектический метод познания, а также сравнительно-правовой и формально-логический методы.

Результаты исследования: установлено, что международные правовые акты, регламентирующие правовую помощь по уголовным делам, носят комплексный характер. Анализ нормативных правовых актов показал, что данная область регулирования не лишена недостатков и нуждается в комплексном и согласованном улучшении. Автор констатирует, что российское законодательство соответствует демократическим представлениям и международным стандартам в области защиты прав человека. Однако с целью улучшения эффективности правового регулирования прав обвиняемого предлагается внести изменения в статью 192 УПК РФ.

Обсуждение и заключение: анализ российского законодательства сквозь призму международных норм и стандартов наглядно демонстрирует, что оно полностью соответствует современным подходам и демократическим представлениям о правах человека. Однако законодательная регламентация не является гарантией ее реализации в полном объеме. Правосудие будет отвечать требованиям законности и справедливости только при соблюдении норм права, регламентирующих права обвиняемого в полном объеме. Эффективная реализация прав обвиняемого является одной из гарантий законности и объективности судебного решения.

Ключевые слова: международно-правовые нормы; международные стандарты; правовое регулирование; уголовный процесс; процессуальный статус; обвиняемый; досудебное производство

© Богаткина Р.Ш., 2024

Для цитирования: Богаткина Р.Ш. Значение международно-правовых норм и стандартов в обеспечении прав обвиняемого и их отражение в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 1 (55). С. 53 – 59. DOI: 10.37973/KUI.2024.98.50.006

Scientific article
UDC 343
DOI: 10.37973/KUI.2024.98.50.006

THE IMPORTANCE OF INTERNATIONAL LEGAL NORMS AND STANDARDS IN THE PROTECTION OF THE DEFENDANT'S RIGHTS AND THEIR FIXING IN THE CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Rufiya Shafkatovna Bogatkina,
the Kazan Law Institute of MIA of Russia, Kazan', Russia,
rbogatkina@list.ru

Abstract

Introduction: the article discusses the legal regulation of the procedural status of the accused in Russian criminal procedure based on international standards and norms. The author identifies reasons for non-compliance of domestic legislation with international law and suggests directions for further development of international cooperation in this field.

Materials and Methods: this article is based on international treaties, legal acts, and analysis of academic expert opinions on the subject. The employed methods of cognition include dialectical, analysis and synthesis, comparative legal, historical, and formal logical methods.

Results: the article concludes that international legal instruments governing legal assistance in criminal cases are complex. The analysis of the legal acts indicates that this area requires comprehensive and coordinated improvement. The education system in the Russian Federation should aim to train specialists who meet the demands of modern life. To achieve this, the author proposes the introduction of special courses to study foreign criminal and criminal procedure legislation. In general, Russian legislation complies with international standards for protecting human rights. To enhance the effectiveness of legal regulation of the rights of the accused, it is proposed to amend Article 192 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation.

Discussion and Conclusions: the analysis of Russian legislation through the prism of international norms and standards demonstrates that it is consistent with modern approaches and democratic notions of human rights. However, legislative regulation does not guarantee its full realization. Justice can only meet the requirements of legality and fairness if the legal norms regulating the rights of the accused are fully observed. It is essential to effectively realize the rights of the accused.

Keywords: international legal norms; international standards; legal regulation; criminal procedure; procedural status; accused; pre-trial proceedings

© Bogatkina R.Sh., 2024

For citation: Bogatkina R.Sh. The Importance of International Legal Norms and Standards in the Protection of the Defendant's Rights and their Fixing in the Criminal Procedure Legislation of the Russian Federation. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2024;15(1):53-59. (In Russ.). DOI: 10.37973/KUI.2024.98.50.006

Введение

Национальная правовая система неизбежно подвергается воздействию международной правовой системы, поскольку глобализационные процессы позволяют практически беспрепятственно развивать экономическое, политическое, социальное и культурное взаимодействие между странами и людьми. Приток миграционной трудовой силы, развитие социально-экономического сотрудничества, заключение браков с иностранными гражданами в конечном счете влияют и на рост преступности с участием иностранных граждан или лиц без гражданства. Повышение социально-политической культуры, рост эконо-

мического развития и улучшение общественной жизни обусловлены результативным действующим законодательством наряду с общим высоким уровнем правовой культуры общества. Российская Федерация неоднократно подчеркивала свою приверженность международному праву, обращала внимание на значение соблюдения принципа добросовестного выполнения международных обязательств.

Правовое регулирование общественных отношений должно опираться на достижения теории и практики отечественного и международного права. Комплексная реализация обеих правовых систем особенно заметна в области защиты прав

человека. Назначением уголовного судопроизводства Российской Федерации является в равной степени как защита прав и свобод человека и гражданина, потерпевших от преступлений, так и защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. В результате проведенного исследования автором было установлено, что плодотворному сотрудничеству в международной уголовно-правовой сфере препятствует «разобщенность, компартиментализация правовых систем разных стран» [1, с. 73] и национальные особенности отдельных стран.

Институт обеспечения прав личности является объектом повышенного внимания любого правового государства, безусловно, уголовно-процессуальное законодательство исключением не является. Наибольший интерес в рамках настоящего исследования представляет правовое положение подозреваемого (обвиняемого). Необходимость дальнейшего изучения процессуального статуса подозреваемого (обвиняемого) способствует эффективному соблюдению его прав и защите свобод в правоприменительной практике. Международно-правовые стандарты играют важную роль в формировании национальной законодательной системы Российской Федерации.

Обзор литературы

Влияние международного права на национальную правовую систему в уголовно-правовой сфере, где пересекаются исключительная сфера деятельности государства и правореализация конкретного индивида, сложно переоценить. Под влиянием международного права создавался, а в последующем активно совершенствовался действующий в настоящее время российский уголовно-процессуальный закон.

Так, В.И. Солодкая подчеркивает, что международные стандарты являются своеобразной моделью для развития правовой системы и совершенствования процессуальных механизмов государственной деятельности в сфере уголовного процесса, при этом отмечая, что правовой статус обвиняемого в полной мере соответствует международным стандартам [2, с. 100].

В свою очередь, М.В. Эсендеров утверждает, что основные международные нормативные правовые акты и основанная на них практика судов по защите прав человека во многом определяют вектор развития системы по защите прав обвиняемого, а также выработке гарантий таких лиц по их реализации [3, с. 10].

Иную позицию занимает Н.С. Ермишина, которая полагает, что имплементация европейских

стандартов в области обеспечения прав обвиняемого в национальное уголовно-процессуальное законодательство носит достаточно непоследовательный, бессистемный характер, приводящий к фактическому отсутствию реализации соответствующих мировых стандартов [4, с. 109].

Материалы и методы

Настоящая статья подготовлена на основе международных правовых актов (конвенций, договоров, соглашений), действующего уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации, изучения научных позиций специалистов в области международного и уголовно-процессуального права исследуемой сферы (М.З. Абесалашвили [5], В. Бойльке [6], С.Б. Россинский [7], А.А. Терегулова [8]).

Однако, не снижая ценности и значимости результатов научных разработок указанных авторов, следует признать, что изменившаяся политическая обстановка влечет за собой необходимость пересмотра научных взглядов как на уголовно-процессуальные проблемы, так и действующее уголовно-процессуальное законодательство.

Диалектический метод познания как общенаучный метод позволил проанализировать и рассмотреть международное и внутригосударственное законодательство в системе нормативных правовых актов; выявить общие закономерности их развития и обозначить особенности их реализации. Сравнительно-правовой метод позволил соотнести требования международных договоров и внутригосударственных обязательств, принятых на их основе; формально-логический методы и метод анализа и синтеза способствовали изучению соотношения различных нормативных правовых актов сквозь призму выполнения Российской Федерацией принятых на себя международно-правовых обязательств и актуальности действующего уголовно-процессуального законодательства.

Результаты исследования

Международные правовые акты, регламентирующие правовую помощь по уголовным делам, носят комплексный характер. Их основная задача – детализировать универсальные нормы; смежный характер международных правовых актов обуславливает их субсидиарное воздействие на уголовно-процессуальные отношения.

Общепризнанные принципы и международные нормы, признанные и (или) ратифицированные на территории Российской Федерации, имеют приоритет перед национальным законодательством в случае наличия противоречия между ними (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ)¹. Уголовно-процессуаль-

¹ Конституция Российской Федерации 1993 года (в ред. от 01.07.2020). СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения:

ный закон, развивая положение Конституции РФ, закрепляет аналогичное правило применения международных актов.

Основной задачей международных норм и стандартов в области уголовного судопроизводства является установление минимальных требований и условий, связанных с реализацией государством уголовно-процессуального законодательства. Международные стандарты и минимальные требования являются образцом (моделью) необходимого уровня уголовно-процессуального порядка и одновременно средством повышения эффективности механизма организации уголовного судопроизводства. Международно-правовые нормы и стандарты по обеспечению прав человека в целом и обвиняемого в частности способствуют обеспечению законности и справедливости.

С одной стороны, обвиняемый является одним из основных субъектов уголовного процесса, который подвергается ограничениям своих прав и свобод в связи с возможным совершением общественно опасного деяния. С другой стороны, обвиняемый обладает и широким спектром специфических прав, с помощью которых он имеет возможность противостоять незаконному и необоснованному уголовному преследованию.

Следует отметить, ограничение прав и свобод обвиняемого носит инструментальный, а не карательный или превентивный характер. Это связано с тем, что оно направлено не на восстановление социальной справедливости и предупреждение новых преступлений, а на обеспечение нормального производства по уголовному делу и возможности установления всех значимых обстоятельств по делу.

Подобное обстоятельство еще больше повышает значимость таких правовых категорий, как «законность» и «обоснованность», при принятии соответствующих процессуальных решений со стороны субъектов, наделенных правом применения государственного принуждения.

Для того чтобы установить степень фактической реализации международных стандартов в области обеспечения прав обвиняемого, по мнению автора, необходимо, во-первых, исследовать наиболее значимые международные правовые акты в данной области, а во-вторых, попытаться соотнести с теми уголовно-процессуальными нормами, посвященными процессуальным стату-

сам подозреваемого и обвиняемого, которые отвечают за их реализацию.

Первым и наиболее значительным международным правовым актом, заложившим в свое время фундамент для развития правовых систем демократических стран, выступает Всеобщая декларация прав человека ООН 1948 года¹, в которой закреплены как обязательные для реализации во всех странах – членах ООН, наиболее общие права и свободы человека, а также обстоятельства их возможного ограничения.

Так, в данном нормативном правовом акте нашли свое отражение и основные права обвиняемого, а именно:

- право на гласное и справедливое судебное разбирательство беспристрастным и независимым судом по факту предъявленного обвинения (статья 10);

- презумпция невиновности и право на защиту любым законным способом (часть 1 статьи 11).

Нормативные положения данного акта носят общий и абстрактный характер, являясь неким ориентиром, которому должны следовать все государства-члены ООН при конструкции уголовно-процессуального законодательства и, в частности, при определении прав и гарантий обвиняемого.

Следует отметить, что подобные положения Конвенции ООН нашли свое отражение как в Конституции РФ, так и в уголовно-процессуальном законе РФ² в разделе «Принципы уголовного судопроизводства», что свидетельствует об ориентированности национального законодателя именно на международные нормы.

Более конкретизированный характер права и гарантии обвиняемого имеют в Международном пакте о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года³, в части 3 статьи 14 которого закреплены следующие гарантии реализации прав обвиняемого:

а) быть в срочном порядке и подробно уведомленным на языке, который он понимает, о характере и основании предъявленного ему уголовного обвинения;

б) иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты и сноситься со своим защитником;

в) быть судимым без неоправданной задержки;

г) быть судимым в его присутствии и защищать себя лично или через посредство выбран-

15.09.2023).

¹ Всеобщая декларация прав человека 1948 года. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.09.2023).

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации 2001 года (в ред. от 04.08.2023). СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.09.2023).

³ Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.09.2023).

ного им самим защитника; если он не имеет защитника, быть уведомленным о возможности его назначения, в том числе безвозмездно;

д) допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь право на то, чтобы эти свидетели были допрошены, и иметь право на вызов свидетелей на тех же условиях, какие существуют для свидетелей, показывающих против него;

е) пользоваться помощью переводчика бесплатно, если он не понимает языка, используемого в суде, или не говорит на этом языке;

ж) не быть принуждаемым к даче показаний против самого себя или к признанию себя виновным.

Одно из указанных прав обвиняемого, а именно право обвиняемого допрашивать показывающих против него свидетелей, подчеркнем, не имеет прямого закрепления в статье 47 УПК РФ, а значит, неочевидна и его реализация в рамках отечественного уголовно-процессуального закона.

Так, в УПК РФ нет прямого права у обвиняемого на допрос свидетеля, который дает показания против него, однако такая возможность, а также гарантии, связанные с реализацией данного права, заложены в различных нормах уголовно-процессуального закона.

В уголовно-процессуальном законе закреплено такое следственное действие, как очная ставка, которая, в соответствии со статьей 192 УПК РФ, производится при наличии существенных противоречий в показаниях ранее допрошенных лиц.

В рамках данного следственного действия у обвиняемого имеется возможность выслушать показания лица, свидетельствующего против него, дать пояснения и объяснения по поводу данных показаний, а также задать вопрос указанному лицу.

Более того, в соответствии с частью 2.1 статьи 281 УПК РФ, показания лица (потерпевшего, свидетеля), которые были им даны в рамках досудебного производства, могут быть оглашены в отсутствие такого лица лишь при условии того, что подсудимому была предоставлена возможность оспорить данные показания в предыдущих стадиях уголовного судопроизводства.

Таким образом, законодатель подобной нормой вывел из числа доказательств показания,

полученные от лиц в ходе досудебного производства в тех случаях, когда они не могут дать их в рамках судебного разбирательства и в отношении которых подсудимому не было предоставлено право допросить их как лиц, показывающих против него.

В связи с этим очная ставка приобретает не только значение инструмента собирания доказательств по уголовному делу, но и также обеспечения права обвиняемого на защиту в части оспаривания показаний лиц, свидетельствующих против него. Причем единственного инструмента в рамках досудебного производства, поскольку в настоящее время отечественным уголовно-процессуальным законом не предусмотрено иных средств оспаривания подобных показаний.

Необходимо указать, что очная ставка оценивается как наиболее эффективное и единственное средство реализации права, закрепленного в пункте «d» ч. 3 ст. 14 Пакта о гражданских и политических правах 1966 года, на различных правоприменительных уровнях.

Например, в постановлении Европейского суда по правам человека «Кушта против Польши» суд отмечает, что наличие у обвиняемого права не свидетельствовать против себя, приобщать к материалам дела свои доказательства, пользоваться помощью защитника, а также присутствие в конкретном уголовном деле иных доказательств, подтверждающих достоверность показания лица, свидетельствующего против обвиняемого, не может умалять факт нарушения права обвиняемого допрашивать указанное лицо и оспаривать его показания в рамках очной ставки¹.

Подобным образом оценивает значение очной ставки и Конституционный Суд Российской Федерации, который подчеркивает, что обеспечение права, закрепленного в пункте «d» ч. 3 ст. 14 Пакта о гражданских и политических правах 1966 года, возможно путем производства очных ставок между обвиняемым и лицом, показывающим против него и предоставления возможности обвиняемому задать указанному лицу вопросы².

Ко всему прочему, в кругах ученых-процессуалистов очная ставка также оценивается не только как средство доказывания, но и как способ обеспечения права обвиняемого на защиту и справедливое судебное разбирательство.

¹ Информация о постановлении ЕСПЧ по делу «Кушта (Kuchta) против Польши» (от 23.01.2018 (жалоба № 58683/08). По делу обжалуется постановление приговора на основании показаний других подсудимых по делу в отсутствие возможности очной ставки со свидетелями. По делу были нарушены требования подпункта «f» пункта 3 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод». СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.09.2023).

² По запросу Абинского районного суда Краснодарского края о проверке конституционности положений статьи 281 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и по жалобам граждан Фомина Дмитрия Евгеньевича, Шуленкова Александра Николаевича и Щербинина Алексея Валерьевича на нарушение их конституционных прав положениями той же статьи: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 07.12.2006 № 548-О // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2007. № 3.

Так, С.Б. Россинский считает, что очная ставка – это одновременный допрос следователем определенных участников уголовного судопроизводства в присутствии друг друга, направленный как на установление новых обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, так и на предварительное обеспечение права обвиняемого на справедливое судебное разбирательство [9, с. 152].

В свою очередь, О.В. Полстовалов и вовсе утверждает, что очная ставка утратила свое доказательственное значение ввиду своей малой эффективности и приобрела сугубо правообеспечительное значение, что превратило ее производство не в право, а в обязанность следователя под угрозой потери доказательственного значения показаний соответствующего свидетеля (потерпевшего) [10, с. 128].

По мнению автора, именно подобное значение должна иметь современная очная ставка в рамках досудебного производства по уголовному делу, поскольку именно данное следственное действие в полной мере позволяет обвиняемому реализовать свое право на допрос лица, свидетельствующего против него.

Однако современная конструкция правовой нормы, посвященной очной ставке, в совокупности со статьей 38 УПК РФ, определяющей, что следователь самостоятельно определяет ход расследования, что подразумевает и принятие решения о производстве конкретных следственных действий, позволяет говорить об отсутствии всеобъемлющего характера реализации права, закрепленного в пункте «d» ч. 3 ст. 14 Пакта о гражданских и политических правах 1966 года.

Таким образом, международные нормы и стандарты в уголовно-процессуальном законодательстве выступают ориентиром построения правоотношений в сфере обеспечения прав и свобод человек и служат правовым фундаментом для данных процессов.

Несмотря на то, что правоприменительная практика различных уровней идет по пути обязательного производства очной ставки между обвиняемым и лицом, показывающим против него, нельзя оставить без внимания, что на законодательном уровне данные идеи реализованы опосредованно. На практике трудно реализуемо право обвиняемого на допрос лица, свидетельствующего против него. Так, сегодня непредоставление данной возможности обвиняемому в рамках досудебного производства порождает лишь невозможность оглашения соответствующих показаний лица в тех случаях, когда оно не явилось на судебное заседание.

Однако на самых разных правоприменительных уровнях подчеркивается необходимость производства очной ставки для реализации соответствующего права; тем не менее законодательно такой обязанности у следователя не существует, что является упущением, которое автор предлагает устранить путем дополнения частью 1.1 статьи 192 УПК РФ в следующей редакции: *«По ходатайству подозреваемого (обвиняемого) производство очной ставки между подозреваемым (обвиняемым) и лицом, показывающим против него, обязательно».*

Анализ российского законодательства сквозь призму международных норм и стандартов наглядно демонстрирует, что оно полностью соответствует современным подходам и демократическим представлениям о правах человека. Однако законодательная регламентация не является гарантией ее реализации в полном объеме. Правосудие будет отвечать требованиям законности и справедливости только при соблюдении норм права, регламентирующих права обвиняемого, в полном объеме. Эффективная реализация прав обвиняемого является одной из гарантий законности и объективности судебного решения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Богаткина Р.Ш. Проблемы и перспективы правового регулирования международного сотрудничества в сфере уголовного судопроизводства Российской Федерации // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2021. № 4 (94). С. 72 – 78.
2. Солодкая В.И. О роли международно-правовых норм и стандартов как средства правового регулирования процессуального положения обвиняемого // Юрист-Правовед. 2018. № 2. С. 99 – 101.
3. Эсендилов М.В. Роль международных правовых стандартов в обеспечении прав обвиняемого // Международное уголовное право и международная юстиция. 2015. № 2. С. 10 – 13.
4. Ермишина Н.С. Европейские стандарты в области прав человека и их роль в обеспечении прав личности в российском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Саратов, 2011. 252 с.

5. Абесалашвили М.З. Подозреваемый как участник уголовного процесса: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Майкоп, 2005. 183 с.
6. Бойльке В. Уголовно-процессуальное право ФРГ // Красноярск: Краснояр. гос. ун-т, 2004. 351 с.
7. Россинский С.Б. Уголовный процесс // Москва: Эксмо, 2009. 735 с.
8. Терегулова А.А. Правовое положение подозреваемого в уголовном процессе России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Челябинск, 2008. 27 с.
9. Россинский С. Очная ставка как предварительная процессуальная гарантия обеспечения права на справедливое судебное разбирательство // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 2 (89). С. 143 – 154.
10. Полстовалов О.В. Очная ставка: непрозрачные перспективы, неэффективная тактика и сомнительная польза // Правовое государство: теория и практика. 2017. № 1(47). С. 126 – 136.

REFERENCES

1. Bogatkina R.SH. Problemy i perspektivy pravovogo regulirovaniya mezhdunarodnogo sotrudnichestva v sfere ugovnogo sudoproizvodstva Rossijskoj Federacii // Vestnik Ufimskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2021. № 4 (94). S. 72 – 78.
2. Solodkaya V.I. O roli mezhdunarodno-pravovyh norm i standartov kak sredstva pravovogo regulirovaniya processual'nogo polozheniya obvinyaemogo // YUrist"-Pravoved". 2018. № 2. S. 99 – 101.
3. Esendirov M.V. Rol' mezhdunarodnyh pravovyh standartov v obespechenii prav obvinyaemogo // Mezhdunarodnoe ugovnoe pravo i mezhdunarodnaya yusticiya. 2015. № 2. S. 10 – 13.
4. Ermishina N.S. Evropejskie standarty v oblasti prav cheloveka i ih rol' v obespechenii prav lichnosti v rossijskom ugovnom processe: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.09. Saratov, 2011. 252 s.
5. Abesalashvili M.Z. Podozrevaemyj kak uchastnik ugovnogo processa: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.09. Majkop, 2005. 183 s.
6. Bojl'ke V. Ugolovno-processual'noe pravo FRG // Krasnoyarsk: Krasnoyar. gos. un-t, 2004. 351 s.
7. Rossinskij S.B. Ugolovnyj process // Moskva: Eksmo, 2009. 735 s.
8. Teregulova A.A. Pravovoe polozhenie podozrevaemogo v ugovnom processe Rossii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.09. CHelyabinsk, 2008. 27 s.
9. Rossinskij S. Ochnaya stavka kak predvaritel'naya processual'naya garantiya obespecheniya prava na spravedlivoe sudebnoe razbiratel'stvo // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2019. № 2 (89). S. 143 – 154.
10. Polstovalov O.V. Ochnaya stavka: neprozrachnye perspektivy, neeffektivnaya taktika i somnitel'naya pol'za // Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika. 2017. № 1(47). S. 126 – 136.

Информация об авторе:

Богаткина Руфия Шафкатовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса Казанского юридического института МВД России, rbogatkina@list.ru
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Bogatkina Rufiya Sh., Candidate in Law (Research doctorate), Associate Professor at the Department of Criminal Procedure of the Kazan Law Institute of MIA of Russia, rbogatkina@list.ru
The author has read and approved the final version of the manuscript.

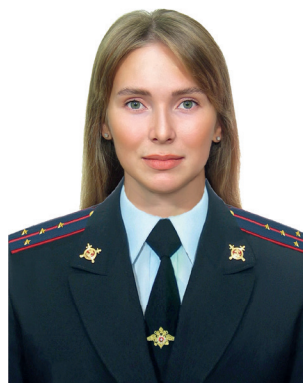
Статья получена: 22.09.2023.

Статья принята к публикации: 20.03.2024.

Статья опубликована онлайн: 22.03.2024.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Научная статья
УДК 343.01
DOI: 10.37973/KUI.2024.68.96.007

ОСОБЕННОСТИ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ ПРИ УГРОЗЕ УБИЙСТВОМ ИЛИ ПРИЧИНЕНИЕМ ТЯЖКОГО ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ

Сергей Владимирович Векленко¹, Юлия Александровна Шутова²,
^{1,2} Санкт-Петербургский университет МВД России,
Санкт-Петербург, Россия,
¹ veklenkosv@mail.ru, ² yulya.shiganvoa.96@mail.ru

Аннотация

Введение: статья посвящена исследованию цели совершения угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью.

Материалы и методы: при написании статьи использовались результаты собственных эмпирических исследований. Применялись общенаучные и частнонаучные методы исследования, которые позволили проанализировать и обобщить собранные авторами относящиеся к предмету исследования материалы из различных источников.

Обзор литературы: применялись труды отечественных ученых в области уголовного права, общей теории права, философии и психологии.

Результаты исследования: авторами выявлена сущность цели-результата совершения угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, использование которой отражает идею использования унифицированного понятийно-категориального аппарата в целях создания единообразной правоприменительной практики.

Обсуждение и заключение: авторами сформулированы предложения, которые позволят правоприменителям единообразно понимать целеполагание при угрозе убийством или причинением тяжкого вреда здоровью. Обозначенные предложения направлены на повышение эффективности защиты личности от преступных посягательств на психическое и социальное здоровье.

Ключевые слова: угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью; преступления против личности; преступления против жизни и здоровья; психическое здоровье; субъективная сторона преступления; цель преступления; цель-результат; устрашение; потерпевший

© Векленко С.В., Шутова Ю.А., 2024

Для цитирования: Векленко С.В., Шутова Ю.А. Особенности целеполагания при угрозе убийством или причинением тяжкого вреда здоровью // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 1 (55). С. 60 – 67. DOI: 10.37973/KUI.2024.68.96.007

Scientific article
UDC 343.01
DOI: 10.37973/KUI.2024.68.96.007

THE THREAT OF MURDER OR SEVERE HARM TO HEALTH:
GOAL SETTING FEATURES

Sergey Vladimirovich Veklenko¹, Yulia Aleksandrovna Shutova²,
^{1,2} St. Petersburg University of MIA of Russia, Sankt-Petersburg, Russia,
¹ veklenkosv@mail.ru, ² yulya.shiganova.96@mail.ru

Abstract

Introduction: the article examines the threat of murder or severe harm to health.

Materials and Methods: the authors conducted their own empirical study and used universal and special research methods to analyze and summarize materials from various sources.

Literature Review: includes works by Russian criminal law, general theory of law, psychology, and philosophy scientists.

Results: the authors have identified the essence of the 'goal-result' of the threat of murder or severe harm to health. Its usage reflects the idea of using a unified conceptual and categorical apparatus to create uniform law enforcement practices.

Discussion and Conclusions: the authors provide suggestions to help enforcers understand the goal setting unambiguously concerning threatening to kill or cause serious harm to health.

Keywords: *threat of murder or causing grave harm to health; crimes against the person; crimes against life and health; mental health; subjective side of the crime; purpose of the crime; purpose-result; intimidation; victim*

© Veklenko S.V., Shutova Yu.A., 2024

For citation: Veklenko S.V., Shutova Yu.A. The Threat of Murder or Severe Harm to Health: Goal Setting Features. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2024;15(1):60-67. (In Russ.). DOI: 10.37973/KUI.2024.68.96.007

Введение

Около 20% от общего количества преступлений против личности, регистрируемых ежегодно в Российской Федерации, приходится на долю угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, предусмотренную ст. 119 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ). Несмотря на такую распространенность исследуемого преступления, в практике применения статьи 119 УК РФ имеют место спорные вопросы, которые создают ряд проблем при реализации данной уголовно-правовой нормы.

Современная судебно-следственная практика идет по пути признания угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью разновидностью психического насилия, которая оказывает воздействие на психическое и социальное здоровье потерпевшего. В связи с этим при квалификации преступного деяния немаловажно уделять внимание установлению цели совершения преступления, предусмотренного ст. 119 УК РФ.

Материалы и методы

Эмпирическую основу исследования составили опубликованные данные судебной статистики, статистические данные ГИАЦ МВД России,

статистические данные Управления организации деятельности участковых уполномоченных полиции и подразделений по делам несовершеннолетних Главного управления по Санкт-Петербургу и Ленинградской области за 2022 год, статистические данные Управления организации дознания Главного управления по Санкт-Петербургу и Ленинградской области за 2022 год, результаты социологического анкетирования 683 правоприменителей, проведенного в период с 2021 по 2023 год в 8 административных центрах федеральных округов Российской Федерации: г. Санкт-Петербурге, г. Москве, г. Нижнем Новгороде, г. Ростове-на-Дону, г. Новосибирске, г. Екатеринбурге, г. Пятигорске, г. Владивостоке (опрошены 60 судей, 92 сотрудника прокуратуры, 192 следователя, 263 дознавателя, 27 участковых уполномоченных полиции, 20 инспекторов по делам несовершеннолетних, 29 оперативных дежурных), а также результаты изучения 170 материалов уголовных дел и 200 обвинительных приговоров об угрозе убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, которые находились в производстве следователей, дознавателей и рассматривались в судах субъектов Российской Федерации в период с 2016

по 2022 год. Большая часть примеров приведена на основе изучения материалов уголовных дел следственных органов и органов дознания субъектов РФ: Республики Башкортостан, Республики Коми, г. Санкт-Петербурга, Мурманской области, Вологодской области, Псковской области, Ярославской области, Костромской области, Курганской области, Ханты-Мансийского автономного округа.

Методологическую основу исследования составили общенаучный метод обобщения, частнонаучные методы – статистический метод и конкретно-социологическое исследование.

Обзор литературы

Исследованию цели совершения преступления посвящены теоретические труды Н.С. Таганцева, И.Т. Фролова, Т.А. Казакевича, А.В. Борзенко, А.И. Рарога [1, с. 70].

Кроме того, для раскрытия сущностных аспектов цели совершения преступления были изучены труды в области психологии В.В. Юрчук и К.К. Платонова и Ф. Гегеля (в области философии).

Результаты исследования

В уголовно-правовой доктрине общепризнано, что цель преступления – это идеальный образ желаемого будущего результата, к которому стремится преступник, совершая общественно опасное деяние. А.Г. Бабичев, исследуя преступления против жизни и здоровья, полагал, что «цель преступления представляет собой направляющий и координирующий элемент преступного поведения» [2, с. 246]. Р.В. Черепенников в качестве цели совершения преступления рассматривает «существенные конкретизированные черты осознанного мысленного образа будущего желаемого результата, который стимулирует деятельность субъекта, определяет пути и способы достижения результата, а также контролирует и регулирует действия» [3, с. 41]. В узком смысле понятие цели традиционно связывают с человеческой деятельностью, существенными элементами которой являются целеполагание, целеустремленность, подчиненность действия идеально представляемому конечному результату этой деятельности [4, с. 15].

В психологии обычно под целью понимается дискурсивно-осознанно-осмысленная модель, образ предполагаемого, предугадываемого результата, на достижение которого спроецированы поведенческие действия субъекта, его деятельность: активность, проекция его чувственно-мотиваци-

онных моделей¹. Зачастую цель обозначается как категория, имеющая два значения. Во-первых, цель имеет объективный характер, а во-вторых, цель субъективна, так как несет субъективные представления лица о предполагаемом им результате, цель, которую оно хотело бы получить в результате своих действий или своей деятельности².

В философии цель определяется как соответствие явления или процесса какому-либо (относительно завершенному) состоянию, материальная или идеальная модель которого представляется в качестве конечного результата³. По мнению Т.А. Казакевича, цель выражает не только то, что произойдет в будущем, но и указывает, к чему нужно стремиться, что нужно делать, какие средства употребить, чтобы осуществить это желаемое будущее [5, с. 52 – 63]. У А.В. Борзенко цель есть всегда предвидение будущего, т.е. «будущее в настоящем» [6, с. 9]. Деятельность любого человека для достижения определенного результата всегда является осознанной, а предполагаемый результат – уже заранее запланированным и ожидаемым. «В лице цели, – по мнению Гегеля, – мы имеем содержание, которое уже известно заранее. Деятельность по реализации цели не слепа, а зряча, потому что то, что получается в качестве результата, соответствует тому, что было известно и волимо раньше» [7, с. 248].

Обобщая философские, психологические и правовые подходы к определению цели человеческой деятельности в целом и совершения преступления в частности, следует заключить, что существует два взаимосвязанных и внешне похожих по форме, но отличных друг от друга по содержанию понятия: цель-средство и цель-результат. Первое понятие непосредственно и неразрывно связано с мотивацией и детерминирует протекание волевого процесса у преступника. Как в свое время отметил еще Н.С. Таганцев, мотив и цель – это коррелятивные понятия [8, с. 593]. Цель-средство охватывает весь процесс, всю последовательность совершения преступного деяния на пути достижения преступного результата. Что же касается цели-результата, то это понятие включает в свое содержание только мысленную (завершенную) модель того, к чему стремится преступник.

Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью является преступлением с двойной превенцией. Во-первых, оно защищает личность от причинения вреда ее психическому здоровью; во-вторых, предупреждает совершение тяжких насильственных преступлений против

¹ Юрчук В.В. Современный словарь по психологии. Минск, 1998. С. 735.

² Платонов К.К. Краткий словарь системы психологических понятий. Москва, 1984. С. 164.

³ Философский энциклопедический словарь. Москва, 1989. С. 730.

жизни и здоровья. Именно существование второй превентивной функции уголовно-правовой нормы, предусмотренной ст. 119 УК РФ, приводит к теоретическим и правоприменительным противоречиям в понимании цели-результата совершения угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью как общественно опасного деяния, посягающего на психический компонент здоровья конкретной личности.

Ряд ученых, занимавшихся исследованием угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью после вступления в силу УК РФ 1996 года и переносом уголовно-правовой нормы в главу 16 «Преступления против жизни и здоровья», взяли вектор на идентификацию данного состава преступления со стадией обнаружения умысла на убийство. П.Н. Левин указывает, что «угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью выражает субъективную решимость причинения смерти или тяжкого вреда здоровью» [9, с. 96]. С.Х. Мазуков считает, что «объектом угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью является жизнь человека, в связи с чем данную норму следует соотносить с обнаружением умысла на убийство» [10, с. 14]. Полагаем, что данное понимание угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью как общественно опасного деяния является ошибочным, поскольку приводит к отождествлению уголовно-правовой нормы, предусмотренной ст. 119 УК РФ, со стадией обнаружения умысла на убийство или покушением на убийство. В данном понимании угроза убийством будет выступать целью-средством достижения другого преступления, в частности убийства.

Наиболее перспективным выглядит современное понимание угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью как самостоятельного преступления, непосредственно причиняющего вред психическому компоненту здоровья конкретной личности. О.И. Ильянова указывает, что «воздействуя на человека угрозами, виновный хочет его запугать. Около 70% опрошенных нами лиц, осужденных по ст. 119 УК РФ, отметили, что имели реальную возможность осуществить свои угрозы в адрес потерпевшего, но не сделали этого, так как убить его или причинить тяжкий вред его здоровью не входило в их цели» [11, с. 130]. М.Д. Давитадзе и Г.А. Майстренко отмечают, что «угроза представляет собой психическое воздействие, направленное на запугивание жертвы, стремление вызвать у нее чувство испуга, ужаса, страха, тревоги, незащищенности, опасения за свою жизнь и

(или) безопасность, иное дискомфортное, нервное состояние» [12, с. 139]. Полагаем, что обозначенные научные воззрения должны развиваться в современной теории уголовного права, поскольку они позволят повысить защищенность граждан от угроз убийством, как формы психического насилия.

Актуальная судебно-следственная практика также идет по пути признания угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью формой психического насилия, которая непосредственно воздействует на психический компонент здоровья. При изучении материалов уголовных дел было установлено, что лица, совершая угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, желают оказать психическое воздействие на потерпевшего с целью его запугивания и устрашения. Данные факты указываются следователями или дознавателями при допросе обвиняемых, а также при составлении итогового обвинительного документа. Так, например, из допроса гражданина Е., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 119 УК РФ, следует, что «убивать потерпевшего К. он не хотел, а желал лишь напугать»¹.

В содержании ст. 119 УК РФ нет прямого указания на установление цели совершения угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью. В связи с этим правоприменители, ввиду отсутствия единообразного понимания признаков состава преступления, предусмотренного ст. 119 УК РФ, зачастую не придают данному признаку субъективной стороны должного внимания либо устанавливают неверные цели преступления, в связи с чем неправильно квалифицируют деяние. Так, например, Верховным Судом Российской Федерации была рассмотрена жалоба осужденного за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ). Из материалов уголовного дела следовало, что «осужденный в лесном массиве увидел следы свежих раскопок и двоих мужчин, забрасывающих вещи в машину, поэтому фигурант заподозрил их в совершении преступления – незаконных археологических раскопках. С целью их задержания он произвел из своего карабина выстрел в воздух и сказал, что они задержаны, так как являются «чернокопателями», предупредил не подходить к нему ближе и сразу же позвонил в полицию, назвав свои данные, и сообщил, что задержал двоих «чернокопателей». При этом в ходе разговора с полицией один из потерпевших направился в сто-

¹ Уголовное дело № XXXXX, расследованное отделом дознания УМВД России по Красносельскому району г. Санкт-Петербурга. Судебным участком № 95 г. Санкт-Петербурга подсудимый Е. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 119 УК РФ. Уголовное дело было прекращено в суде в связи с примирением с потерпевшим.

рону фигуранта, поэтому тот выстрелил ему под ноги, а потерпевший вернулся к машине»¹. Органами предварительного расследования обозначенное поведение было квалифицировано по ч. 1 ст. 119 УК РФ. Судебная коллегия ВС РФ приняла решение об отмене приговора и реабилитации осужденного ввиду того, что поведение следует оценивать по правилам ст. 38 УК РФ, поскольку целью-результатом его действий выступало не устрашение лиц, а их задержание.

На необходимость установления цели совершения угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью указывает Конституционный Суд Российской Федерации. Так, согласно определению Конституционного Суда Российской Федерации, «необходимо в каждом конкретном случае уголовного преследования доказать не только наличие самой угрозы убийством, но и то, что она была намеренно высказана с целью устрашения потерпевшего»².

В ходе исследования материалов уголовных дел и судебных решений по обвинению лица в совершении преступления, предусмотренного ст. 119 УК РФ, в фабуле обвинения были отражены следующие цели преступления³: запугивание потерпевшего (33%); подавление воли потерпевшего (3%); формирование чувства страха за свою жизнь и здоровье (21%); прекращение вмешательства в личную жизнь (3%); оказание психологического воздействия (2%); причинение душевных и нравственных страданий (2%).

Анкетирование правоприменителей свидетельствует, что чаще всего угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью совершается с целью: вызвать испуг у потерпевшего (28%); вызвать чувство страха за свою жизнь или здоровье (26%); подавить волю потерпевшего (23%); изменить поведение потерпевшего (17%); вызвать чувство беспокойства и тревоги (6%)⁴. А.А. Крашенинников справедливо утверждал, что «угроза убийством или причинением тяжкого вреда

здоровью не всегда совершается с целью принуждения потерпевшего к чему-либо» [13, с. 14]. Соглашаясь с позицией ученого, считаем, что правоприменители могут установить и доказать, что угроза убийством совершена с целью подавления воли потерпевшего, а суд может усмотреть иную цель преступления. Данное обстоятельство может существенно повлиять на исход рассмотрения уголовного дела. Полученные результаты изучения судебно-следственной практики и анкетирования правоприменителей указывают на казуистичное понимание цели совершения угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью. Унифицированный подход к пониманию цели совершения угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью позволит избежать ошибок в установлении и доказывании цели преступления, предусмотренного ст. 119 УК РФ.

На наш взгляд, верна позиция установления цели-результата совершения угрозы убийством, а не цели-способа. Запугивание потерпевшего, подавление его воли, оказание психологического воздействия, причинение нравственных и душевных страданий, скорее, относятся к цели-средству, непосредственно связанному с преступной мотивацией и детерминацией угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего. Целью-результатом в данном преступлении следует признавать чувство страха потерпевшего за свою жизнь и здоровье.

Представляется, что для единообразного понимания гражданами и правильного правоприменения цели совершения угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью ее следует сформулировать в обобщенном варианте. Полагаем, преступление, предусмотренное ст. 119 УК РФ, совершается с целью устрашения потерпевшего. Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью по конструкции объективной стороны преступления выступает преступлением с формальным составом. Это озна-

¹ ВС объяснил, какое поведение подтверждает отсутствие реального страха угрозы убийством // Российское агентство правовой и судебной информации. URL: <https://rapsinews.ru/publications/20221212/308551910.html> (дата обращения: 07.07.2023).

² Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Калугина Василия Викторовича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 119 и частью первой статьи 286 Уголовного кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 23.03.2010 № 368-О-О. СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99492/ (дата обращения: 07.07.2023).

³ Результаты изучения 170 материалов уголовных дел и 200 обвинительных приговоров об угрозе убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, которые находились в производстве следователей, дознавателей и рассматривались в судах субъектов Российской Федерации в период с 2016 по 2022 год. Большинство материалов уголовных дел взяты из следующих субъектов Российской Федерации: Республика Башкортостан, Республика Коми, г. Санкт-Петербург, Мурманская область, Вологодская область, Псковская область, Ярославская область, Костромская область, Курганская область, Ханты-Мансийский автономный округ.

⁴ Результаты анкетирования 683 правоприменителей, проведенного в период с 2021 по 2023 год в 8 административных центрах федеральных округов Российской Федерации: г. Санкт-Петербурге, г. Москве, г. Нижнем Новгороде, г. Ростове-на-Дону, г. Новосибирске, г. Екатеринбурге, г. Пятигорске, г. Владивостоке (опрошены 60 судей, 92 сотрудника прокуратуры, 192 следователя, 263 дознавателя, 27 участковых уполномоченных полиции, 20 инспекторов по делам несовершеннолетних, 29 оперативных дежурных).

чает, что оно окончено с момента донесения до потерпевшего в любой форме угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, при наличии оснований опасаться осуществления угрозы. При этом субъективное восприятие потерпевшим угрозы убийством лежит за рамками состава преступления, поэтому оно не оказывает влияния на квалификацию преступления по уголовно-правовой норме, предусмотренной ст. 119 УК РФ, однако может учитываться в суде при выборе средства уголовно-правового воздействия. В рамках расследования уголовного дела цель совершения преступления устанавливается из показаний подозреваемого или обвиняемого в совершении угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью. Это означает, что лицо, совершившее угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, должно указать на то, что оно совершило преступление, предусмотренное ст. 119 УК РФ, с целью устрашения потерпевшего.

Согласно толковому словарю С.И. Ожегова¹, Большому толковому словарю русского языка², под «страхом» понимается очень сильный испуг, сильная боязнь. В толковом словаре русского языка В.И. Даля существительному «страх» дается определение «боязнь, робость, сильное опасенье, тревожное состояние души от испуга, от грозящего или воображаемого бедствия»³. В большом толковом словаре русского языка Д.Н. Ушакова дается следующее значение слову «страх» – состояние крайней тревоги и беспо-

койства от испуга, от грозящей или ожидаемой опасности, боязнь, ужас⁴. Приставка «у-» применяется к частям речи для обозначения завершенности какого-либо процесса. Таким образом, под «устрашением» следует понимать формирование у потерпевшего чувства беспокойства, тревоги и страха за свою жизнь и здоровье, а также подавление воли потерпевшего для изменения его поведения в интересах угрожающего. Формирование единого понятийно-категориального аппарата способствует выработке идентичной правоприменительной практики. Указанное положительно сказывается на процессе установления и доказывания обстоятельств совершения преступления, и, как следствие, выборе справедливых и унифицированных мер уголовно-правового воздействия на лицо, совершившее угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью.

Обсуждение и заключение

Правильная квалификация угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью во многом зависит от определения цели совершения преступления. Полагаем, угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью во всех случаях совершается с целью устрашения потерпевшего. При этом под устрашением следует понимать формирование у потерпевшего чувства беспокойства, тревоги и страха за свою жизнь и здоровье, а также подавление воли потерпевшего для изменения его поведения в интересах угрожающего.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Рарог А.И. Субъективная сторона преступления. Москва, 2001. 134 с.
2. Бабичев А.Г. Убийство и другие смежные преступления и деяния, связанные с посягательством на жизнь человека (вопросы разграничения при квалификации преступлений и правомерных деяний). Казань: Центр инновационных технологий, 2016. 344 с.
3. Черепенников Р.В. Роль цели в структуре преступной деятельности // Вестник образовательного консорциума Среднерусский университет. Серия: Юриспруденция. 2018. № 12. С. 40 – 42.
4. Фролов И.Т. Проблема целесообразности в свете современной науки. Москва, 1971. 45 с.
5. Казакевич Т.А. Целесообразность и цель в общественном развитии // Вестник Ленингр. ун-та. 1963. № 23. С. 52 – 63.
6. Борзенко А.В. Проблема цели в общественном развитии. Москва, 1963. 79 с.
7. Гегель Ф. Сочинения. Москва, 1929. Т. 1. 473 с.
8. Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая. Санкт-Петербург, 1902. Т. 1. 815 с.

¹ Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov/> (дата обращения: 05.07.2023).

² Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov/> (дата обращения: 05.07.2023).

³ Иллюстрированный толковый словарь русского языка В.И. Даля. URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov/> (дата обращения: 05.07.2023).

⁴ Большой толковый словарь русского языка Д.Н. Ушакова. URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov/> (дата обращения: 05.07.2023).

9. Левин П.Н. Понятие и признаки угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью // Человек: преступление и наказание. 2007. № 1(56). С. 95 – 98.
10. Мазуков С.Х. Уголовно-правовая защита личности от угрозы убийством: по материалам Кабардино-Балкарской Республики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право. Ростов-на-Дону, 1997. 29 с.
11. Ильянова О.И. Некоторые уголовно-правовые проблемы угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2013. Т. 4, № 5. С. 127 – 131.
12. Давитадзе М.Д., Майстренко Г.А. Уголовная ответственность за угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 3. С. 138 – 141.
13. Крашенинников А.А. Угроза в уголовном праве России (проблемы теории и практики правового регулирования). Ульяновск, 2002. С. 14.

REFERENCES

1. Rarog A.I. Sub'ektivnaya storona prestupleniya. Moskva, 2001. 134 s.
2. Babichev A.G. Ubijstvo i drugie smezhnye prestupleniya i deyaniya, svyazannye s posyagatel'stvom na zhizn' cheloveka (voprosy razgranicheniya pri kvalifikacii prestuplenij i pravomernyh deyanij). Kazan': Centr innovacionnyh tekhnologij, 2016. 344 s.
3. СHerepennikov R.V. Rol' celi v strukture prestupnoj deyatel'nosti // Vestnik obrazovatel'nogo konsorciuma Srednerusskij universitet. Seriya: YUrisprudenciya. 2018. № 12. S. 40 – 42.
4. Frolov I.T. Problema celesoobraznosti v svete sovremennoj nauki. Moskva, 1971. 45 s.
5. Kazakevich T.A. Celesoobraznost' i cel' v obshchestvennom razvitii // Vestnik Leningr. un-ta. 1963. № 23. S. 52 – 63.
6. Borzenko A.V. Problema celi v obshchestvennom razvitii. Moskva, 1963. 79 s.
7. Gegel' F. Sochineniya. Moskva, 1929. T. 1. 473 s.
8. Tagancev N.S. Russkoe ugovolnoe pravo. Lekcii. CHast' Obshchaya. Sankt-Peterburg, 1902. T. 1. 815 s.
9. Levin P.N. Ponyatie i priznaki ugrozy ubijstvom ili prichineniem tyazhkogo vreda zdorov'yu // CHelovek: prestuplenie i nakazanie. 2007. № 1(56). S. 95 – 98.
10. Mazukov S.H. Ugolovno-pravovaya zashchita lichnosti ot ugrozy ubijstvom: po materialam Kabardino-Balkarskoj Respubliki: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.08 – Ugolovnoe pravo i kriminologiya; ugovolno-ispolnitel'noe pravo. Rostov-na-Donu, 1997. 29 s.
11. Il'yanova O.I. Nekotorye ugovolno-pravovye problemy ugrozy ubijstvom ili prichineniem tyazhkogo vreda zdorov'yu // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2013. T. 4, № 5. S. 127-131.
12. Davitadze M.D., Majstrenko G.A. Ugolovnaya otvetstvennost' za ugrozy ubijstvom ili prichineniem tyazhkogo vreda zdorov'yu // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2021. № 3. S. 138 – 141.
13. Krasheninnikov A.A. Ugroza v ugovolnom prave Rossii (problemy teorii i praktiki pravovogo regulirovaniya). Ul'yanovsk, 2002. S. 14.

Информация об авторах:

Векленко Сергей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России, veklenkosv@mail.ru

Шутова Юлия Александровна, адъюнкт Санкт-Петербургского университета МВД России, yulya.shiganvoa.96@mail.ru

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Veklenko Sergey V., Doctor of Law (Doctor habilitatus), Professor, Honoured Worker of Higher Education of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Law, St. Petersburg University of MIA of Russia, veklenkosv@mail.ru

Shutova Yulia A., Postgraduate, St. Petersburg University of MIA of Russia, yulya.shiganvoa.96@mail.ru

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Заявленный вклад авторов:

Векленко Сергей Владимирович – рассмотрел и обобщил философские, психологические и правовые подходы к определению цели человеческой деятельности в целом и совершения преступления, в частности; представил научный подход к определению цели-результата совершения преступления.

Шутова Юлия Александровна – рассмотрела правоприменительные проблемы, возникающие при определении цели совершения преступления, предусмотренного ст.119 УК РФ, в целях их разрешения сформулировала авторское понятие «устрашение».

Статья получена: 11.12.2023.

Статья принята к публикации: 20.03.2024.

Статья опубликована онлайн: 22.03.2024.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаем.

Научная статья
УДК 343.23(07)
DOI: 10.37973/KUI.2024.37.40.008

**К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ПРИЗНАКА
«ВРЕД КРИТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИОННОЙ
ИНФРАСТРУКТУРЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»
ДЛЯ ЦЕЛЕЙ ЧАСТЕЙ 2 И 3 СТАТЬИ 274¹
УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Николай Валерьевич Ермолаев,
Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия,
Nikolaiermolaev96@mail.ru

Аннотация

Введение: в статье приводятся результаты проведенного автором исследования признака «вред критической информационной инфраструктуре Российской Федерации».

Материалы и методы: методологическую базу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы познания действительности. Из числа частнонаучных методов применялся формально-юридический метод, включающий определенную систему обработки и анализа нормы уголовного закона и материалов судебной практики по уголовным делам, возбужденным по ст. 274¹ УК РФ. Материалами исследования послужили нормы уголовного законодательства Российской Федерации, положения постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.12.2022 № 37, материалы судебной практики по уголовным делам, возбужденным по ст. 274¹ УК РФ за 2020 – 2023 годы, а также отечественная научная литература по данной проблематике.

Обзор литературы: теоретической основой исследования послужили труды отечественных ученых в отрасли уголовно-правовых наук, в частности, работы М.А. Ефремовой, Е.А. Русскевича, С.С. Шахрай, Е.А. Соловьевой, А.Ю. Решетникова, И.И. Малыгина.

Результаты исследования: на основе анализа нормативной базы и трудов ученых автор делает вывод, что признак «вред критической информационной инфраструктуре Российской Федерации» раскрыт не полностью. В ходе изучения материалов судебно-следственной практики автор заключает, что суды по-разному описывают признак «вред критической информационной инфраструктуре Российской Федерации». Однако сущность указанного признака, описываемого судами, практически идентична.

Обсуждение и заключение: на основе анализа законодательства о связи, информации и критической информационной инфраструктуры Российской Федерации, а также актуальных материалов судебной практики делается вывод, что такой вред чаще всего определяется как нарушение состояния защищенности компьютерной информации.

Ключевые слова: критическая информационная инфраструктура Российской Федерации; вред критической информационной инфраструктуре Российской Федерации; объекты критической информационной инфраструктуры Российской Федерации; нарушение безопасности компьютерной информации, содержащейся в критической информационной инфраструктуре Российской Федерации

© Ермолаев Н.В., 2024

Для цитирования: Ермолаев Н.В. К вопросу о содержании признака «вред критической информационной инфраструктуре Российской Федерации» для целей частей 2 и 3 статьи 274¹ Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 1 (55). С. 68 – 75. DOI: 10.37973/KUI.2024.37.40.008

Scientific article
UDC 343.23(07)
DOI: 10.37973/KUI.2024.37.40.008

THE CONTENT OF THE SIGN “HARM TO CRITICAL
INFORMATION INFRASTRUCTURE OF THE RUSSIAN FEDERATION”
FOR THE PURPOSES OF PART 2 AND PART 3 OF ARTICLE 274¹
OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Nikolay Valeryevich Ermolaev,
Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Yekaterinburg, Russia,
Nikolaiermolaev96@mail.ru

Abstract

Introduction: the author presents results of his study of the attribute “threats to critical information infrastructure of Russia”.

Materials and Methods: universal and specific scientific research methods constituted the methodological basis for the study. As well as legal method which included certain processing and analysis of the criminal law and criminal cases initiated under Article 274¹ of the Criminal Code of the Russian Federation.

The Criminal Code of the Russian Federation, provisions of Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 37 of 15.12.2022, criminal cases initiated under Article 274¹ for 2020 – 2023, as well as Russian scientific literature on the subject were research materials.

Literature Review: theoretical basis for the study were works by Russian penal scientists such as: M.A. Efremova, E.A. Russkevich, S.S. Shakhrai, E.A. Solovieva, A.Yu. Reshetnikov, and I.I. Malygin.

Results: basing on the legal framework and scientific literature the author concludes that the attribute “threats to critical information infrastructure of Russia” is not fully evolved. During the study of forensic materials, the author concludes that courts use various methods to describe the attribute. However, at the end of the study he finds that the attribute is almost identical in essence.

Discussion and Conclusions: based on the law on telecommunication, information and critical information infrastructure of the Russian Federation, current case law, the author concludes that the threat is determined as computer information security breach.

Keywords: *critical information infrastructure of the Russian Federation; damage to CII of the Russian Federation; objects of CII of the Russian Federation; violation of the security of computer information contained in the CII of the Russian Federation*

© Ermolaev N.V., 2024

For citation: Ermolaev N.V. The Content of the Sign "Harm to the Critical Information Infrastructure of the Russian Federation" for the Purposes of Article 274¹ of the Criminal Code of the Russian Federation. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2024;15(1):68-75. (In Russ.). DOI: 10.37973/KUI.2024.37.40.008

Введение

Информационное общество предполагает активное использование критической информационной инфраструктуры Российской Федерации (далее – КИИ РФ) в таких ключевых сферах государственной деятельности, как здравоохранение, связь, банковская и иная финансовая деятельность и т.п. Поэтому, по мнению Е.А. Соловьевой, обеспечение устойчивого и бесперебойного функционирования КИИ РФ в мирное время, в период непосредственной агрессии и в военное время определены доктриной информационной

безопасности, утвержденной указом Президента РФ от 5 декабря 2016 № 646¹, как национальный интерес в информационной сфере [1].

Уголовно-правовая охрана объектов КИИ Российской Федерации является приоритетной задачей государства и регулируется в том числе ст. 274¹ УК РФ, которой уголовный закон дополнен еще в 2018 году².

Конструкцию ст. 274¹ УК РФ следует считать сложной, поскольку ее части включают самостоятельные и не связанные между собой составы преступлений.

¹ Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 № 646. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.10.2023).

² Уголовный кодекс Российской Федерации. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.10.2023).

Тем не менее ч. 2 и 3 ст. 274¹ УК РФ объединяет наличие общественно-опасных последствий – «причинение вреда критической информационной инфраструктуре Российской Федерации».

В частности, ч. 2 ст. 274¹ УК РФ предусматривает ответственность за неправомерный доступ к охраняемой компьютерной информации, содержащейся в КИИ РФ в том числе с использованием компьютерных программ либо иной компьютерной информации, которые заведомо предназначены для неправомерного воздействия на КИИ РФ, или иных вредоносных компьютерных программ, если он повлек причинение вреда КИИ РФ.

В свою очередь, ч. 3 ст. 274¹ УК РФ предусматривает ответственность за нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи охраняемой законом компьютерной информации, содержащейся в КИИ РФ, или информационных систем (далее – ИС), информационно-телекоммуникационных сетей (далее – ИТКС), автоматизированных систем управления (далее – АСУ ТП), сетей электросвязи, относящихся к КИИ РФ, либо правил доступа к указанной информации, ИС, ИТКС, АСУ ТП, если оно повлекло причинение вреда КИИ РФ¹.

Материалы и методы

Эмпирическую основу исследования составили опубликованные данные судебной статистики и судебных решений, материалы 48 уголовных дел (на момент исследования), возбужденных по ч.2 и ч.3 ст. 274¹ УК РФ в различных регионах Российской Федерации, а также отечественное законодательство и труды отечественных ученых. Методологическую основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы познания действительности.

Обзор литературы

Исследованию вопросов уголовно-правовой охраны компьютерной информации посвящены научные труды С.С. Шахрая [2], И.И. Малыгина [3], А.В. Сулопарова [4], М.А. Ефремовой [5], В.Г. Степанова-Егиянца [6].

Помимо этого, изучению обозначенных явлений посвящены труды Е.А. Соловьевой [1], И.А. Яковенко [7], Е.А. Русскевича [8], А.В. Пелевиной [9], Р.И. Дремлюги [10], С.Д. Бражника [11] и др.

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»: Федеральный закон от 26.07.2017 № 194-ФЗ. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.10.2023).

² Бриллиантов А.В. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Т. 2. 2-е изд. Российская Академия правосудия. Москва. 2022. С. 704.

³ О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации: Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.10.2023).

Результаты исследования

Исходя из смысла диспозиций ч. 2 и ч. 3 ст. 274¹ УК РФ, указанные составы преступлений являются материальными, т.е. считаются оконченными с момента причинения вреда КИИ РФ.

Отметим, что правомерность доступа к компьютерной информации определяется наличием у лица права проникновения в источник информации².

Конструкция ч. 3 ст. 274¹ УК РФ является более сложной. Ч. 3 ст. 274¹ УК РФ содержит в диспозиции: «Нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи информации, находящейся на объектах КИИ РФ, ... либо правил доступа к указанной информации, информационным системам...». Разделительный союз «либо» в контексте ч. 3 ст. 274¹ УК РФ означает, что диспозиция содержит в себе два альтернативных варианта действия.

Отметим, что «эксплуатация компьютерной системы» представляет собой ее активное использование с целью достижения определенного результата. В широком смысле эксплуатация средств обработки, хранения и передачи компьютерной информации (информационной системы) включает:

- системное и техническое сопровождение аппаратного обеспечения информационной системы (в том числе модернизацию и сервисное обслуживание информационной системы);
- организацию рабочего процесса.

Доступ к информационной системе подразумевает возможность проникновения в источник информации с целью ознакомления с ней.

По нашему мнению, неправомерный доступ предполагает проникновение в источник информации без правовых оснований для такого доступа. В свою очередь, нарушение правил доступа означает несоблюдение установленных правовых предписаний лицом, которое обязано их соблюдать. В связи с этим полагаем, указанные понятия необходимо разделять.

Предметом преступления, предусмотренного ст. 274¹ УК РФ, является содержащаяся в информационных системах КИИ РФ, охраняемая законом компьютерная информация.

Критическая информационная инфраструктура представляет собой объекты критической информационной инфраструктуры³.

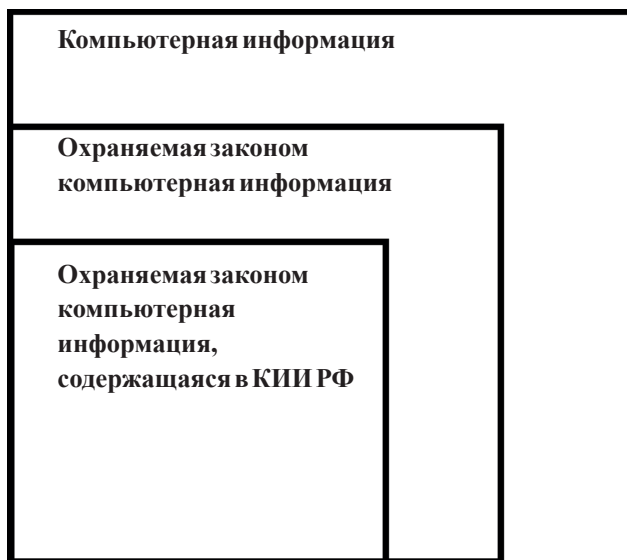

Рисунок 1. Соотношение предмета преступлений. (Данное изображение разработано автором на основе анализа научной отечественной литературы)

Объектами КИИ РФ являются ИС, ИТКС, АСУ ТП субъектов КИИ РФ¹.

Субъектами КИИ РФ признаются государственные органы, государственные учреждения, российские юридические лица и (или) индивидуальные предприниматели, которым на праве собственности, аренды или ином законном основании принадлежат ИС, ИТКС, АСУ ТП, функционирующие в сфере здравоохранения, науки, транспорта, связи, энергетики, государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним, банковской сфере и иных сферах финансового рынка, топливно-энергетического комплекса, в области атомной энергии, оборонной, ракетно-космической, горнодобывающей, металлургической и химической промышленности, российские юридические лица и (или) индивидуальные предприниматели, которые обеспечивают взаимодействие указанных объектов².

В свою очередь, по смыслу ч. 2 и 3 ст. 274¹ УК РФ в качестве общественно-опасных последствий определено причинение вреда КИИ РФ. Однако содержание вреда, причиняемого КИИ РФ, законодательно не закреплено, как и не определено в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.12.2022 № 37

¹ О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации: Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.10.2023).

² Там же.

³ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.12.2022 № 37. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 18.10.2023).

«О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»³.

В данном случае нельзя не согласиться с мнением И.И. Малыгина, который указывает, что «указание на причинение вреда как на обязательное общественно опасное последствие совершенного деяния, является ахиллесовой пятой уголовно-правовой нормы об ответственности за неправомерное воздействие на объекты КИИ России» [12].

Тем не менее в научных кругах предпринимаются попытки раскрыть содержание такого вреда, в частности И.И. Малыгиным. По мнению Е.А. Соловьевой, под вредом, причиняемым КИИ РФ, следует понимать любые неблагоприятные изменения в охраняемой законом КИИ РФ, которые могут выражаться как в материальном, так и нематериальном плане, виновно вызванные неправомерным воздействием и причинно связанные с ним [1].

С мнением Е.А. Соловьевой в целом можно согласиться. Действительно, в содержание вреда можно включать материальные или нематериальные неблагоприятные изменения в информационных системах КИИ РФ, однако указанное автором понятие «любые неблагоприятные последствия» довольно широкое и может включать достаточно большое количество аспектов. В связи с этим обратимся к мнению И.И. Малыгина.

Так, И.И. Малыгин применительно к ст. 274¹ УК РФ полагает, что под вредом следует понимать:

1. Нарушение функционирования объекта критической информационной инфраструктуры (в том числе функционирования сети электросвязи, используемой для организации взаимодействия таких объектов).

2. Прекращение функционирования объекта критической информационной инфраструктуры (в том числе прекращение функционирования сети электросвязи, используемой для организации взаимодействия таких объектов).

3. Нарушение безопасности обрабатываемой таким объектом информации [12].

Полагаем, третий пункт указанного мнения для выполнения цели настоящего исследования в

целом подходит, но отметим, что в данном случае И.И. Малыгин говорил именно о вреде для целей всей ст. 274¹ УК РФ, а не об отдельных ее частях.

Решетников А.Ю. полагает, что неправомерный доступ к компьютерной информации в информационной системе объектов КИИ РФ и дальнейшее манипулирование ею (копирование, уничтожение, блокирование, модифицирование) нарушает целостность этой информационной системы, в результате чего циркулирующие в системе сведения теряют объективность, достоверность и актуальность, так называемую триаду информации [13].

Указанные позиции И.И. Малыгина и А.Ю. Решетникова представляются нам заслуживающими внимания, поскольку они наиболее точно описывают признак «вред критической информационной инфраструктуре Российской Федерации».

Обратимся к материалам судебной практики и определим, какие негативные последствия суды вкладывают в содержание признака «вред».

Так, например, гражданин Р., находясь на рабочем месте, с использованием автоматизированного устройства, действуя из корыстных побуждений, используя свое служебное положение, совершил неправомерный доступ к компьютерной информации, содержащейся в КИИ РФ, повлекший ее модификацию, а именно – внесение в Единую государственную информационную систему в сфере здравоохранения недостоверных сведений о вакцинации против новой коронавирусной инфекции (COVID-19) лицам, не прошедшим процедуру вакцинации¹.

В своем решении суд отметил, что гражданин Р. указанными действиями нарушил требования ст. 23 Конституции Российской Федерации, ч. 1, ч. 2 ст. 5 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ², п. 7, п. 8 ст. 2 Федерального закона «О безопасности критической информационной инфраструктуры Рос-

сийской Федерации» от 26.07.2017 № 187-ФЗ³, Временные правила учета информации в целях предотвращения распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19), утвержденные постановлением Правительства Российской Федерации от 31.03.2020 № 373⁴, и причинил вред объекту КИИ РФ, выраженный в потере компьютерной информации объективности, достоверности и актуальности.

Альтернативным примером может послужить приговор Курганского городского суда Курганской области от 14.03.2023 по делу № 1-143/2023, в котором указано, что гражданин С., будучи сотрудником салона сотовой связи ПАО «ВымпелКом», нарушил правила доступа к охраняемой законом компьютерной информации, содержащейся в КИИ РФ, неправомерно скопировав детализацию о сообщениях и соединениях абонентов ПАО «ВымпелКом» и передав ее за денежное вознаграждение третьим лицам⁵.

При схожих обстоятельствах суды определяют содержание вреда как: нарушения состояния защищенности такой системы⁶, нарушения безопасности конфиденциальности информации, содержащейся в КИИ РФ^{7, 8}, несоответствие сведений, содержащихся в компьютерной системе критериям оценки – объективности, достоверности, и актуальности⁹, нарушение целостности и достоверности информации, циркулирующей в базе данных¹⁰.

На основании изложенного мы пришли к выводу, что суды определяют содержание вреда КИИ РФ как нарушение состояния защищенности компьютерной информации, содержащейся в КИИ РФ.

Однако следующий приговор содержит указание и на причинение вреда КИИ РФ в виде нарушения безопасности компьютерной информации и причинения репутационного вреда субъекту КИИ РФ, который выразился в дискредитации деятельности компании по хранению и обработке информации, составляющей охраняемую законом

¹ Приговор Армянского городского суда Республики Крым от 19.10.2022 по делу № 1-89/2022.

² Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.10.2023).

³ О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации: Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.10.2023).

⁴ Временные правила учета информации в целях предотвращения распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19), утвержденные постановлением Правительства Российской Федерации от 31.03.2020 № 373. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.10.2023).

⁵ Приговор Курганского городского суда Курганской области от 14.03.2023 по делу № 1-143/2023.

⁶ Приговор Харабалинского районного суда г. Харабали Астраханской области от 21.12.2022 по делу № 1-237/2022.

⁷ Приговор Калужского районного суда Калужской области от 11.04.2022 по делу № 1-1-295/2022.

⁸ Приговор Ейского городского суда Краснодарского края от 17.06.2022 по делу № 1-118/2022.

⁹ Приговор Октябрьского районного суда г. Владимира от 21.11.2022 по делу № 1-351/2022.

¹⁰ Приговор Фрунзенского районного суда г. Ярославля Ярославской области от 10.03.2023 по делу № 1-88/2023.

тайну частной жизни и тайну телефонных переговоров¹.

С выводом суда, касающегося деловой репутации, мы вынуждены не согласиться, поскольку вред деловой репутации субъекта КИИ РФ не является вредом КИИ РФ в целом.

Согласно п. 6 ст. 2 ФЗ № 187, критической информационной инфраструктурой являются объекты КИИ РФ (ИС, ИТКС, АСУ ТП), а также сети электросвязи, используемые для организации взаимодействия таких объектов².

Как следует из Федерального закона, субъект КИИ РФ не относится к содержанию КИИ РФ. Таким образом, по нашему мнению, вред деловой репутации, причиненный субъекту КИИ РФ, не является вредом, причиненным КИИ РФ.

На данном этапе ограничимся примерами судебной практики из сферы связи и здравоохранения и для наглядности исследования перейдем к примерам из судебной практики в банковской сфере.

Так, гражданин А., будучи сотрудником АО «Почтабанк», сформировал заявку на открытие сберегательного счета и выпуск пластиковой банковской карты на имя гражданина О. без согласия последнего, чем осуществил неправомерный доступ к охраняемой законом компьютерной информации, содержащейся в КИИ РФ, а именно к компьютерной программе Siebel. (Данная компьютерная программа, согласно решению ФСТЭК, относится к объектам КИИ РФ)³.

Суд определил, что своими действиями гражданин А. причинил вред КИИ РФ, выразившийся в модификации информации в указанной базе данных, внесении в нее недостоверной информации, что нарушило целостность указанной информационной системы, в результате чего информация, содержащаяся в ней, перестала соответствовать критериям оценки – объективности, достоверности и актуальности, тем самым причинив репутационный вред объекту КИИ РФ.

По нашему мнению, указанное в приговоре суда содержание признака «вред критической ин-

формационной инфраструктуре» довольно объемное и сложное, поскольку идет указание сразу на несколько критериев: нарушение целостности системы, несоответствие компьютерной информации критериям оценки, репутационный вред КИИ РФ. Но, скорее, здесь одно закономерно вытекает из другого. По сути, в данном приговоре речь идет о нарушении состояния защищенности такой информации.

Как мы упоминали ранее, в случае с приговором Хасавюртского районного суда Республики Дагестан от 01.03.2023 по делу № 1-49/2023 вред деловой репутации, или репутационный вред, не может включаться в содержание признака «вред КИИ РФ», поскольку такой вред причиняется субъекту КИИ РФ, т.е. ее законному владельцу. Мы уже отмечали, субъект КИИ РФ не относится к содержанию КИИ РФ в целом, а, следовательно, вред, причиненный субъекту КИИ РФ, не будет являться вредом, причиненным объекту КИИ РФ. Таким образом, с решением суда о репутационном вреде мы также вынуждены не согласиться.

При схожих обстоятельствах Куйбышевский районный суд г. Омска в приговоре от 31.07.2023 по делу 1-58/2023 (1-465/2022) определил, что вред объекту КИИ РФ выразился во внесении в систему недостоверных сведений, что нарушило ее целостность, а информация, в ней содержащаяся, перестала соответствовать критериям оценки – объективности, достоверности и актуальности⁴.

Обсуждение и заключение

Таким образом, содержание признака «вред критической информационной инфраструктуре Российской Федерации» может выражаться в нарушении:

- безопасности конфиденциальности компьютерной информации, принадлежащей и охраняемой субъектом КИИ РФ^{5, 6};
- целостности компьютерной системы КИИ РФ^{7, 8, 9}.
- состояния защищенности КИИ РФ^{10, 11}.

¹ Приговор Хасавюртского районного суда Республики Дагестан от 01.03.2023 по делу № 1-49/2023.

² О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации: Федеральный закон от 26.07.2017 № 187-ФЗ. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.10.2023).

³ Приговор Беловского городского суда Кемеровской области от 06.03.2023 по делу № 1-59/2023.

⁴ Приговор Куйбышевского районного суда г. Омска от 31.07.2023 по делу № 1-58/2023 (1-465/2022).

⁵ Приговор Армянского городского суда Республики Крым от 19.10.2022 по делу № 1-89/2022.

⁶ Приговор Хасавюртского районного суда Республики Дагестан от 01.03.2023 по делу № 1-49/2023.

⁷ Приговор Ейского городского суда Краснодарского края от 17.06.2023 по делу № 1-118/2022.

⁸ Приговор Куйбышевского районного суда г. Омска от 31.07.2023 по делу № 1-58/2023 (1-465/2022).

⁹ Приговор Фрунзенского районного суда г. Ярославля Ярославской области от 10.03.2023 по делу № 1-88/2023.

¹⁰ Приговор Харабалинского районного суда г. Харабали, Астраханская область от 21.12.2022 по делу № 1-237/2022.

¹¹ Приговор Беловского городского суда Кемеровской области от 06.03.2023 по делу № 1-59/2023.

- безопасности обрабатываемой компьютерной информации^{1,2}.

По существу, правоприменитель, используя вышеуказанные фразы, констатирует факт нарушения безопасности охраняемой законом компьютерной информации.

Таким образом, под вредом критической информационной инфраструктуре Российской Федерации предлагается понимать нарушение безопасности компьютерной информации, содержащейся в КИИ РФ.

Под безопасностью компьютерной информации предлагается понимать такое состояние ее защищенности, при котором ее свойства (объективность, достоверность, актуальность) устойчивы перед внешними и внутренними угрозами.

По нашему мнению, существующее постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15.12.2022 № 37 нуждается в уточнении содержания признака «вред критической информационной инфраструктуре».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Соловьева Е.А. Вред как криминообразующий признак в составах преступлений, предусмотренных частями 2 и 3 статьи 274¹ УК РФ // Пермский юридический альманах. 2023. № 6. С. 553 – 569.
2. Шахрай С.С. Система преступлений в сфере компьютерной информации: сравнительно-правовой, социолого-криминологический и уголовно-правовой аспекты: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право. Москва, 2010. 214 с.
3. Малыгин И.И. Уголовная ответственность за неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации: монография. 2023. 164 с.
4. Сулопаров А.В. Компьютерные преступления как разновидность преступлений информационного характера: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право. Владивосток, 2010. 214 с.
5. Ефремова М.А. Уголовно-правовая охрана информационной безопасности: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право. Москва, 2018. 428 с.
6. Степанов-Егиняц В.Г. Методологическое и законодательное обеспечение безопасности компьютерной информации в Российской Федерации (Уголовно-правовой аспект): дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08. – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право. Москва, 2016. 389 с.
7. Яковенко И.А. Объективные признаки компьютерных преступлений как разновидности преступлений информационного характера // E-scio. 2021 № 2 (53). С. 389 – 395.
8. Русскевич Е.А. Дифференциация ответственности за преступления, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий, и проблемы их квалификации: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право. Москва, 2021. 521 с.
9. Пелевина А.В. Общая характеристика преступлений в сфере компьютерной информации // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 4. С. 209 – 211.
10. Дремлюга Р.И. Критическая информационная инфраструктура как предмет преступного посягательства // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2019. № 2. С. 130 – 139.
11. Бражник С.Д., Пилясов И.А. Техничко-юридический анализ нормы о неправомерном воздействии на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации (274.1 УК РФ). EDN MPSAAU // Евразийское Научное Объединение. 2019. № 8-3. С. 198 – 201.
12. Малыгин И.И. Уголовно-правовое противодействие неправомерному воздействию на критическую информационную инфраструктуру: дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.4 – Уголовно-правовые науки. Москва, 2023. 192 с.
13. Решетников А.Ю. Об уголовной ответственности за неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации // ЗАКОНЫ РОССИИ: ОПЫТ, АНАЛИЗ, ПРАКТИКА. 2018. № 2. С. 51 – 55.

¹ Приговор Калужского районного суда Калужской области от 11.04.2022 по делу № 1-1-295/2022.

² Приговор Лыткаринского городского суда Московской области от 11.04.2023 по делу № 1-18/2023.

REFERENCES

1. Solov'eva E.A. Vred kak kriminoobrazuyushchij priznak v sostavah prestuplenij, predusmotrennyh chastyami 2 i 3 stat'i 2741 UK RF // Permskij yuridicheskij al'manah. 2023. № 6. S. 553 – 569.
2. SHahraj S.S. Sistema prestuplenij v sfere komp'yuternoj informacii: sravnitel'no-pravovoj, sociologo-kriminologicheskij i ugovolno-pravovoj aspekty: dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.08 – Ugolovnoe pravo i kriminologiya; ugovolno-ispolnitel'noe pravo. Moskva, 2010. 214 s.
3. Malygin I.I. Ugolovnaya otvetstvennost' za nepravomernoe vozdejstvie na kriticheskuyu informacionnuyu infrastrukturu Rossijskoj Federacii: monografiya. 2023. 164 s.
4. Susloparov A.V. Komp'yuternye prestupleniya kak raznovidnost' prestuplenij informacionnogo haraktera: dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.08 – Ugolovnoe pravo i kriminologiya; ugovolno-ispolnitel'noe pravo. Vladivostok, 2010. 214 s.
5. Efremova M.A. Ugolovno-pravovaya ohrana informacionnoj bezopasnosti: dis. ... d-ra jurid. nauk: 12.00.08 – Ugolovnoe pravo i kriminologiya; ugovolno-ispolnitel'noe pravo. Moskva, 2018. 428 s.
6. Stepanov-Eginyac V.G. Metodologicheskoe i zakonodatel'noe obespechenie bezopasnosti komp'yuternoj informacii v Rossijskoj Federacii (Ugolovno-pravovoj aspekt): dis. ... d-ra jurid. nauk: 12.00.08. – Ugolovnoe pravo i kriminologiya; ugovolno-ispolnitel'noe pravo. Moskva, 2016. 389 s.
7. YAkovenko I.A. Ob"ektivnye priznaki komp'yuternyh prestuplenij kak raznovidnosti prestuplenij informacionnogo haraktera // E-scio. 2021 № 2 (53). S. 389 – 395.
8. Russkevich E.A. Differenciaciya otvetstvennosti za prestupleniya, sovershaemye s ispol'zovaniem informacionno-kommunikacionnyh tekhnologij, i problemy ih kvalifikacii: dis. ... d-ra jurid. nauk: 12.00.08 – Ugolovnoe pravo i kriminologiya; ugovolno-ispolnitel'noe pravo. Moskva, 2021. 521 s.
9. Pelevina A.V. Obschaya karakteristika prestuplenij v sfere komp'yuternoj informacii // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2015. № 4. S. 209 – 211.
10. Dremlyuga R.I. Kriticheskaya informacionnaya infrastruktura kak predmet prestupnogo posyagatel'stva // Aziatsko-Tihookeanskij region: ekonomika, politika, pravo. 2019. № 2. S. 130 – 139.
11. Brazhnik S.D., Pilyasov I.A. Tekhniko-yuridicheskij analiz normy o nepravomernom vozdejstvii na kriticheskuyu informacionnuyu infrastrukturu Rossijskoj Federacii (274.1 UK RF). EDN MPSAAU // Evrazijskoe Nauchnoe Ob"edinenie. 2019. № 8-3. S. 198-201.
12. Malygin I.I. Ugolovno-pravovoe protivodejstvie nepravomernomu vozdejstviyu na kriticheskuyu informacionnuyu infrastrukturu: dis. ... kand. jurid. nauk: 5.1.4 – Ugolovno-pravovye nauki. Moskva, 2023. 192 s.
13. Reshetnikov A.YU. Ob ugovolnoj otvetstvennosti za nepravomernoe vozdejstvie na kriticheskuyu informacionnuyu infrastrukturu Rossijskoj Federacii // ZAKONY ROSSII: OPYT, ANALIZ, PRAKTIKA. 2018. № 2. S. 51-55.

Информация об авторе:

Ермолаев Николай Валерьевич, адъюнкт Уральского юридического института МВД России, Nikolaiermolaev96@mail.ru, ORCID: 0000-0001-9336-4628

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Ermolaev Nikolay V., Postgraduate of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Yekaterinburg, Russia, Nikolaiermolaev96@mail.ru, ORCID: 0000-0001-9336-4628

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 28.11.2023.

Статья принята к публикации: 20.03.2024.

Статья опубликована онлайн: 22.03.2024.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Научная статья
УДК 343.1
DOI: 10.37973/KUI.2024.71.99.009

ГЕНЕЗИС ПРОБЛЕМЫ МЕЖОТРАСЛЕВОГО ИНСТИТУТА ОБЖАЛОВАНИЯ В ФОРМЕ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

Алиса Мансуровна Ибрагимова,
Казанский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры Российской Федерации, Казань, Россия,
alissamansurovna@yandex.ru

Аннотация

Введение: в статье раскрывается проблема межотраслевой конкуренции норм уголовно-процессуального законодательства и законодательства об административном судопроизводстве, посвященных обжалованию действий (бездействия) и решений участников уголовного судопроизводства, наделенных уголовно-процессуальными полномочиями, в порядке судебного контроля.

Материалы и методы: эмпирическую базу исследования составили материалы прокурорско-следственной и судебной практики. Методологическую основу исследования составили общенаучный метод диалектики, а также такие частнонаучные методы познания, как системный, сравнительно-правовой, формально-юридический методы познания, индукция и дедукция.

Результаты исследования: проведенное автором исследование позволило выявить противоречия в правовом регулировании между нормами уголовно-процессуального права и нормами об административном судопроизводстве, обосновать и предложить изменения в действующее законодательство, сформулировать понятие межотраслевого правового института обжалования в форме судебного контроля в уголовном судопроизводстве.

Обсуждение и заключение: автором приводится теоретическое обоснование способов решения проблемы межотраслевых противоречий в рамках исследуемого института, а также предлагается внесение изменений в действующее законодательство, излагается авторская редакция некоторых положений статьи 1 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации.

Ключевые слова: межотраслевой институт судебного контроля, обжалование в уголовном судопроизводстве, административное судопроизводство, судебный контроль в уголовном судопроизводстве

© Ибрагимова А.М., 2024

Для цитирования: Ибрагимова А.М. Генезис проблемы межотраслевого института обжалования в форме судебного контроля в уголовном судопроизводстве России // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 1 (55). С. 76 – 85. DOI: 10.37973/KUI.2024.71.99.009

Scientific article

UDC 343.1

DOI: 10.37973/KUI.2024.71.99.009

THE INTERMEDIATE COURT OF APPEAL IN THE FORM OF JUDICIAL CONTROL IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS: GENESIS OF THE PROBLEM

Alisa Mansurovna Ibragimova,

Kazan Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation,
Kazan', Russia, alissamansurovna@yandex.ru

Abstract

Introduction: the article examines the issue of intersectoral competition between criminal procedural law and administrative procedural law. In particular, it focuses on the challenge to acts (or omissions) and decisions of participants in criminal proceedings who have criminal procedural powers, and the challenges that arise in the context of judicial review.

Materials and Methods: the empirical basis of the study consists of prosecution and investigation materials as well as court records. The study was based on the universal scientific research method of dialectics, as well as specific research methods of cognition, including systemic, comparative and legal cognition, and the legal method of cognition, as well as induction and deduction.

Results: the results revealed contradictions in the legal regulation between the norms of criminal procedure and the Administrative Procedure Act. The author has justified and proposed changes in the current law. The author defined the concept of an interbranch legal institution of appeal by way of judicial review in criminal proceedings.

Discussion and Conclusions: the author provides a theoretical justification for addressing intersectoral contradictions within the studied institution. In addition, the author proposes amendments to the current legislation and outlines their version of certain provisions of Article 1 of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation.

Keywords: intersectoral institute of judicial control; appeal in criminal proceedings; administrative proceedings; judicial control in criminal proceedings

© Ibragimova A.M., 2024

For citation: Ibragimova A.M. The Intermediate Court of Appeal in the Form of Judicial Control in the Russian Criminal Proceedings: Genesis of the Problem. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2024;15(1):76-85. (In Russ.). DOI: 10.37973/KUI.2024.71.99.009

Введение

Назначение уголовного судопроизводства, закрепленное в статье 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ), формирует особые правоотношения в уголовно-процессуальном праве, призванные защитить права участников уголовного судопроизводства. Такие правоотношения есть результат правового регулирования, в том числе системой норм об уголовно-процессуальном обжаловании.

Уголовно-процессуальное право содержит нормы, регулирующие обжалование действий (бездействия) и решений участников уголовного судопроизводства, наделенных уголовно-процессуальными полномочиями, на протяжении всего уголовного судопроизводства, которое содержится как в основной главе 16 УПК РФ, посвященной жалобам и ходатайствам, так и в иных главах. Например, в главах, посвященных участникам уголовного судопроизводства, а также отдель-

ным стадиям досудебного (возбуждение уголовного дела, отказ в возбуждении уголовного дела, приостановление, прекращение уголовного дела, утверждение обвинительного заключения, возвращение уголовного дела в порядке статьи 237 УПК РФ) и судебного (первая инстанция, апелляция, кассация, надзор) производства.

Помимо общих норм обжалования, есть узкоспециальные нормы, регулирующие правоотношения, возникающие в связи с обжалованием отдельными участниками уголовного судопроизводства конкретных видов действий (бездействия) и решений должностных лиц и уполномоченных органов.

Однако этим регулирование правоотношений по обжалованию действий (бездействия) и решений в уголовном судопроизводстве не исчерпывается. В уголовно-процессуальном обжаловании встречаются случаи применения норм иных отраслей права, в том числе по обжалованию

действий (бездействия) и решений должностных лиц и уполномоченных органов. В связи с этим в настоящее время актуально исследование межотраслевых связей уголовно-процессуальных норм с нормами иных отраслей права как средств, обеспечивающих системность уголовно-процессуального права.

Обзор литературы

Вопросы межотраслевых связей в системе права России изучаются с конца XX века. Основное внимание авторов, исследовавших данный вопрос, касалось изучения межотраслевых связей в рамках материальных отраслей права. Например, в качестве комплексного исследования в рамках уголовного права необходимо отметить исследование Н.И. Пикурова [1], в рамках гражданского права – М.Ю. Чельшева [2].

Дальнейшее изучение межотраслевых связей в системе права связано с их изучением в рамках комплексов отраслей – частного [3, 4, 5] и публичного права [6, 7, 8].

Большое внимание уделяется обозначенному вопросу в рамках отдельных правоотношений процессуальных отраслей права [9, 10], что свидетельствует о потребности изучения межотраслевых связей в рамках процессуальных отраслей права.

Материалы и методы

Эмпирическую базу исследования составили материалы прокурорско-следственной и судебной практики за 2022 – 2023 гг., отражающие подходы в правоприменении норм уголовно-процессуального законодательства и законодательства об административном судопроизводстве при обжаловании действий (бездействия) и решений участников уголовного судопроизводства, наделенных уголовно-процессуальными полномочиями.

Методологическую основу исследования составили общенаучный метод диалектики, а также такие частнонаучные методы познания, как системный, сравнительно-правовой, формально-юридический методы познания, индукция и дедукция.

Такой подход позволил автору выявить противоречия в правовом регулировании между нормами уголовно-процессуального права и нормами об административном судопроизводстве, обосновать и предложить изменения в действующее законодательство, сформулировать понятие межотраслевого правового института обжалования в форме судебного контроля в уголовном судопроизводстве.

Результаты исследования

В науке уголовно-процессуального права межотраслевые институты больше изучаются в ну-

три комплексов, состоящих из родственных отраслей [11], объединенных единым предметом, но отличающихся средствами его правового регулирования. Например, внутри уголовно-правового комплекса, образуемого уголовным, уголовно-процессуальным правом, А.В. Денисовой, Ф.К. Зиннуровым и другими авторами выделяется межотраслевой институт «досудебного соглашения о сотрудничестве», содержащий в своем комплексе нормы уголовно-процессуального (глава 40¹ «Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве», статьи 5, 11, 21, 154, 216 УПК РФ) и уголовного (статьи 61, 62, 75 УК РФ) законодательства [12]. Вместе с тем основной аргумент автора в пользу существования такого межотраслевого института – это закрепление модифицированных, видоизмененных норм в источниках отрасли, которая занимает их – нашел свое отражение и в работах иных авторов [13].

Необходимо лишь отметить, что такой критерий применим в настоящее время только к именованным или формально определенным в законодательстве межотраслевым институтам, к которым и относится «досудебное соглашение о сотрудничестве».

Сложнее обстоит дело с такими межотраслевыми институтами, которые не нашли своего отражения в законодательстве, но активно исследуются в научных кругах [14, 15, 16, 17]. Например, межотраслевая преюдиция. Само понятие преюдиции в уголовно-процессуальном праве закреплено в статье 90 УПК РФ. Однако основания ее применения в условиях межотраслевого взаимодействия, когда установленные в решении суда в рамках гражданского, арбитражного, административного судопроизводства обстоятельства противоречат таковым, установленным в рамках уголовного судопроизводства, в законе не прописаны [12]. Более того, на примере данного межотраслевого института, являющегося общим для отраслей права гражданского процессуального, арбитражного процессуального, административного судопроизводства, можно сделать вывод о наличии межотраслевых институтов не только в рамках комплексов, объединенных предметом регулирования. Такие межотраслевые институты существуют и в комплексе процессуальных отраслей. Подтверждением этому также служит фактический, формально не определенный в законе межотраслевой институт реабилитации, правовому регулированию которого посвящена глава 18 УПК РФ, а иски о компенсации морального вреда рассматриваются районными судами в по-

рядке, определенном гражданским процессуальным законодательством¹.

К поименованным межотраслевым институтам в уголовном судопроизводстве в рамках комплекса процессуальных отраслей следует отнести межотраслевой институт разумности сроков уголовного судопроизводства. Статья 6.1 УПК РФ содержит принцип разумности уголовного судопроизводства. В ней раскрываются основные условия, подлежащие соблюдению, для проведения уголовного судопроизводства в разумные сроки, а также содержится возможность обращения с заявлением об ускорении рассмотрения уголовного дела. Однако производство по вопросу компенсации за нарушение разумности сроков уголовного судопроизводства содержит глава 26 КАС РФ.

Таким образом, в рамках комплекса процессуальных отраслей существует межотраслевой институт разумности сроков уголовного судопроизводства, который следует отнести к поименованным межотраслевым институтам в уголовном судопроизводстве.

Вместе с тем в источниках нескольких процессуальных отраслей существуют схожие нормы, регулирующие смежные правоотношения, создавая сложности в правоприменении, а также нарушая принцип правовой определенности.

Так, статья 125 УПК РФ содержит правила обжалования действий (бездействия) и решения должностных лиц в уголовном судопроизводстве в порядке судебного контроля.

Согласно пункту 2 части 2 статьи 1 КАС РФ, в порядке административного судопроизводства рассматриваются, в том числе, административные дела об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, должностных лиц и других перечисленных в указанной норме субъектов.

Таким образом, на первый взгляд, заявитель свободен в выборе способа обращения в суд для защиты нарушенных прав и законных интересов в рамках уголовного судопроизводства. Он может подать жалобу на действия (бездействие) и решения должностного лица или уполномоченного органа либо административное исковое заявление.

В то же время, в соответствии с частью 4 статьи 1 КАС РФ, не подлежат рассмотрению в порядке, установленном КАС РФ, дела, возникающие из публичных правоотношений и отнесенные федеральным законом к компетенции Конституционного Суда Российской Федерации, арбитражных судов или подлежащие рассмотрению в ином судебном (процессуальном) порядке

в Верховном Суде Российской Федерации, судах общей юрисдикции.

Несмотря на очевидность, на первый взгляд, необходимости рассмотрения жалоб на действия (бездействие) и решения участников уголовного судопроизводства, наделенных уголовно-процессуальными полномочиями в порядке, предусмотренном статьей 125 УПК РФ, однозначно утверждать об этом сложно ввиду отсутствия в уголовно-процессуальном законе исчерпывающего перечня действий (бездействия) и решений, подлежащих рассмотрению в порядке судебного контроля, с одной стороны, и отсутствия критериев отнесения таковых к действиям (бездействию) и решениям, подлежащим обжалованию в порядке административного судопроизводства, с другой стороны. Имеющиеся по этому вопросу разъяснения суда дублируют друг друга. Кроме того, содержание в УПК РФ конкретного вида процессуального действия или решения, порядок его осуществления или принятия создают сомнения в возможности отнесения их к предмету правового регулирования другой отрасли процессуального права, даже при условии, что уголовно-процессуальный закон не относит такое процессуальное действие (бездействие) или решение к предмету судебного контроля в рамках статьи 125 УПК РФ.

Следовательно, имеет место межотраслевая конкуренция норм об обжаловании действий (бездействия) и решений в уголовном судопроизводстве, требующая выработки теоретических основ, направленных на устранение межотраслевых противоречий, что отмечается и иными авторами, изучающими основные направления решения проблем межотраслевых связей [10].

Вместе с тем решение вопроса о необходимости устранения межотраслевых противоречий в уголовном процессе имеет не только теоретическое, но и практическое значение, так как административное судопроизводство движется в направлении аннексии сферы регулирования уголовного судопроизводства, что наглядно демонстрируют следующие примеры.

Так, к следователю в рамках уголовного дела по факту превышения должностных полномочий при проведении незаконного обыска в жилище Б., возбужденному по его заявлению, Б. обратился с ходатайством о проведении дополнительных следственных действий. По результатам рассмотрения ходатайства Б. следователем вынесено постановление о частичном отказе в удовлетворении ходатайства в части необходимости проведения допроса следователя, осуществлявшего

¹ О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.11.2011 № 17, п. 20. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.02.2024).

обыск в жилище, и очной ставки с ним. Не согласившись с решением, Б. обратился 22.02.2022 в прокуратуру субъекта Российской Федерации с жалобой. По итогам рассмотрения жалобы Б. получил ответ первого заместителя прокурора субъекта РФ, датированный 16.03.2022, то есть по прошествии 22 дней. Из ответа следовало, что жалоба рассмотрена в порядке, предусмотренном Инструкцией о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры Российской Федерации, утвержденной и введенной в действие приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 30.01.2013 № 45, в соответствии с Федеральным законом от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан в Российской Федерации», оснований для принятия мер прокурорского реагирования не имеется. Постановления о продлении срока рассмотрения жалобы, об отказе в удовлетворении либо удовлетворении жалобы не выносились, заявитель об этом не уведомлялся. Б. обратился в суд с административным иском о признании ответа первого заместителя прокурора субъекта Российской Федерации незаконным и требованием обязать рассмотреть его жалобу в порядке, предусмотренном статьей 124 УПК РФ. Решением районного суда в удовлетворении требований административного истца отказано ввиду принятия прокурором решения в рамках предоставленных полномочий по рассмотрению обращений¹. Судом апелляционной инстанции решение суда первой инстанции отменено, принято новое решение о признании незаконным бездействие первого заместителя прокурора субъекта Российской Федерации, возложена обязанность рассмотреть жалобу в порядке статьи 124 УПК РФ².

Согласно фабуле дела, предметом судебного рассмотрения в рамках административного судопроизводства явилось бездействие прокурора как участника уголовного судопроизводства, осуществляющего надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования, выразившееся в нерассмотрении жалобы в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законом, и одновременно действия по рассмотрению обращения в порядке, предусмотренном статьей 10 Федерального закона Российской Федерации от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан в Российской Федерации», то есть правильность

выбора прокурором подлежащей реализации функции в рамках рассмотрения жалобы – надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования либо надзора за соблюдением прав и свобод граждан.

По другому делу заявитель обратился в районный суд с жалобой на бездействие должностных лиц прокуратуры, выразившееся в нерассмотрении жалобы на бездействие следователя по уголовному делу. Постановлением районного суда от 18.02.2022 заявителю отказано в принятии жалобы в связи с отсутствием предмета обжалования. На данное постановление суда заявителем подана апелляционная жалоба. Апелляционным постановлением городского суда постановление суда первой инстанции признано законным и обоснованным. В качестве обоснования своего решения суд апелляционной инстанции привел пункт 3 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.02.2009 № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», согласно которому если лицо не согласно с постановлением прокурора или руководителя следственного органа, вынесенным в соответствии со статьей 124 УПК РФ, предметом обжалования в порядке статьи 125 УПК РФ последнее быть не может³.

На основании подходов, имеющих в судебной практике, действия (бездействия) и решения, не отнесенные к предмету обжалования в порядке статьи 125 УПК РФ, но возникшие в рамках уголовно-процессуальных отношений, входят в предмет разбирательства в рамках административного судопроизводства.

С этим сложно согласиться, поскольку в таком случае решение прокурора, как и решение руководителя следственного органа, по жалобе в форме постановления об отказе в удовлетворении жалобы, в котором дается оценка законности действиям (бездействию) и решению органа предварительного расследования в уголовном судопроизводстве в рамках процессуального контроля и надзора, может быть обжаловано в рамках административного судопроизводства. Вместе с тем такой подход противоречит части 4 статьи 1 КАС РФ, которая содержит запрет на рассмотрение дел, подлежащих рассмотрению в ином судебном (процессуальном) порядке. Несмотря на упомянутый выше пункт 3 постановления Пле-

¹ Решение Авиастроительного районного суда г. Казани от 20.04.2022 по делу № 2а-1337/2022 // Архив Авиастроительного районного суда г. Казани.

² Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного суда Республики Татарстан от 17.06.2022 по делу № 33а-9591/2022 // Архив Авиастроительного районного суда г. Казани.

³ Апелляционное постановление Московского городского суда от 21.06.2022 по делу № 10-12765/2022. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.02.2024).

нума Верховного Суда Российской Федерации от 10.02.2009 № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», исключая из предмета обжалования постановление по результатам рассмотрения жалобы, предусматривает возможность обжалования самого действия (бездействия) и решения органа предварительного расследования по уголовному делу, сообщению о преступлении в порядке статьи 125 УПК РФ. Следовательно, такое дело подлежит рассмотрению в рамках УПК РФ и не может быть предметом разбирательства в рамках административного судопроизводства.

Такое положение приводит к тому, что в настоящее время между уголовно-процессуальным законодательством и законодательством об административном судопроизводстве существует противоречие, в устранении которого существует объективная потребность. Несмотря на то, что споры между участниками уголовного судопроизводства, возникающие в связи с несогласием одной из сторон спора с действием (бездействием) либо принятым решением уполномоченного органа или его должностного лица, прямо не предусмотрены в статье 125 УПК РФ, постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.02.2009 № 1, рассматриваются судами в порядке административного судопроизводства по «остаточному принципу» как дела, не указанные в ином процессуальном законе в качестве подлежащих рассмотрению по его правилам. Такое положение дел не основано на законе, так как в КАС РФ отсутствует четкое указание сферы его действия, позволяющее отнести действия (бездействия) или решение в сфере уголовного судопроизводства к предмету рассмотрения в порядке административного судопроизводства.

Сложившаяся ситуация может создать почву для выделения в предмете рассмотрения судами в порядке административного судопроизводства уголовно-процессуального действия или решения, не отнесенного к предмету разбирательства в порядке статьи 125 УПК РФ.

Так, например, предметом рассмотрения судами в рамках административного судопроизводства стало бездействие ОМВД, связанное с необеспечением реализации права на ознакомление с материалами проверки КУСП, ненаправлением копий постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, неуведомлением о принятых процессуальных решениях с ненадлежащим рассмотрением обращений. Судами первой, апел-

ляционной, кассационной инстанций в удовлетворении требований административного истца отказано ввиду того, что указанное бездействие связано с неисполнением требований уголовно-процессуального законодательства, следовательно, подлежит оценке в порядке уголовного судопроизводства. Не согласившись с мнением судов, административный истец направил жалобу в Верховный Суд Российской Федерации, которым требования административного истца были удовлетворены. В обоснование решения Верховный Суд Российской Федерации привел доводы, что требования административного истца обусловлены несогласием с действиями (бездействием) органа государственной власти, должностных лиц, наделенных публичными полномочиями при осуществлении административно-распорядительных функций, не связанных с исполнением полномочий по осуществлению уголовного преследования. К тому же, по мнению суда, в порядке административного судопроизводства не могут рассматриваться иски об оспаривании действий (бездействия) и решений, перечисленных в части 1 статьи 125 УПК РФ, связанных с применением норм уголовного и уголовно-процессуального законов при осуществлении производства по конкретному уголовному делу (включая досудебное производство), в том числе бездействия, выразившегося в непринятии мер по рассмотрению сообщения о преступлении, что отмечено в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2022 г. № 21 «О некоторых вопросах применения судами положений главы 22 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и главы 24 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации»¹.

Вместе с тем доследственная проверка – это составная часть стадии возбуждения уголовного дела. Кроме того, не все процессуальные действия в уголовном процессе связаны с осуществлением функции уголовного преследования, однако от этого они не перестают быть связанными этой функцией, обладать статусом процессуального действия и не перестают быть формой реализации уголовно-процессуальных законов. Кроме того, перечень лиц, указанных в части 1 статьи 125 УПК РФ, следует толковать расширительно, так как пункт 4 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10.02.2009 № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ» помимо действий должностных лиц и уполномочен-

¹ Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 05.04.2023 № 78-КАД23-2-К3. СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.02.2024).

ных органов, перечисленных в части 1 статьи 125 УПК РФ, в порядке статьи 125 УПК РФ могут быть также обжалованы решения и действия должностных лиц, органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность по выявлению, пресечению преступлений, а также проверке поступивших заявлений и иных сообщений о совершенном или готовящемся преступлении в порядке выполнения поручения следователя, руководителя следственного органа и органа дознания. Таким образом, действия (бездействие) и решения уполномоченных органов и их должностных лиц в рамках проверки сообщения о преступлении, коим в рамках рассмотренного судом дела явился орган дознания, являются предметом судебного контроля в порядке статьи 125 УПК РФ независимо от указания их в части 1 статьи 125 УПК РФ. К тому же необходимость сообщения о результатах проверки такого сообщения заявителю предусмотрена частью 2 статьи 145 УПК РФ, а обязанность по направлению последнему копии постановления об отказе в возбуждении уголовного дела закреплена в части 4 статьи 148 УПК РФ и, соответственно, является обязательным процессуальным действием, связанным с рассмотрением сообщения о преступлении.

Следовательно, выводы суда об административно-распорядительном характере таких действий являются, по нашему мнению, ошибочными, в том числе по следующим основаниям.

В связи с относительно малым периодом существования законодательства об административном судопроизводстве в настоящее время отсутствует как законодательная, так и доктринальная база, обосновывающая предмет правового регулирования и сферу его действия, способная восполнить существенный пробел в законодательстве. Однако, по мнению некоторых авторов [18, 19], объектом административного судопроизводства должны быть организационные разногласия, дестабилизирующие слаженную работу аппарата государственного управления. То есть предметом административного судопроизводства должны быть организационные правоотношения, обеспечивающие выполнение государственными органами и их должностными лицами возложенных на них публичных функций.

По нашему мнению, приведенный выше пример из судебной практики, в рамках которого судом давалась оценка правомерности избранного прокурором порядка рассмотрения жалобы, свидетельствует о том, что в качестве одного из критериев отнесения дела к организационным пра-

воотношениям является правильное определение публичной функции государственного органа, в рамках которого подлежит совершение действия (бездействия) или принятие решения. Следовательно, предметом судебного контроля при оценке действия (бездействия) или решения должно быть не существо последних с точки зрения соответствия их требованиям законности и обоснованности той сферы законодательства, в рамках которых они приняты, а действие (бездействие) или решение государственного органа, связанное с выбором и осуществлением функции, в рамках которой таковые осуществляются или принимаются, подменой одной публичной функции государственного органа другой функцией.

Необходимо вывести из сферы правового регулирования законодательства об административном судопроизводстве процессуальные действия (бездействие) и решения, поименованные в уголовно-процессуальном законе, не являющиеся предметом судебного разбирательства в порядке статьи 125 УПК РФ, так как неуказание всех поименованных действий и решений уголовно-процессуального характера в статье 125 УПК РФ не лишает их уголовно-процессуального значения. По смыслу пункта 33 статьи 5 УПК РФ значение процессуального действия обладают все действия, предусмотренные УПК РФ. Следовательно, не могут быть предметом процессуальной оценки в рамках иного судопроизводства, кроме уголовно-процессуального.

В связи с этим сложно согласиться с позицией судов о том, что ответ по жалобе, которая подлежит рассмотрению в порядке статьи 124 УПК РФ, при отсутствии в таком ответе указания на принятое процессуальное решение в виде постановления об удовлетворении жалобы либо об отказе в удовлетворении жалобы, носит информационный характер и процессуальным решением не является¹. Вместе с тем действующее уголовно-процессуальное законодательство не содержит условия об обязательном направлении лицу, подавшему жалобу, копии постановления по результатам рассмотрения его жалобы. Кроме того, часть 3 статьи 124 УПК РФ содержит обязанность уполномоченного органа, его должностного лица, рассматривавшего жалобу уведомлять о принятом решении (соответственно, об удовлетворении либо отклонении жалобы). Следовательно, уведомление заявителя о результатах рассмотрения жалобы является процессуальным действием, не может являться организационным действием, носящим информационный характер. По этой причине не

¹ Апелляционное определение Московского областного суда от 30 марта 2022 г. по делу № 33а-9290/2022. СПС «КонсультантПлюс»; решение Авиастроительного районного суда города Казани Республики Татарстан от 27.05.2022 по делу № 2а-1332/2022 // Архив Авиастроительного районного суда г. Казани.

может рассматриваться судами в порядке административного судопроизводства.

В связи с этим также возникает необходимость определения круга действий (бездействия) и решений, которые могут быть признаны организационными. По нашему мнению, организационными являются действия (бездействие) и решения о выборе полномочия, предоставленного законом и его реализации, например, выбор прокурором полномочия по надзору за исполнением федерального законодательства, соблюдением прав и свобод человека и гражданина и рассмотрение жалобы в порядке Федерального закона от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений и приема граждан в Российской Федерации» либо полномочия по надзору за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования и рассмотрения жалобы в порядке статьи 124 УПК РФ. В то же время это не означает, что действия (бездействие) и решения не могут быть обжалованы в порядке уголовного судопроизводства, если таковые не указаны в статье 125 УПК РФ. Во-первых, такие действия (бездействие) и решения могут быть обжалованы в порядке ведомственного контроля начальнику органа дознания, начальнику подразделения дознания, руководителю следственного органа, прокурору, а также может быть предметом рассмотрения судом в судебной стадии уголовного судопроизводства первой и последующих инстанций.

Обсуждение и заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать определение межотраслевого института обжалования в уголовном судопроизводстве в форме судебного контроля. Под межотраслевым институтом обжалования в уголовном судопроизводстве следует понимать непоименованную в законе совокупность уголовно-процессуальных норм и норм об административном судопроизводстве, регулирующих правоотношения, связанные с разрешением споров, возникающих меж-

ду участниками уголовного судопроизводства и иными лицами, чьи права и законные интересы затрагиваются обжалуемыми действиями (бездействием) и решениями, связанными с оценкой законности и обоснованности реализации предоставленных полномочий в публичных правоотношениях.

Во избежание рассмотрения судами в порядке административного судопроизводства споров о законности и обоснованности действий (бездействия) и решений, принимаемых органами государственной власти и их должностными лицами в порядке уголовно-процессуального или иного процессуального законодательства, считаем необходимым изложить пункт статьи 1 КАС РФ в следующей редакции: «Не подлежат рассмотрению в порядке, установленном настоящим Кодексом, дела, возникающие из публичных правоотношений, *регулируемых иным процессуальным законодательством*, и отнесенные федеральным законом к компетенции Конституционного Суда Российской Федерации, арбитражных судов, *а равно* подлежащие рассмотрению в ином судебном (процессуальном) порядке в Верховном Суде Российской Федерации, судах общей юрисдикции».

В связи с отсутствием в нормах об административном судопроизводстве четкого круга регулируемых вопросов, из-за чего возникают споры о возможности рассмотрения в рамках административного судопроизводства требований об оспаривании действий (бездействия) и решений, вытекающих из уголовно-процессуальных правоотношений, предлагаем ввести часть 4.1 в статью 1 КАС РФ следующего содержания: «*При возникновении спора о порядке, подлежащем применению при рассмотрении дел, вытекающих из публичных правоотношений, приоритетом обладает процессуальный порядок, предусмотренный специальным для этих правоотношений федеральным законом*».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Пикуров Н.И. Теоретические проблемы межотраслевых связей уголовного права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право. Волгоград, 1998. 47 с.
2. Чельшев М.Ю. Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03 – Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право. Казань, 2009. 41 с.
3. Бакулина Л.Т. Межотраслевые связи в договорном правовом регулировании // Академический юридический журнал. 2020. № 2(80). С. 61 – 65.
4. Сафиуллина Д.Р. Межотраслевые связи договорного права: формы и способы проявления // Мир экономики и права. 2014. № 10-11. С. 84 – 91.
5. Фазылзянова А.И. Семейная дееспособность в системе межотраслевых связей частного права // Право и общество. 2014. № 2(10). С. 115 – 117.

6. Иванов П.И. Оперативно-розыскная наука о межотраслевых связях уголовного права и оперативно-розыскной деятельности // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 2 (34). С. 129 – 133.
7. Капля И.В. Межотраслевые связи финансового права и уголовного права // Проблемы, тенденции и перспективы правового регулирования финансовых и административных отношений: Сборник статей / Российский государственный университет правосудия, Северо-Кавказский филиал. Краснодар: Издательский дом – ЮГ, 2018. С. 160 – 163.
8. Кулаков В.В. Межотраслевые связи трудового права // Современный юрист. 2020. № 4 (33). С. 105 – 113.
9. Валеев Д.Х., Голубцов В.Г. Методологические аспекты межотраслевых связей гражданского процессуального права // Методологические проблемы цивилистических исследований. 2019. № 1. С. 34 – 44.
10. Епихин А.Ю. Становление и развитие межотраслевого института безопасности личности в уголовном процессе России // Вестник. Государство и право. 2023. № 2(37). С. 68 – 74.
11. Алексеев С.С. Общая теория права. Т. II. Москва: Юрид. лит., 1982. 359 с.
12. Денисова А.В. Межотраслевые правовые институты как средство обеспечения системности российского уголовного законодательства // Общество и право. 2011. № 1 (33). С. 94 – 98. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhotraslevye-pravovye-instituty-kak-sredstvo-obespecheniya-sistemnosti-rossiyskogo-ugolovno-zakonodatelstva/viewer> (дата обращения: 30.07.2023).
13. Сырых В.М. Комплексные институты как компоненты системы российского права // Журнал российского права. 2002. № 10. С. 22 – 27.
14. Межотраслевые связи в частном и публичном праве / Абдреев Т.И., Адельшин Р.Н., Бажина М.А. [и др.]. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2022. 376 с.
15. Давлетгильдеев Р.Ш. Регулирование трудовых отношений с иностранным элементом в Российской Федерации: определение общих подходов // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1998. № 1(220). С. 185 – 186.
16. Тарханов И.А., Челышев М.Ю., Хасанов Р.А. Гражданско-правовые конструкции в механизме квалификации преступлений // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 4. С. 72 – 80.
17. Тюрина Н.Е. О роли международных договоров в защите публичных интересов в международной торговле // Российский юридический журнал. 2002. № 3 (35). С. 57 – 67.
18. Стариков Ю.Н. Административное судопроизводство и КАС РФ: к прекращению дискуссии о его отраслевой процессуальной принадлежности, уникальности, самостоятельности, избыточности или несостоятельности // Судебные и несудебные формы защиты гражданских прав: сборник статей к юбилею доктора юридических наук, профессора Е.И. Носыревой / отв. ред. Д.Г. Фильченко. Москва: Инфотропик Медиа, 2020. С. 96 – 124.
19. Осинцев В.Д. Административное судопроизводство как форма государственного управления // Вестник гражданского процесса. 2018. № 6. С. 45 – 55.

REFERENCES

1. Pikurov N.I. Teoreticheskie problemy mezhotraslevykh svyazey ugolovnoho prava: avtoref. dis. ...d-ra yurid. nauk: 12.00.08 – Ugolovnoe pravo i kriminologiya; ugolovno-ispolnitel'noe pravo. Volgograd, 1998. 47 s.
2. CHelyshev M.YU. Sistema mezhotraslevykh svyazey grazhdanskogo prava: civilisticheskoe issledovanie: avtoref. dis. ...d-ra yurid. nauk: 12.00.03 – Grazhdanskoe pravo; predprinimatel'skoe pravo; semejnoe pravo; mezhdunarodnoe chastnoe pravo. Kazan', 2009. 41 s.
3. Bakulina L.T. Mezhotraslevye svyazi v dogovornom pravovom regulirovanii // Akademicheskij yuridicheskij zhurnal. 2020. № 2(80). S. 61 – 65.
4. Safiullina D.R. Mezhotraslevye svyazi dogovornogo prava: formy i sposoby proyavleniya // Mir ekonomiki i prava. 2014. № 10-11. S. 84 – 91.
5. Fazylyanov A.I. Semejnaya deеспособnost' v sisteme mezhotraslevykh svyazey chastnogo prava // Pravo i obshchestvo. 2014. № 2(10). S. 115 – 117.
6. Ivanov P.I. Operativno-rozysknaya nauka o mezhotraslevykh svyazyah ugolovnoho prava i operativno-rozysknoj deyatel'nosti // Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2022. № 2(34). S. 129 – 133.

7. Kaplya I.V. Mezhotraslevye svyazi finansovogo prava i ugovnogo prava // Problemy, tendencii i perspektivy pravovogo regulirovaniya finansovyh i administrativnyh otnoshenij: Sbornik statej / Rossijskij gosudarstvennyj universitet pravosudiya, Severo-Kavkazskij filial. Krasnodar: Izdatel'skij dom – YUG, 2018. S. 160 – 163.
8. Kulakov V.V. Mezhotraslevye svyazi trudovogo prava // Sovremennyy jurist. 2020. № 4(33). S. 105 – 113.
9. Valeev D.H., Golubcov V.G. Metodologicheskie aspekty mezhotraslevykh svyazey grazhdanskogo processual'nogo prava // Metodologicheskie problemy civilisticheskikh issledovanij. 2019. № 1. S. 34 – 44.
10. Epihin A.YU. Stanovlenie i razvitie mezhotraslevogo instituta bezopasnosti lichnosti v ugovnom processe Rossii // Vestnik. Gosudarstvo i pravo. 2023. № 2(37). S. 68 – 74.
11. Alekseev S.S. Obshchaya teoriya prava. T. II. Moskva: YUrid. lit., 1982. 359 s.
12. Denisova A.V. Mezhotraslevye pravovye instituty kak sredstvo obespecheniya sistemnosti rossijskogo ugovnogo zakonodatel'stva // Obshchestvo i pravo. 2011. № 1 (33). S. 94 – 98. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhotraslevye-pravovye-instituty-kak-sredstvo-obespecheniya-sistemnosti-rossiyskogo-ugovnogo-zakonodatel'stva/viewer> (data obrashcheniya: 30.07.2023).
13. Syryh V.M. Kompleksnye instituty kak komponenty sistemy rossijskogo prava // Zhurnal rossijskogo prava. 2002. № 10. S. 22 – 27.
14. Mezhotraslevye svyazi v chastnom i publicnom prave / Abdreev T.I., Adel'shin R.N., Bazhina M.A. [i dr.]. Kazan': Kazanskij (Privolzhskij) federal'nyj universitet, 2022. 376 s.
15. Davletgil'deev R.SH. Regulirovanie trudovyh otnoshenij s inostrannym elementom v Rossijskoj Federacii: opredelenie obshchih podhodov // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie. 1998. № 1 (220). S. 185 – 186.
16. Tarhanov I.A., CHelyshev M.YU., Hasanov R.A. Grazhdansko-pravovye konstrukcii v mekhanizme kvalifikacii prestuplenij // Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava. 2013. № 4. S. 72 – 80.
17. Tyurina N.E. O roli mezhdunarodnyh dogovorov v zashchite publicnyh interesov v mezhdunarodnoj trgovle // Rossijskij juridicheskij zhurnal. 2002. № 3 (35). S. 57 – 67.
18. Starilov YU.N. Administrativnoe sudoproizvodstvo i KAS RF: k prekrashcheniyu diskussii o ego otraslevoj processual'noj prinadlezhnosti, unikal'nosti, samostoyatel'nosti, izbytochnosti ili nesostoyatel'nosti // Sudebnye i nesudebnye formy zashchity grazhdanskikh prav: sbornik statej k yubileyu doktora juridicheskikh nauk, professora E.I. Nosyrevoj / otv. red. D.G. Fil'chenko. Moskva: Infotropik Media, 2020. С. 96 – 124.
19. Osincev V.D. Administrativnoe sudoproizvodstvo kak forma gosudarstvennogo upravleniya // Vestnik grazhdanskogo processa. 2018. № 6. S. 45 – 55.

Информация об авторе:

Ибрагимова Алиса Мансуровна, старший преподаватель кафедры основ организации и управления в органах прокуратуры Казанского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, alissamansurovna@yandex.ru
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Ibragimova Alisa M., Senior Lecturer at the Department of Fundamentals of Organization and Management in the Prosecutor's Office of the Kazan Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, alissamansurovna@yandex.ru
The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 12.12.2023.

Статья принята к публикации: 20.03.2024.

Статья опубликована онлайн: 22.03.2024.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Научная статья
УДК 343.148
DOI: 10.37973/KUI.2024.44.75.018

**ПРАВА НА СВОБОДУ СОВЕСТИ
И СВОБОДУ ВЕРОИСПОВЕДАНИЯ
В КОНТЕКСТЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
СУДЕБНОЙ РЕЛИГИОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ
ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ СОПРЯЖЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ**

Кирилл Радикович Кирушин,
Набережночелнинский государственный педагогический университет,
Набережные Челны, Россия,
kirya.kirushin@mail.ru

Аннотация

Введение: автор рассматривает значимость судебной религиоведческой экспертизы как доказательства при расследовании преступлений, нарушающих права на свободу совести и свободу вероисповедания. В ходе исследования сформирован следующий круг задач: дать характеристику правовым дефинициям «свобода совести» и «свобода вероисповедания»; сформулировать криминалистическую характеристику насильственных преступлений, совершенных по мотиву религиозного характера; продемонстрировать значимость судебной религиоведческой экспертизы в качестве доказательства при расследовании уголовных дел, сопряженных с нарушением прав на свободу совести и свободу вероисповедания.

Материалы и методы: материалами исследования послужили нормативные правовые акты, затрагивающие реализацию права на свободу совести и свободу вероисповедания, а также существующая практика назначения и производства судебной религиоведческой экспертизы при расследовании преступлений, совершенных по мотиву религиозного характера. Использованы методы системного анализа, синтеза и обобщения при изучении правовых гарантий свободы совести и свободы вероисповедания.

Результаты исследования: изучены научные положения, связанные с правовыми гарантиями на свободу совести и свободу вероисповедания, в том числе изучен механизм реализации этих прав, а также их защиты при совершении насильственных преступлений, связанных с мотивом религиозного характера. Проведено изучение возможности использования судебной религиоведческой экспертизы в контексте реализации уголовно-правовой охраны прав на свободу совести и свободу вероисповедания. В статье рассмотрены обсуждаемые в научном сообществе определения категорий «свобода совести» и «свобода вероисповедания» в контексте использования судебной религиоведческой экспертизы при реализации их уголовно-правовой охраны, а также представлены элементы криминалистической характеристики данных преступлений.

Обсуждение и заключение: приведены различия в толковании правовых гарантий «свобода совести» и «свобода вероисповедания». В контексте уголовно-правовой охраны представленных прав приведена криминалистическая характеристика преступлений, связанных с религиозным экстремизмом и терроризмом (ст. 136, 148, 205, 205¹, 239, 282, 282¹, 282² УК РФ). Отмечено, что судебная религиоведческая экспертиза является эффективным инструментом доказывания насильственных преступлений, совершенных по мотиву религиозного характера.

Ключевые слова: право на свободу совести; право на свободу вероисповедания; уголовно-правовая охрана; Конституция Российской Федерации; криминалистическая характеристика; мотив религиозного характера

© Кирушин К.Р., 2024

Для цитирования: Кирушин К.Р. Права на свободу совести и свободу вероисповедания в контексте использования судебной религиоведческой экспертизы при расследовании сопряженных преступлений // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 1 (55). С. 86 – 93. DOI: 10.37973/KUI.2024.44.75.018

Scientific article
UDC 343.148
DOI: 10.37973/KUI.2024.44.75.018

**RIGHTS TO FREEDOM OF CONSCIENCE AND RELIGION
IN FORENSIC THEOLOGICAL EXAMINATION
IN THE INVESTIGATION OF THESE CRIMES**

Kirill Radikovich Kirushin,
Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, Naberezhnye Chelny, Russia,
kirya.kirushin@mail.ru

Abstract

Introduction: the author considers significance of forensic theological examination as evidence in investigation crimes that violate freedom of conscience and religion. During the study he determined the following range of tasks: characterize legal definitions to “freedom of conscience” and “freedom of religion”; formulate a forensic characterization of violent religious crimes; demonstrate the value of forensic theological examination as evidence in investigation crimes that violate freedom of conscience and religion.

Materials and Methods: the materials of this study were legal acts affecting the realization of the right to freedom of conscience and religion, as well as the appointment and production of forensic religious expertise in the investigation of religious crimes. The study was provided by the methods of system analysis, synthesis and generalization in the study of legal guarantees of freedom of conscience and freedom of religion.

Results: the author presents definitions of the categories “freedom of conscience” and “freedom of religion” in forensic religious expertise in the implementation of their criminal protection, as well as an attempt to form a criminalistic characterization of these crimes.

Discussion and Conclusions: in the context of criminal-legal protection of the presented rights the criminalistic characteristic of crimes related to religious extremism and terrorism (Articles 136, 148, 205, 205¹, 239, 282, 282¹, 282² of the Criminal Code of the Russian Federation) is given. It is noted that forensic religious expertise is an effective tool for proving violent crimes committed with a religious motive.

Keywords: the right to freedom of conscience; the right to freedom of religion; criminal law protection; the Constitution of the Russian Federation; criminalistic characteristics; religious motive

© Kirushin K.R., 2024

For citation: Kirushin K.R. Rights to Freedom of Conscience and Religion in Forensic Theological Examination in the Investigation of these Crimes. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2024;15(1):86-93. (In Russ.). DOI: 10.37973/KUI.2024.44.75.018

Введение

Религиозная специфика современной России отражается в многообразии конфессионального состава населения. Гарантированные Конституцией Российской Федерации права на свободу совести и свободу вероисповедания обеспечивают возможность выбирать и исповедовать любую религию, равно как и быть последователем атеизма. В условиях безоговорочного следования собственным религиозным убеждениям человек ревностно стремится отстаивать собственные идеи, что в частных случаях может нарушать права и свободы других граждан и выходить за рамки дозволенных законом действий. Данные деяния нашли свое отражение в составах преступлений, ответственность за которые предусмотрена уголовным законодательством: преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина, преступления против общественной без-

опасности и общественного порядка, преступления против здоровья населения и общественной нравственности, преступления против основ конституционного строя и безопасности государства, доказательство которых требует привлечения специальных знаний из области религиоведения.

Определение признаков свободы совести и вероисповедания, степени совершенного деяния при нарушении этих свобод среди исследователей носит дискуссионный характер. Разработанность определений в судебной практике позволит наиболее эффективно выявлять признаки нарушений таких свобод и привлекать лиц к соответствующей юридической ответственности. При привлечении лица, которому инкриминируется нарушение свобод совести и вероисповедания, возникает необходимость в дополнительном изучении понятий «свобода совести», «религиозная свобода», «свобода вероисповедания». В связи с этим при

расследовании преступлений, посягающих на данные права, органы следствия (дознания) могут столкнуться с рядом сложностей: доказательство наличия состава преступления, выявление деструктивного характера деяний и ограничения прав на свободу совести и вероисповедания. В качестве решения представленных следственных задач положительно себя зарекомендовала судебная религиозно-экспертная экспертиза, которая является одним из видов доказательств при расследовании преступлений, совершенных по мотиву религиозного характера. Таким образом, целью исследования является установление значимости судебной религиозно-экспертной экспертизы как доказательства при расследовании преступлений, нарушающих конституционные права на свободу совести и свободу вероисповедания. Задачи исследования: проанализировать конституционно-правовые гарантии на свободу совести и свободу вероисповедания; дать криминалистическую характеристику сопряженным преступлениям; установить значимость судебной религиозно-экспертной экспертизы как эффективного инструмента доказывания совершения рассматриваемых преступных деяний.

Обзор литературы

Проблема уголовно-правовой ответственности за преступления, посягающие на реализацию права на свободу совести и вероисповедания, отражается в трудах В.А. Бондаренко, И.Я. Козаченко, А.В. Куликова, И.Ю. Лупенко, А.В. Наумовой, А.С. Некоза, А.Е. Никитиной, В.А. Новикова, Г.П. Новоселовой, С.П. Середы, К.В. Питулько, Д.В. Шилина и др. Наряду с ними определение права на свободу совести и вероисповедания всесторонне изучалось С.А. Авакьяном, В.В. Андрощуком, С.А. Бурьяновым, А.Г. Кибальником, Е.А. Лукашевой, И.В. Понкиным, С.В. Познышевым, А.В. Пчелинцевым, Ф.М. Рудинским, Е.О. Руевой, Е.В. Тихоновой, Ю.Е. Федотовой, М.О. Шаховым и др. Исследованием проблем назначения и производства судебной религиозно-экспертной экспертизы занимались А.С. Абдыкаримова, О.Р. Аверина, С.Ф. Бычкова, Д.С. Кажмуратова, Ч.Н. Назаркулова, Б.К. Худайбергенов, А.А. Шаевич и др.

Материалы и методы

Анализ норм, посвященных уголовно-правовой охране права на свободу совести и вероисповедания, определил использование общенаучных методов (системный подход к исследованию свободы совести и вероисповедания; анализ и синтез; индукция и дедукция; логический и системный методы), специальных методов (историко-сравни-

тельный анализ; анализ норм уголовного права; юридическое толкование норм права; обобщение юридической практики). Представленные методы позволили изучить следственную, судебную и экспертную практику расследования насильственных преступлений, совершенных по мотиву религиозного характера. Эмпирическую базу исследования образовали действующие нормы уголовного законодательства, 16 заключений эксперта-религиоведа, материалы судебно-следственной практики (с 2018 по 2023 год), связанные с расследованием преступлений, совершаемых по мотиву религиозной ненависти или вражды, в том числе с использованием в качестве одного из видов доказательств судебной религиозно-экспертной экспертизы).

Результаты исследования

Исторически сложившийся многоконфессиональный характер России, а также преобладание государства над религией как таковой отразились в принципе светскости, закрепленном в нормах конституционного права. Такой принцип реализуется статьей 28 Конституции Российской Федерации, закрепляющей право на исповедание лично либо совместно с единомышленниками какой-либо религии, а также право приверженности к атеистическим взглядам¹. Указанные позиции обеспечили правовую гарантию свободы выбора, распространения и иных действий в отношении религиозных взглядов и убеждений.

Социально-философские категории о «свободе совести» и «свободе вероисповедания» становятся одними из центральных тем в действующем законодательстве. Толкование таких понятий многовариативно ввиду широты их применения в различных сферах жизнедеятельности человека: в социологии – духовно-социальная ценность общества, которая включает мировоззренческие установки, религиозные отношения, что представляет собой отдельный социальный институт; в философии – философско-этическая категория, выражающаяся в возможности совершения поступков в соответствии со своими представлениями о добре и зле, справедливости и несправедливости; в политологии – демократический принцип, который заключается в содержательном аспекте политического строя, состоящего из характера, форм, видов государственного управления властью, политического режима, историко-общественных традиций. Особого внимания в рамках исследования заслуживает толкование рассматриваемых категорий в юриспруденции: право личности на осуществление собственных действий в пределах их реализации. Моральные

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 21.12.2023).

категории со временем превратились в базовые руководящие принципы в морально-этическом соотношении, получившие отражение в отечественных источниках права. Вместе с тем различие категорий приводит к альтернативному значению, которое может противопоставляться нормативной позиции, соответствующей закону.

Естественно-правовой принцип «свобода совести» заключается в установлении отношения личности к выбору мировоззренческих установок и религии в целом либо отказа от них. Реализация права о свободе совести выражается в отсутствии ограничения человека в его личных воззрениях на мир, его религиозных либо атеистических убеждениях. Данная категория сводится к тому, что под свободой следует понимать состояние личности, при котором она освобождается от воздействия третьих сил, а также возможность выбора любого варианта поведения в целях преобразующей деятельности человека. Объяснение «свободы совести» крайне субъективно, то есть сущность содержания данного принципа носит внутрличностный характер.

Ряд авторов предоставляют собственную точку зрения к определению понятий «свобода совести», «свобода вероисповедания», но при этом отмечают, что они неразрывно связаны друг с другом, относятся к общефилософским категориям и выражаются в форме нематериальных, духовно-нравственных ценностей. М.А. Булавина считает, что свобода совести представляет собой свободу выбора морально-этических, философских, пацифистских и иных убеждений и мировоззренческих ориентиров личности [2, с. 105]. Автор отмечает, что данное понятие является обширным, включает свободу вероисповедания, в какой-то степени поглощая последнее. Но существует и иная точка зрения, согласно которой свобода вероисповедания является частным понятием по отношению к родовому – свободе совести. Отечественное законодательство уравнивает эти два определения, поскольку они оба подчеркивают значимость свободы выбора религии и религиозных обрядов.

Конституционное право Российской Федерации гарантирует гражданам свободу совести и свободу вероисповедания, под которыми определяет право на исповедование в индивидуальной или совместной форме любой религии или неисповедование никакой, свободный выбор и распространение религиозных и иных убеждений. А.В. Пчелинцев полагает, что необходимо перейти от дуалистического понимания свободы к плюралистической. Такое суждение выражает-

ся в слиянии свободы совести и свободы вероисповедания в единое понятие – свободу совести и вероисповедания [3, с. 18]. По мнению К.Г. Соколовского, понятия «свободы совести» и «свободы вероисповедания» в правоприменительной практике отождествляются, поскольку право на свободу совести принадлежит каждому гражданину, а на свободу вероисповедания – «только верующему гражданину или, иными словами, лицу, исповедующему какую-либо религию» [4, с. 59]. Религиозная свобода может проявляться в форме отхода от религиозных рамок, выражающегося в отрицании веры как таковой. Эта идея продолжается в труде Ю.В. Старостиной, которая считает, что свобода совести и свобода вероисповедания заключена в свободе религии, под которой следует понимать распространение религиозных и иных убеждений, признания религиозных убеждений как части верований [5, с. 98]. Духовное право дает возможность верить в Бога, а также отрицать эту веру, юридическое же закрепляет это положение в пределах развития правового государства.

Теоретико-правовая модель категории «свобода совести» представляет собой систему юридических норм, регламентирующих порядок, формы защиты и охрану права о свободе совести. Субъект с момента рождения наделяется правомочиями свободы в своих действиях. Автор И.В. Загребина под понятием свободы совести понимает свободу воли человека, которая выражается в проявлении его действий, их полноте, но при этом такая свобода ограничивается физическими возможностями индивида и его нравственной позицией. Исследователь полагает, что определение «свобода совести» соотносится с другим, близким по значению, – «свобода вероисповедания» [6, с. 11-12]. Такую точку зрения поддерживает С.А. Бурьянов, который указывает, что понятие «свобода совести» сводится к «свободе вероисповедания», так как в значительной степени они равнозначны. Равенство между этими понятиями, на его взгляд, достигается в ходе деятельности религиозных объединений, где они и могут реализовываться. Человек в этом контексте становится дополнением к религиозной организации, которая наполняется вне его участия свободой вероисповедания, то есть свободой совести¹. Объяснение тождественности заключается в предоставлении человеку свободы деятельности в религиозных объединениях и индивидуально-личного права на выбор религии с выражением своих взглядов на личную религию либо ее отсутствие, а также через призму принадлежности к отдель-

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с

ной конфессии, дачу оценки в отношении действующих конфессиональных групп.

Под «свободой вероисповедания» следует понимать равноправие всех религий между собой, в том числе верующих различных конфессиональных групп. Детализация такой свободы ложится в плоскость декларируемых прав, которые можно представить следующим образом: исповедование любой религии либо неисповедование совсем, изменение, распространение религии, приобщение к религиозному культу. Правовое регулирование, закрепленное в конституционной норме (ст. 28 Конституции РФ), гарантирует человеку свободное приобщение к определенной религии либо сохранение атеистических взглядов, возможность выражения религиозных взглядов либо взглядов на религию, возможность не придерживаться либо придерживаться к каким-либо религиозным или религиозно-политическим группам.

Выражение собственных религиозных чувств верующими может носить общественно опасный характер. Влияние радикальных идей способно привести к трактованию идей религиозного объединения в форме призывов к осуществлению насильственных, разрушительных действий. В современном законодательстве проявления идей, направленных на формирование мнения о необходимости осуществления противоправных действий, подчеркиваются в качестве общественно опасных и квалифицируются как экстремистское. Потенциальная опасность, которая может стать реальной угрозой, при удельном весе существующих морально-этических категорий «свободы совести», «свободы вероисповедания» в правовом пространстве образует дискуссионность в отношении ограничения отдельных прав, свобод и интересов конкретной группы. Зачастую эти группы преподносят такие действия со стороны государства в качестве притесняющих, унижающих достоинство лиц по совокупности признаков.

Нарушение реализации прав на «свободу совести» и «свободу вероисповедания» является квалифицирующим признаком отдельных категорий преступлений: нарушение равенства прав и свобод человека и гражданина в зависимости от отношения к религии (ст. 136 УК РФ); воспрепятствование осуществлению права на свободу совести и вероисповеданий (ст. 148 УК РФ); террористический акт, совершенный по мотиву религиозной ненависти либо вражды (ст. 205 УК РФ); содействие террористической деятельности, совершаемой по мотиву религиозной ненависти либо вражды (ст. 205¹ УК РФ); создание некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан (ст.

239 УК РФ); возбуждение религиозной ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства по признаку принадлежности к религии (ст. 282, 282¹, 282² УК РФ).

Изучение представленных норм способствовало установлению их общего объекта, объективной стороны, субъекта, субъективной стороны преступления. Основными объектами данных составов являются общее равенство прав и свобод человека и гражданина ст. 136, 148 УК РФ); общественная безопасность (ст. 205, 205¹ УК РФ); отношения, обеспечивающие здоровье населения, права, свободы и интересы граждан (ст. 239 УК РФ); общественные отношения, гарантирующие признание и уважение равного достоинства личности независимо от каких-либо физических или социальных признаков (ст. 282, 282¹, 282² УК РФ). При наличии мотива религиозного характера под факультативным объектом данных видов преступных посягательств следует понимать общественные отношения, которые возникают с момента осуществления законной деятельности религиозных организаций (объединений), реализации права на свободу совести и вероисповедания.

Объективная сторона преступлений выражается в действиях, предполагающих осуществление физического (преступления, совершенные по ст. 205, 205¹, 239 УК РФ) либо психологического (преступления, совершенные по ст. 136, 148, 239, 282, 282¹, 282² УК РФ) насилия. Преступления, сопряженные с осуществлением религиозно-мотивированного физического насилия (ст. 205, 205¹ УК РФ), характеризуются совершением действий, угрожающих жизни и здоровью населения, безопасности общества и государства. Примерами подобных действий могут являться террористические акты, атаки на религиозные сооружения, объекты гражданского обеспечения и т.д. Сущность преступлений, связанных с осуществлением религиозно-мотивированного психологического насилия (ст. 136, 148, 239, 282, 282¹, 282² УК РФ), заключается в выражении явного неуважения к человеку (личности), обществу (группе лиц). Совершаются рассматриваемые преступления, как правило, по признаку принадлежности к религии и (или) отношения к религии. Подобные действия расцениваются в качестве публичных актов оскорбления, проявляющихся в открытом пренебрежении и неуважении к обществу посредством высмеивания существующих религиозных норм и канонов, бестактного поведения индивида по отношению к другому лицу, выраженного в неуважении к его религиозным убеждениям, либо организации по формированию взглядов и

чувств, культивирующих радикальное религиозное отношение в адрес лица или группы лиц.

Субъектом насильственных преступлений, совершенных по мотиву религиозного характера, является физическое вменяемое лицо, достигшее на момент совершения преступления 16 лет (при совершении преступления по ст. 205 УК РФ – с 14 лет). Совершение преступных деяний по мотиву религиозной ненависти и (или) вражды можно охарактеризовать по наличию специального субъекта: верующий либо неверующий; должностное лицо или лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации либо иным служащим (ст. 136 УК РФ); гражданин Российской Федерации, иностранный гражданин, апатрид (ст. 205, 205¹, 239, 282, 282¹, 282² УК РФ).

Субъективная сторона преступления характеризуется виной в виде прямого умысла. Виновное лицо при осознании опасности последствий собственных действий для общества стремится к их совершению.

При расследовании представленных преступлений особую сложность вызывает, как правило, доказательство наличия мотива религиозного характера. Следует отметить, что, согласно п. «е» ст. 63 УК РФ, совершение преступления по мотиву религиозной ненависти или вражды является обстоятельством, отягчающим наказание. Ввиду специфики религиозного контента (вероучения, религиозная литература, формы деятельности религиозных организаций (объединений) и т.п.) в ходе производства предварительного следствия либо в ходе судебного разбирательства может возникнуть необходимость в привлечении специальных знаний из области религиоведения в форме назначения судебной религиоведческой экспертизы. Следует отметить, что оперирование дефинициями «свобода совести», «свобода вероисповедания» в ходе проведения следственных мероприятий (судебного следствия) является юридической квалификацией совершенного деяния и, соответственно, не входит в компетенцию эксперта-религиоведа. Тем не менее назначение судебной религиоведческой экспертизой в рамках расследования преступлений, совершенных по мотиву религиозного характера, непосредственно связано с реализацией рассматриваемых конституционных гарантий. Именно проведение религи-

оведческого исследования материалов дела позволит наиболее полно, объективно и всесторонне определить признаки, по которым следствие (дознание), суд сможет, во-первых, квалифицировать деяние в качестве нарушающего право на свободу совести и вероисповедания, и, во-вторых, избежать нарушения этих же прав другого гражданина (в случаях, при которых мотив религиозной ненависти или вражды отсутствует).

Судебная религиоведческая экспертиза способствует решению следующих следственных типовых задач: определение религиозной организации (религиозного объединения), для которого характерен имеющийся в представленных на исследование материалах религиозный контент; определение наличия в представленных на исследование материалах информации о формах деятельности функционеров какой-либо религиозной организации (какого-либо религиозного объединения).

В качестве примера можно привести фрагмент приговора Фурмановского городского суда по Ивановской области по уголовному делу от 28 июля 2020 года № 1-13/2020¹. Фабула состоит из обстоятельств уголовного дела, возбужденного в отношении гражданина С., который обвиняется в соответствии с ч. 1 ст. 282² УК РФ. Отмечается, что обвиняемый являлся организатором запрещенной на территории Российской Федерации религиозной организации «Управленческий центр Свидетелей Иеговы в России»². Среди материалов дела были представлены идеологическая литература и стенограммы разговоров сторонников объединения. В целях исследования последних возникла необходимость в назначении судебной религиоведческой экспертизы. Заключение эксперта-религиоведа позволило определить идеологическую литературу, относящуюся к вышеобозначенной религиозной организации и выявить специфические термины, используемые ее сторонниками, что подтвердило отношение представителей организации к религиозной организации «Управленческий центр Свидетелей Иеговы в России», запрещенной на территории Российской Федерации. Исследование эксперта-религиоведа стало одним из видов доказательств на суде и позволило установить нарушение свободы вероисповедания. Выявленные признаки позволили доказать осуществления экстремистской деятельности. По результатам судебного заседания при

¹ Приговор Фурмановского городского суда по Ивановской области по уголовному делу № 1-13/2020 от 28.07.2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: https://sudact.ru/regular/doc/IyPmpEwLnUdr/?regular-txt=религиовед®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_id=1697662944503&snippet_pos=29592#snippet (дата обращения: 21.12.2023).

² Приговор Хасавюртовского городского суда Республики Дагестан по уголовному делу № 1-551/2022 от 20.12.2022 // Хасавюртовский городской суд Республики Дагестан. URL: https://hasavjurt-gs--dag.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srnum=1&name_op=case&case_id=119038053&case_uid=0aaf4d35-2d74-4bd0-99bf-3a2c15d84401&delo_id=1540006 (дата обращения: 21.12.2023).

изучении всех доказательств дела был вынесен обвинительный приговор.

Иным примером может послужить фрагмент приговора Хасавюртовского городского суда Республики Дагестан по уголовному делу № 1-551/2022 от 20 декабря 2022 года¹. В фабуле материалов дела изложены обстоятельства уголовного дела, возбужденного в отношении гражданина Г., который обвинялся в совершении преступления в соответствии с ч. 2 ст. 280 УК РФ. Посредством социальной сети «ВКонтакте» обвиняемый неоднократно размещал публикации с призывом к осуществлению насильственных действий в отношении группы лиц, объединенной по признаку отношения к религии. В связи с этим возникла необходимость в назначении судебной религиозно-экспертной экспертизы. Заключение эксперта-религиоведа позволило определить принадлежность Г. к запрещенному на территории Российской Федерации международному религиозному экстремистскому объединению «Ат-Такфир валь-Хиджра» [12]. На основании результатов исследования было установлено, что в объектах исследования имеются признаки пропаганды исключительности и превосходства религии ислама (идеология такфиризма) над другими. Религиоведческое исследование стало одним из видов доказательств в суде и позволило доказать наличие признаков осуществления экстремистской деятельности. По результатам судебного заседания при изучении всех доказательств дела в отношении гражданина Г. был вынесен обвинительный приговор.

Практика судебной религиозно-экспертной экспертизы позволяет оценивать объекты исследования на факт религиозно-экстремистских признаков, содержащихся в последних. Компетенция эксперта-религиоведа требует от него наличия специальных знаний, которыми не обладают иные лица уголовного процесса. Заключение эксперта в таком случае способствует расследованию преступлений, совершенных по мотиву религиозного характера, а также служит одной из форм реализации защиты прав и свобод совести и вероисповедания.

Обсуждение и заключение

Особое место в присущей для любого человека и гражданина широте выражения чувств, взглядов, убеждений в поликонфессиональном государстве занимает религия. В юридическом толковании такое выражение закрепляется в понятиях «свобода совести» и «свобода вероисповедания». Дифференцированность в трактовании

этих определений отражает различные подходы в трудах известных исследователей. В настоящее время в российском законодательстве определены конституционно закрепленные понятия «свобода совести» и «свобода вероисповедания». Свобода вероисповедания, выраженная в причастности человека и гражданина к вере либо в ее отсутствии, является настоящим элементом свободы совести. Сочетание правового и социально-философского взглядов расширяет содержание данной дефиниции, тем самым отражая межотраслевой характер права. Выработка единого механизма свободы вероисповедания, механизма правового регулирования защиты этих свобод приведет к дальнейшему развитию института свободы совести.

С точки зрения законности свобода совести и свобода вероисповедания имеют конкретные границы своего действия. Любая конфессиональная группа, которая придерживается определенных религиозных убеждений, не вправе насильственным образом навязывать свою религию в отношении иных представителей. В этом контексте необходимо разграничить понятия «навязывать религию» и «распространять религию». Распространение своей религии не сопровождается вовлечением в религиозную группу со специфической характеристикой принуждения к принадлежности к конкретной конфессиональной группе. Уголовно-правовая ответственность, выражающаяся в проявлении экстремистских идей, наступает в условиях пересечения морально-этических, нравственных принципов с нормативно-правовыми основами. Сложность привлечения к указанной юридической ответственности предопределена необходимостью признания факта об искажении социально-философских установок одной конфессиональной группой в отношении другой.

В связи с этим большую значимость приобретает такой вид доказательств, как судебная религиозно-экспертная экспертиза. При расследовании преступлений, совершенных по ст. 136, 148, 205, 205¹, 239, 282, 282¹, 282² УК РФ, данный род исследований позволяет определить наличие мотива религиозного характера, что может являться как отягчающим обстоятельством (ст. 205, 205¹ УК РФ), так и элементом состава преступления (ст. 136, 148, 239, 282, 282¹, 282² УК РФ). Несмотря на то, что юридическая квалификация совершенного деяния в форме выявления нарушения прав на свободу совести и свободу вероисповедания не входит в спектр задач судебной религиозно-экспертной экспертизы, выводы, полученные

¹ Решение Верховного Суда Российской Федерации от 15.09.2010 № ГКПИ10-848. СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1697193/> (дата обращения: 21.12.2023).

экспертом-религиоведом, позволяют следствию (дознанию), суду в полной мере оперировать данными дефинициями в целях доказательства совершения уголовно наказуемого деяния.

Следует отметить, что при назначении и производстве судебной религиоведческой экспертизы существует ряд проблем: невозможность произ-

водства подобных экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях, отсутствие единых методического обеспечения и требований к экспертам-религиоведам, что требует дальнейшего совершенствования теоретико-методологической базы судебной религиоведческой экспертизы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Булавина М.А. Свобода совести и свобода вероисповедания: конституционно-правовой аспект // Вестник Университета мировых цивилизаций. 2019. № 3 (24). С. 104 – 108.
2. Пчелинцев А.В. Религиозная диффамация. Защита верующих от ксенофобии и языковой агрессии. Москва: Юриспруденция, 2013. 192 с.
3. Соколовский К.Г. Свобода совести и свобода вероисповедания: подходы к пониманию // Философия права. 2022. № 1 (100). С. 57 – 61.
4. Старостина Ю.В. Генезис соотношения свободы совести и свободы вероисповедания // Вестник Академии права и управления. 2018. № 4 (53). С. 96 – 99.
5. Религиоведческая экспертиза / И.В. Загребина и др. Москва: Юрайт, 2017. 449 с.
6. Бурьянов С.А. Реализация конституционной свободы совести и свободы вероисповедания в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 – Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право. Москва, 2009. 212 с.

REFERENCES

1. Bulavina M.A. Svoboda sovesti i svoboda veroispovedaniya: konstitucionno-pravovoj aspekt // Vestnik Universiteta mirovyh civilizacij. 2019. № 3 (24). S. 104 – 108.
2. Pchelincev A.V. Religioznaya diffamaciya. Zashchita veruyushchih ot ksenofobii i yazykovoj agressii. Moskva: YUrisprudenciya, 2013. 192 s.
3. Sokolovskij K.G. Svoboda sovesti i svoboda veroispovedaniya: podhody k ponimaniyu // Filosofiya prava. 2022. № 1 (100). S. 57 – 61.
4. Starostina YU.V. Genezis sootnosheniya svobody sovesti i svobody veroispovedaniya // Vestnik Akademii prava i upravleniya. 2018. № 4 (53). S. 96 – 99.
5. Religiovedcheskaya ekspertiza / I.V. Zagrebina i dr. Moskva: YUrajt, 2017. 449 s.
6. Bur'yanov S.A. Realizaciya konstitucionnoj svobody sovesti i svobody veroispovedaniya v Rossijskoj Federacii: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.02 – Konstitucionnoe pravo; konstitucionnyj sudebnyj process; municipal'noe pravo. Moskva, 2009. 212 s.

Информация об авторе:

Кирушин Кирилл Радикович, преподаватель кафедры истории, географии и методик их преподавания Набережночелнинского государственного педагогического университета, kirya.kirushin@mail.ru
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Kirushin Kirill R., Lecturer of the Department of History, Geography and their Teaching Methods, Naberezhnye Chelny State Pedagogical University, kirya.kirushin@mail.ru
The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 18.09.2023.

Статья принята к публикации: 20.03.2024.

Статья опубликована онлайн: 22.03.2024.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Научная статья
УДК 343.97
DOI: 10.37973/KUI.2024.17.77.010

**ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШАЕМЫЕ
В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ВОСПИТАННИКОВ
УЧРЕЖДЕНИЙ ДЛЯ ДЕТЕЙ-СИРОТ И ДЕТЕЙ,
ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ:
АНАЛИЗ, ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ**

Виталий Александрович Крымов,
научно-исследовательский центр Академии управления МВД России,
Москва, Россия, krymov-19@mail.ru

Аннотация

Введение: в статье на основе проведенного исследования профилактики противоправного поведения несовершеннолетних, находящихся в учреждениях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, представлен анализ преступных деяний, совершаемых в отношении таких детей, а также причины и условия, им способствующие. Особое внимание обращено на проблемы предупреждения совершения преступлений в отношении воспитанников указанных учреждений.

Материалы и методы: в качестве материалов в статье использованы результаты исследований других авторов, официальные данные ГИАЦ МВД России за 2021 – 2022 гг. о преступлениях, совершенных в отношении несовершеннолетних, и о потерпевших несовершеннолетних, а также информационные материалы, представленные региональными комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав (31 субъект) и территориальными органами внутренних дел Российской Федерации (56 субъектов) в части совершения преступлений в отношении исследуемой категории лиц. В качестве методологической основы исследования использованы диалектический метод познания, анализ, формально-логический и статистический методы.

Результаты исследования: установлены сходства (по характеру преступных деяний) с результатами исследований других авторов и отличия (по преобладающим видам преступлений).

Обсуждение и заключение: на основании полученных результатов сделаны выводы о необходимости профилактики причин и условий, способствующих совершению преступлений в отношении воспитанников учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Ключевые слова: преступные деяния; несовершеннолетние; учреждения для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей; причины и условия совершения преступлений; личность преступника

© Крымов В.А., 2024

Для цитирования: Крымов В.А. Преступления, совершаемые в отношении несовершеннолетних воспитанников учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: анализ, причины и условия // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 1 (55). С. 94 – 100. DOI: 10.37973/KUI.2024.17.77.010

Scientific article
UDC 343.97
DOI: 10.37973/KUI.2024.17.77.010

CRIMES AGAINST MINORS IN INSTITUTIONS FOR ORPHANS AND CHILDREN
LEFT WITHOUT PARENTAL CARE: ANALYSIS, CAUSES AND CONDITIONS

Vitaliy Aleksandrovich Krymov,
the Research Center of the Academy of Management of MIA of Russia, Moscow, Russia,
krymov-19@mail.ru

Abstract

Introduction: based on a study of preventive maintenance of unlawful conduct in minors in educational establishments for orphans and children deprived of parental care, this text presents an analysis of the offences committed against these children, as well as the reasons and conditions that lead to their commission. The author attempts to draw attention to the issue of preventing offences against minors in these institutions.

Materials and Methods section utilised data from external evaluations, including the official figures from the Main Information and Analytics Centre of MIA of Russia for 2021-2022 on crimes committed against minors and juvenile victims. Additionally, information was obtained from regional commissions on minors' affairs and protection of their rights (31 constituent entities) and territorial bodies of internal affairs of the Russian Federation (56 constituent entities). The author employed the dialectical method of cognition, analysis, logic, and statistics as the methodology.

Results: the author established similarities (in the nature of crimes) linked to other study results and differences (in prevailing types of crimes).

Discussion and Conclusions: based on the results obtained, it is concluded that there is a need to prevent the causes and conditions that contribute to the commission of crimes against pupils of institutions for orphans and children left without parental care.

Keywords: criminal acts; minors; institutions for orphans and children left without parental care; causes and conditions of crimes; the identity of the offender

© Krymov V.A., 2024

For citation: Krymov V.A. Crimes Against Minors in Institutions for Orphans and Children Left without Parental Care: Analysis, Causes and Conditions. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2024;15(1):94-100. (In Russ.). DOI: 10.37973/KUI.2024.17.77.010

Введение

В продолжение научной дискуссии об анализе преступных деяний, совершаемых несовершеннолетними, находящимися в учреждениях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, где речь велась не только о преступлениях, которые имели место на территории этих учреждений, но и за ее пределами [1], необходимо обратить внимание и на уголовно наказуемые деяния в отношении исследуемой категории лиц. Это обусловлено следующими обстоятельствами.

Во-первых, федеральным и региональным органам исполнительной власти по Плану, утвержденному распоряжением Правительства Российской Федерации от 23.01.2021 № 122-р¹ в связи с объявлением Президентом Российской Федера-

ции В.В. Путиным Десятилетия детства², поставлены задачи, связанные с противодействием криминализации подростковой среды (в том числе воспитанников учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей), включая совершенствование механизмов межведомственного взаимодействия, статистических форм сбора информации в области профилактики социального сиротства, профилактики безнадзорности и правонарушений, обеспечение информационной безопасности и цифровой грамотности детей и их представителей, повышение квалификации специалистов, работающих с такими детьми, реформирование организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также расширение участия общества в защите их прав и законных интересов.

¹ Об утверждении плана основных мероприятий, проводимых в рамках Десятилетия детства, на период до 2027 года: распоряжение Правительства Российской Федерации от 23.01.2021 № 122-р // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 12.09.2023).

² Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства: указ Президента Российской Федерации от 29.05.2017 № 240 // Рос. газета. 2017. 30 мая.

При этом полагаем возможным провести историческую параллель с содержанием принятого 27 января 1921 года документа, согласно содержанию которого чрезвычайным комиссиям *в ближайшем контакте и согласии* с органами, ведающими обеспечением и снабжением детей, предписывалось среди прочего: тщательное и объективное обследование фактического положения детей на местах, о состоянии детских домов, приютов, о положении и количестве беспризорных; чтобы здания под детские дома никем незаконно не отбирались, содействие в подыскании новых зданий, помощь в проведении их ремонта и снабжения. Отдельно необходимо отметить п. 7, который гласил «О всех случаях хищений, злоупотреблений или преступного отношения к детям и разгильдяйства – Чрезвычайные комиссии должны доводить до сведения своего исполкома и соответствующего отдела его, и все дела, требующие наказания, передавать в Ревтрибунал или в народный суд, по важности дела – для гласного разбирательства»¹.

Второе обстоятельство связано с отсутствием в формах федерального статистического наблюдения сведений о количестве и характере преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних, проживающих в учреждениях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, что требует проведения отдельных исследований относительно указанной категории лиц.

Изложенное свидетельствует о необходимости решения задач, актуальность которых со временем не только сохраняется, но и приобретает совершенно новые грани в условиях информатизации и цифровизации многих сфер жизнедеятельности общества.

Обзор литературы

Анализ научной литературы по исследуемому вопросу свидетельствует о незначительном количестве работ, причиной чего являются как специфика учреждений, в которых пребывают такие подростки, так и статус потерпевшего в результате совершенного в отношении него преступления. Преимущественно труды посвящены несовершеннолетним преступникам [2, 3]. В меньшей степени они касаются исследования

преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, в которых рассматриваются вопросы предупреждения, характеристики уголовно наказуемых деяний сексуального характера, насильственной преступности [4, 5, 6]. При этом научные исследования преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних воспитанников учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, имеют место [7], однако представляется, что с учетом указанных выше обстоятельств, вопросы изучения и предупреждения таких противоправных деяний требуют большего внимания со стороны и научного сообщества, и органов исполнительной власти как на федеральном, так и на региональном уровнях, и общественности. Также в ходе исследования проанализированы работы, в которых исследованы причины и условия совершения преступлений в отношении несовершеннолетних [8, 9, 10].

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составил диалектический метод познания. В качестве материалов использованы результаты исследований других авторов, а также официальные данные ГИАЦ МВД России. Кроме того, в связи с отсутствием в формах федерального статистического наблюдения сведений о количестве и характере преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних, проживающих в учреждениях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в 2023 году было проведено исследование, в рамках которого анализу подверглись информационные материалы (за 2021 – 2022 гг.) 63 субъектов Российской Федерации², представленные региональными комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав, а также территориальными органами внутренних дел Российской Федерации в части совершения преступлений в отношении исследуемой категории лиц (приведены реальные примеры с условными обозначениями, без указания конкретных регионов). При помощи статистического метода, а также анализа были проанализированы указанные выше материалы, а формально-логический метод позволил сформулировать основные выводы по исследуемым вопросам.

¹ О работе органов ВЧК по улучшению жизни беспризорных детей: приказ ВЧК от 27.01.1921 № 23 // Федеральная служба безопасности Российской Федерации. Официальный сайт. URL: http://www.fsb.ru/fsb/history/archival_material/Deti_2.htm (дата обращения: 25.10.2023).

² Автономные области: Еврейская. Автономные округа: Ханты-Мансийский – Югра; Чукотский; Ямало-Ненецкий. Города федерального значения: Москва; Санкт-Петербург; Севастополь. Края: Алтайский; Краснодарский; Красноярский; Приморский; Ставропольский; Хабаровский. Области: Амурская; Архангельская; Астраханская; Воронежская; Ивановская; Иркутская; Калининградская; Кемеровская; Кировская; Курганская; Курская; Ленинградская; Липецкая; Магаданская; Мурманская; Новосибирская; Омская; Оренбургская; Орловская; Пензенская; Псковская; Ростовская; Самарская; Саратовская; Сахалинская; Свердловская; Смоленская; Тамбовская; Тверская; Томская; Тюменская; Ульяновская; Челябинская; Ярославская. Республики: Адыгея, Алтай; Бурятия; Дагестан; Калмыкия; Карачаево-Черкесская; Карелия; Крым; Марий Эл; Мордовия; Саха (Якутия); Северная Осетия-Алания; Татарстан; Удмуртская; Хакасия; Чувашская.

Результаты исследования

Согласно сведениям о потерпевших несовершеннолетних, в 2022 году в качестве таковых были признаны 248 детей-сирот и 9 839 детей, оставшихся без попечения родителей¹.

При этом динамика роста (+1653% и +1628%, соответственно) по сравнению с 2021 годом, обусловлена внесением изменений² в статью 157 УК РФ (диаграмма 1).

Диаграмма 1

Количество детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, признанных потерпевшими в 2021-2022 гг.

С учетом представленных данных при характеристике преступлений, совершаемых в отношении исследуемой категории несовершеннолетних, указанный состав преступления нами приниматься во внимание не будет для получения более наглядного представления относительно рассматриваемого вопроса. Вместе с тем считаем, что в дальнейшем уклонение от уплаты алиментов необходимо будет также рассматривать наряду с иными преступлениями.

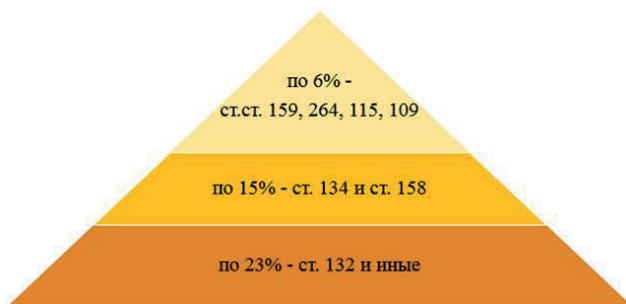

Рисунок 1. Сведения о соотношении преступлений (в %) (статьи УК РФ), совершаемых в отношении несовершеннолетних, находящихся в учреждениях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей за 2022 год

При анализе полученных в результате исследования данных (рисунок 1) необходимо отметить, что основная часть преступлений не сопряжена с социальным статусом воспитанников учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и совершается за их пределами как во время самовольных уходов, так и при оставлении учреждения в установленном порядке с разрешения администрации.

В связи с этим определенным интерес представляет классификация преступлений, совершаемых в отношении детей, оставшихся без попечения родителей, предложенная С.А. Алтуховым и Ю.А. Сафаралиевой, в которую вошли семь групп преступных деяний: против жизни и здоровья; сексуального характера; связанные с вовлечением детей в преступную деятельность; против свободы и эксплуатации детей; против собственности; связанные с неисполнением обязанностей по воспитанию; иные (дорожно-транспортные и другие) [7, с. 85 – 88].

Сравнивая результаты исследования указанных авторов с полученными нами данными, полагаем, что по характеру преступных деяний они в целом схожи, несмотря на семилетнюю разницу между ними. Вместе с тем специфика учреждений, в которых пребывают несовершеннолетние, не может не оказывать влияния на характер противоправных деяний. При этом считаем возможным отметить, что первые две группы преступлений (против жизни, здоровья и половой неприкосновенности), предложенные С.А. Алтуховым и Ю.А. Сафаралиевой, представляют наибольшую опасность для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Как уже было отмечено, основная часть преступлений совершается за пределами учреждений. Вместе с тем преступления, связанные с половой неприкосновенностью, как показали результаты исследования, совершаются и на территории специализированных учреждений. Так, в Энской области воспитанником одного из социально-реабилитационных центров для несовершеннолетних, рассчитанном на 80 мест (по состоянию на 31.12.2022 воспитывались 58 детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей), систематически совершались преступления, связанные с насильственными действиями сексуального характера, три из которых были совершены в самом учреждении в отсутствие персонала учреждения. Уголовные дела в отношении данного подростка рассмотрены в

¹ Форма № 5-ЕГС (445), книга 3 «Раздел 3. Сведения о потерпевших несовершеннолетних». Сборник по России (сформирован в соответствии с приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 03.07.2023 № 429) // ГИАЦ МВД России.

² О внесении изменений в статью 157 Уголовного кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2021 № 499-ФЗ // Российская газета. 2022. 11 января.

суде, назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 5 лет с отбыванием наказания в воспитательной колонии.

Анализ причин и условий, способствующих совершению указанных противоправных деяний в отношении несовершеннолетних, находящихся в учреждениях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, показал, что связаны они, как правило, и с поведением самого несовершеннолетнего, и с отсутствием должного внимания к его безопасности, воспитанию и интересам, в том числе в информационной среде. Вместе с тем наиболее часто встречаются следующие причины и условия:

- устойчивое противоправное поведение воспитанников, проявляющееся в нарушении правил режима, установленного в учреждении, и вредные привычки, выражающиеся в употреблении алкогольной, табачной продукции, наркотических средств, психотропных и сильнодействующих веществ. Следует отметить, что данные причины присущи также преступности и самим подросткам. Указанное поведение, нарушения, привычки нередко выступают раздражителем для взрослых или вызывают зависть у сверстников, что приводит к совершению противоправных деяний в отношении самого «нарушителя спокойствия»;

- отсутствие у воспитанников жизненного опыта (доверчивость) [2, с. 21; 8], а также должного полового воспитания (относительно преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних) [10], что отмечалось многими учеными и не вызывает сомнений;

- личные неприязненные отношения (в большей степени касается побоев и причинения вреда здоровью);

- бесконтрольное пребывание в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и ее влияние [3, с. 125; 9, с. 22] (при этом речь может идти о влиянии не только на жертву преступления, но и на самого преступника).

Вместе с тем существуют и другие виды преступлений, совершаемых в отношении исследуемой категории несовершеннолетних, причинами и условиями которых являются статус детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и та поддержка, которую государство им оказывает. В частности, речь идет об обеспечении жильем таких детей при достижении ими своего совершеннолетия. Так, сотрудниками УМВД России по Энской области получена информация

о фактах превышения должностных полномочий сотрудниками Комитета по управлению муниципальным имуществом администрации Энского муниципального района, выразившихся в заключении и оплате муниципальных контрактов при приобретении квартир для обеспечения жильем детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, по заведомо завышенной начальной максимальной цене контракта. Собранные материалы направлены в СУ СК России по Энской области для принятия процессуального решения в соответствии со ст. 144 – 145 УПК РФ. В декабре 2022 года возбуждено шесть уголовных дел по ч. 1 ст. 286 УК РФ.

Относительно личности преступника, совершающего преступления в отношении несовершеннолетних, находящихся в учреждениях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, следует отметить, что это зачастую как сами воспитанники таких учреждений, сотрудники, работающие в них, так и родители, друзья, знакомые несовершеннолетних.

Особую обеспокоенность вызывают две первые категории. Несмотря на тенденцию снижения количества сотрудников учреждений, совершивших преступления в отношении их воспитанников, данные факты по-прежнему случаются, что требует отдельного внимания. При этом *только в Курганской области (Уральский федеральный округ)* было выявлено по одному такому сотруднику в 2021 и в 2022 гг. В остальных регионах повторяющихся фактов выявлено не было (диаграмма 2).

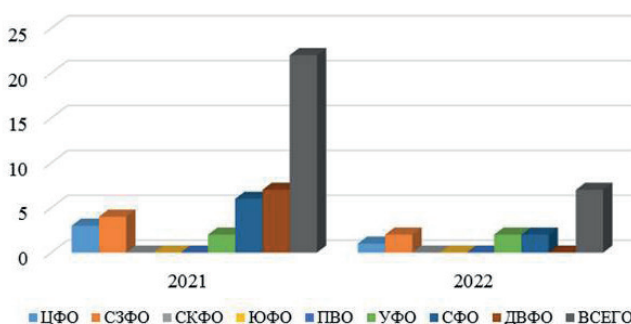

Диаграмма 2. Сведения о количестве сотрудников, работающих в организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, совершивших преступления в отношении их воспитанников по федеральным округам и России в целом за 2021-2022 гг.¹

¹ Форма № 5-ЕГС (445), книга 7 «Раздел 4. Сведения о преступлениях, совершенных в отношении несовершеннолетних». Сборник по России (сформирован в соответствии с приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 03.07.2023 № 429) // ГИАЦ МВД России.

Обсуждение и заключение

На основании изложенного мы пришли к следующим выводам.

Во-первых, основная часть преступлений, совершаемых в отношении воспитанников учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, не сопряжена с их социальным статусом. Исключения составляют преступления, связанные с хищением бюджетных средств, выделенных для приобретения жилья для исследуемой категории несовершеннолетних по достижению ими совершеннолетия.

Во-вторых, особое внимание, наряду с профилактикой преступлений, связанных с причинением вреда здоровью, которые, как правило, трудно скрыть, следует уделить преступлениям, связанным с половой неприкосновенностью и свободой несовершеннолетних. Имеют место случаи неоднократного совершения таких преступлений в специализированных учреждениях одним и тем же лицом. Представляется, что они имеют высокую степень латентности. В связи с этим полагаем целесообразным использование соответствующими специалистами и психологами существующих методик выявления насилия с учетом специфики учреждения, а также условий, в которых проживают несовершеннолетние.

В-третьих, учреждения, в которых проживают несовершеннолетние дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, не могут в полном объеме заменить и восполнить традиционную семью, привить детям определенную систему ценностей, однако, как представляется, призвание данных учреждений состоит именно в этом.

Предупреждение преступности исследуемой категории несовершеннолетних не может достигаться исключительно уголовно-правовыми, уголовно-процессуальными или иными средствами. Оно требует комплексного подхода, поиска инновационных технологий работы с такими подростками, привлечения педагогических работников, психологов, специалистов социально-реабилитационных, общественных организаций и деятелей в сфере науки, культуры, спорта, которые могли бы заинтересовать современную молодежь, показать положительный пример, которого им зачастую не хватает.

В заключение полагаем возможным привести следующие слова Ф.Э. Дзержинского: «ВЧК надеется, что товарищи, работающие в ЧК, поймут важность и срочность заботы о детях... Забота о детях есть лучшее средство истребления контр-революции»¹.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Крымов В.А., Усачева Я.А. Преступления, совершаемые несовершеннолетними, находящимися в учреждениях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: анализ, причины и условия // Закон и право. 2023. № 12. С. 216 – 220.
2. Демидова Е.В. Преступность беспризорных детей и социальных сирот и ее предупреждение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Казань, 2008. 25 с.
3. Купирова Ч.Ш. Вовлеченность несовершеннолетних в преступные деяния: уголовно-правовой и криминологический аспекты проблемы // Вестник Российского университета кооперации. 2020. № 4 (42). С. 123 – 127.
4. Набойщиков Н.П. Действия сексуального характера, совершаемые в отношении лиц, не достигших совершеннолетия, и проблемы их предупреждения: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право. Санкт-Петербург, 2007. 194 с.
5. Мартиросьян А.М. Насильственные половые преступления в отношении несовершеннолетних: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право. Ростов-на-Дону, 2009. 27 с.
6. Иванова Л.М. Криминологическая характеристика корыстно-насильственных преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних, и их предупреждение: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право. Иркутск, 2007. 223 с.
7. Алтухов С.А., Сафаралиева Ю.А. Виды преступлений, совершаемых в отношении детей, оставшихся без попечения родителей // Философия права. 2016. № 2 (75). С. 84 – 89.
8. Зарипова Ю.Р. Нарушение доверительных отношений как проявление травматического опыта подростков – воспитанников детского дома // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12. 2008. Вып. 1. С. 252 – 258.

¹ Ф.Э. Дзержинский и органы Всероссийской чрезвычайной комиссии в борьбе с беспризорностью в Советской России // Официальный сайт Федеральной службы безопасности Российской Федерации. URL: http://www.fsb.ru/fsb/history/archival_material/Deti_2.htm (дата обращения: 25.10.2023).

9. Паршин Н.М. Предупреждение сексуальных преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право. Саратов, 2018. 31 с.
10. Смирнов А.М. Криминологические проблемы отсутствия полового образования и воспитания в российских школах // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 4. С. 211 – 215.

REFERENCES

1. Krymov V.A., Usacheva YA.A. Prestupleniya, sovershaemye nesovershennoletnimi, nahodyashchimisya v uchrezhdeniyah dlya detej-sirot i detej, ostavshihsy bez popечeniya roditel'ej: analiz, prichiny i usloviya // Zakon i pravo. 2023. № 12. S. 216 – 220.
2. Demidova E.V. Prestupnost' besprizornyh detej i social'nyh sirot i ee preduprezhdenie: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.08. Kazan', 2008. 25 s.
3. Kupirova CH.SH. Vovleченность несовершеннолетних в преступные деяния: уголовно-правовой и криминологический аспекты проблемы // Vestnik Rossijskogo universiteta kooperacii. 2020. № 4 (42). S. 123 – 127.
4. Nabojschikov N.P. Dejstviya seksual'nogo haraktera, sovershaemye v otnoshenii lic, ne dostigshih sovershennoletniya, i problemy ih preduprezhdeniya: dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право. Sankt-Peterburg, 2007. 194 s.
5. Martiros'yan A.M. Nasil'stvennye polovye prestupleniya v otnoshenii nesovershennoletnih: уголовно-правовой и криминологический аспекты: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право. Rostov-na-Donu, 2009. 27 s.
6. Ivanova L.M. Kriminologicheskaya harakteristika korystno-nasil'stvennyh prestuplenij, sovershaemyh v otnoshenii nesovershennoletnih, i ih preduprezhdenie: dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право. Irkutsk, 2007. 223 s.
7. Altuhov S.A., Safaralievа YU.A. Vidy prestuplenij, sovershaemyh v otnoshenii detej, ostavshihsy bez popечeniya roditel'ej // Filosofiya prava. 2016. № 2 (75). S. 84 – 89.
8. Zaripova YU.R. Narushenie doveritel'nyh otnoshenij kak proyavlenie travmaticheskogo opyta podrostkov – vospitannikov detskogo doma // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 12. 2008. Vyp. 1. S. 252 – 258.
9. Parshin N.M. Preduprezhdenie seksual'nyh prestuplenij, sovershaemyh v otnoshenii nesovershennoletnih: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.08 – уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право. Saratov, 2018. 31 s.
10. Smirnov A.M. Kriminologicheskie problemy otsutstviya polovogo obrazovaniya i vospitaniya v rossijskih shkolah // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2018. № 4. S. 211 – 215.

Информация об авторе:

Крымов Виталий Александрович, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского центра Академии управления МВД России, krymov-19@mail.ru
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Krymov Vitaliy A., Candidate in Law (Research doctorate), Leading Researcher at the Research Center of the Academy of Management of MIA of Russia, krymov-19@mail.ru
The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 25.10.2023.

Статья принята к публикации: 20.03.2024.

Статья опубликована онлайн: 22.03.2024.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Научная статья
УДК 343.3/.7
DOI: 10.37973/KUI.2024.43.10.011

**ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПРОТОКОЛЫ
К ЖЕНЕВСКИМ КОНВЕНЦИЯМ 1949 ГОДА
КАК ИСТОЧНИК ТОЛКОВАНИЯ ВОЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЕЙ 356
УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Валентина Влаго Лисаускайте,
Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия,
vlado@mail.ru

Аннотация

Введение: статья посвящена особенностям детальной юридической характеристики отдельных норм Дополнительных протоколов 1977 г. и 2005 г. к Женевским конвенциям 1949 г. о защите жертв войны в контексте понимания военных преступлений, закрепленных в диспозиции статьи 356 УК РФ.

Материалы и методы: материалами послужили Дополнительные протоколы I и II 1977 г. и Дополнительный протокол III 2005 г. к Женевским конвенциям 1949 г. в преломлении к положениям ст. 356 УК РФ. В исследовании применялись методы анализа, сравнения и синтеза для выявления наиболее значимых положений международных норм и их преломления к содержанию диспозиции указанного состава преступления.

Обзор литературы: при написании научной статьи использовались работы О.Ф. Эфендиева, П.П. Степанова, Р. Козирника и других исследователей в сфере роли норм международного гуманитарного права в вопросе установления ответственности за военные преступления.

Результаты исследования: результатом работы стала итоговая оценка проанализированных Дополнительных протоколов как международных договоров РФ относительно закрепления военных преступлений и их видов в контексте их отражения в диспозиции состава преступления, предусмотренного ст. 356 УК РФ.

Обсуждение и заключение: автор приходит к выводу о необходимости детализации преступных деяний в рамках диспозиции ст. 356 УК РФ. Проведенное исследование позволило сформулировать рекомендации по совершенствованию норм уголовного закона, что призвано способствовать более качественному применению положений ст. 356 УК РФ при квалификации преступлений. Автор представил подробную юридическую характеристику указанных договоров в целях дальнейшего совершенствования норм российского законодательства о преступлениях против мира и безопасности человечества.

Ключевые слова: военные преступления; преступления против мира и безопасности человечества; дополнительные протоколы; методы ведения войны; средства ведения войны; женевские конвенции; комбатанты; некомбатанты; вооруженный конфликт; международный договор РФ

© Лисаускайте В.В., 2024

Для цитирования: Лисаускайте В.В. Дополнительные протоколы к Женевским конвенциям 1949 года как источник толкования военных преступлений, предусмотренных статьей 356 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 1 (55). С. 101 – 110. DOI: 10.37973/KUI.2024.43.10.011

Scientific article
UDC 343.3/.7
DOI: 10.37973/KUI.2024.43.10.011

**ADDITIONAL PROTOCOLS TO THE GENEVA CONVENTIONS OF 1949
AS A SOURCE OF INTERPRETATION OF WAR CRIMES UNDER ARTICLE 356
OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION**

Valentina Vlado Lisauskaite,
East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Irkutsk, Russia,
vlado@mail.ru

Abstract

Introduction: the article covers features of detailed juridical characteristics of certain provisions of the Additional Protocols for 1977 and 2005 years to Geneva Conventions 1949 on the Protection of War Victims in the context of war crimes laid down in the wording of Article 356 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Materials and Methods: during the study, the author used 1977 Additional Protocol I and II, and 2005 Additional Protocol III to the Geneva Conventions in 1949 with regard to Article 356 of the Criminal Code of the Russian Federation. The author also used analysis, comparison and synthesis methods to reveal the most critical points of international norms with regard to the wording of the wording to the abovementioned corpus delicti.

Literature Review: the author used works of O.F. Efendiev, P.P. Stepanov, R. Kozirnika and other researchers in international humanitarian law on the issue of establishing responsibility for war crimes.

Results: the final evaluation for the studied Additional Protocols as international treaties of the Russian Federation on codifying corpus delicti of war crimes and their types in the light of their reflection in the wording of corpus delicti of the crime under Article 356 of the Russian Federation.

Discussion and Conclusions: the author concludes that it is necessary to detail criminal acts under Article 356 of the Criminal Code of the Russian Federation. The study conducted allowed suggest improvements in criminal law to a better use of positions of Article 356 to qualify the crimes. The author presents detailed juridical characteristics of the abovementioned treaties to improve Russian legislation on the crimes against the Peace and Security of Mankind.

Keywords: war crimes; crimes against peace and security of mankind; Additional Protocols; methods of warfare; means of warfare; victims of war; Geneva conventions; combatants; non-combatants; armed conflict; international treaty of the Russian Federation

© Lisauskaite V.V., 2024

For citation: Lisauskaite V.V. Additional Protocols to the Geneva Conventions of 1949 as a Source of Interpretation of War Crimes Under Article 356 of the Criminal Code of the Russian Federation. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2024;15(1):101-110. (In Russ.). DOI: 10.37973/KUI.2024.43.10.011

Введение

Со времени принятия Женевских конвенций о защите жертв вооруженных конфликтов прошло достаточное время, в течение которого в мире происходили различные события, потребовавшие корректировки положений данных соглашений. Как отмечает О.Ф. Эфендиев, женевские нормы не всегда способны учитывать специфику вооруженных конфликтов в эпоху растущего научно-технического прогресса [1, с. 24].

Как характерно в целом для международного права, изменения и дополнения не вносятся в сам текст документа, а принимаются в формате отдельного международного договора, именуемого Протоколом (факультативным, дополни-

тельным, с номером или конкретным наименованием).

Материалы и методы

Юридическую основу исследования составили международные договоры Российской Федерации в области международного гуманитарного права, принятие которых привело к изменению и уточнению ранее действовавших Женевских конвенций, устанавливающих обязательства государств относительно их участия в вооруженном конфликте и соблюдения статуса конкретных категорий лиц. Исследование проведено посредством применения методов анализа правового материала и теоретических подходов, сравнения и синтеза норм международного гуманитарного права

и национального уголовного законодательства Российской Федерации для выявления наиболее значимых положений международных норм и их преломления к содержанию диспозиции ст. 356 УК РФ.

Обзор литературы

Исследованию правовой оценки указанных международных документов посвящено достаточное количество научных работ. В статье использованы позиции О.Ф. Эфендиева, П.П. Степанова, П.Н. Бугаевой и других, в чьих публикациях отражены международно-правовой и уголовно-правовой аспекты рассматриваемого вопроса.

Результаты исследования

В настоящее время действует три дополнительных протокола (далее – I ДП, II ДП, III ДП) к Женевским конвенциям (далее – I ЖК, II ЖК, III ЖК, IV ЖК), распространяющиеся на все четыре соглашения и имеющие свою юридическую специфику. Следует отметить, что, в отличие от Женевских конвенций, в Протоколах государства участвуют по-разному. И в случае нарушения положений именно Протоколов необходимо установить факт участия государства – нарушителя в конкретном документе. В настоящее время участниками Протоколов выступают около 150 государств (в зависимости от Протокола), и такое количество не рассматривается как все мировое сообщество. Соответственно, и признать их нормы общеобязательными нельзя. В тексте самих Протоколов, в отличие от Женевских конвенций, нет указания на общеобязательность их положений.

Рассмотрим их более подробно в преломлении к возможности применения в качестве источников толкования положений ст. 356 УК РФ.

I ДП распространяется на международные вооруженные конфликты совместно с положениями самих Женевских конвенций. Его положения применительно к анализируемому вопросу можно разделить на закрепление запрещенных методов ведения военных действий и детализацию правового статуса лиц, находящихся под защитой Женевских конвенций, а также ряд особенностей применения этих положений.

Следует отметить, что I ДП содержит более детальное и объемное закрепление запрещенных методов ведения войны. Особое значение имеет содержание Раздела I Части III I ДП – «Методы и средства ведения войны». Р. Козирник считает, что это настоящий прорыв, который заключается в значительном нормативном развитии в области ведения военных действий [2, с. 63]. Ст. 35,

36 фактически закрепляют специальные принципы, которые налагают изначально ограничения на стороны конфликта. С учетом их содержания государства должны разрабатывать и применять такие средства и методы ведения военных действий, которые учитывают установленные в данных нормах ограничения. В случае решения вопроса об ответственности за применение запрещенных средств и методов основу ее определения будут составлять именно эти принципы, их соблюдение или нарушение.

В то же время сами принципы содержат оценочные категории, которые каждое государство может рассматривать по-своему. Важное по установлению обязательства правило нуждается в конкретизации. Этот факт отмечает в своем исследовании Д.С. Прадун [3, с. 68].

Положения ст. 37 – 40 I ДП закрепляют запрещенные методы ведения войны и их условия¹:

- запрет вероломства – действий, направленных на то, чтобы вызвать доверие противника и заставить его поверить, что он обязан предоставить защиту согласно нормам международного права с целью обмана такого доверия;

- запрет использовать отличительные эмблемы МККК и других международных признанных эмблем, знаков и сигналов;

- запрет использовать национальные флаги, эмблемы нейтральных государств или государств – неучастников конфликта;

- запрет приказа не оставлять никого в живых.

Однако данные запрещенные методы не получили самостоятельного закрепления в содержании ч. 1 ст. 356 УК РФ, но мы можем их предполагать в формулировке «применение в вооруженном конфликте средств и методов, запрещенных международным договором Российской Федерации». Бланкетность такого подхода вызывает сложности квалификации преступных действий, поскольку требует специальных знаний норм международного гуманитарного права сотрудниками правоохранительных органов.

Рассматриваемые в рамках данной научной статьи международные обязательства, а также обязательства из других международных договоров РФ в области международного гуманитарного права гораздо шире по объему, чем закрепленные преступные деяния в рамках ч. 1 ст. 356 УК РФ. Анализ информационных материалов Следственного комитета Российской Федерации, представленных на сайтах информационных агентств, свидетельствует о возбуждении уголовных дел

¹ Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям от 12.08.1949, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов. URL: https://www.icrc.org/ru/doc/assets/files/2013/ap_i_rus.pdf (дата обращения: 10.10.2023).

только в пределах перечисленных в норме конкретных альтернативных действий (жестокое обращение с военнопленными или гражданским населением). Однако совершаются и иные преступления, подпадающие под международные договоры РФ в области установления запрещенных средств и методов ведения войны. Так, систематически страдают гражданские объекты (повреждения и разрушения жилых домов, учреждений, магазинов) в результате бомбардировок вооруженных сил противной стороны¹. Такие деяния должны рассматриваться как военные преступления, поскольку это применение запрещенного метода ведения военных действий.

Статья 12 I ДП расширяет правила I и II ЖК посредством закрепления запрета нападения на медицинские формирования, ранее такие действия были запрещены в отношении только военных госпиталей и соответствующих учреждений МККК. Таким образом, все медицинские структуры, расположенные на территории вооруженного конфликта, получают международную защиту и устанавливается единый запрет на применение такого метода ведения военных действий. Всемирная организация здравоохранения ведет статистику фактов такого нападения. Согласно ее данным, Сирия, Афганистан, Йемен и другие страны – территории, где медицинские учреждения систематически подвергаются бомбардировкам. В 2019 г. Коалиция охраны здоровья в условиях конфликта зафиксировала более 1 200 случаев применения насилия в отношении медицинских центров, транспорта, персонала и пациентов в 20 странах [4, с. 277].

Положения ст. 356 УК РФ не содержат выделенного альтернативного действия в виде нападения на медицинские учреждения в вооруженном конфликте. Такое военное преступление прячется за уже известной формулировкой «применение в вооруженном конфликте средств и методов, запрещенных международным договором Российской Федерации», однако нуждается в конкретизации, учитывая степень общественной опасности таких нападений, поскольку посягательство осуществляется на неучастников вооруженного конфликта, лиц и учреждений, находящихся под защитой международного права, в чьи задачи входит спасение раненых и больных вне

зависимости от принадлежности к сторонам конфликта.

Статья 51 I ДП устанавливает конкретные запреты на действия в отношении гражданских лиц. Они более детально регламентируют соответствующие положения IV ЖК. В данной статье фактически смешаны запрещенные методы ведения военных действий и запреты на действия в отношении гражданского населения. В качестве методов данной нормы следует отметить пп. 4, 5 ст. 51 I ДП, дающие характеристику запрета на нападение неизбирательного действия. На наш взгляд, эти положения следует закрепить в соответствующем составе военного преступления как способы применения запрещенных методов среди прочих составов в рамках УК РФ. Так, пп. а, б п.5 ст. 51 I ДП содержат перечисление условий, наличие или отсутствие которых позволяет квалифицировать действия как преступные².

Статья 54 I ДП в своем содержании подчеркивает закрепление именно запрещенного метода – голода среди гражданского населения³. То есть здесь документ переносит конкретные действия в отношении гражданского населения из механизма защиты его статуса (по положениям IV ЖК воюющие стороны обязаны, насколько возможно, обеспечивать гражданское население пропитанием⁴), в рассмотрение их в качестве уже запрещенного метода ведения войны. Однако, на наш взгляд, в данном случае при квалификации деяния необходимо будет доказать, что голод гражданского населения использовался умышленно именно как тактическое мероприятие в рамках военной стратегии боевых действий.

Статья 55 Протокола содержит ограничения относительно воздействия на окружающую среду во время боевых действий. Однако указанные в норме критерии не позволяют квалифицировать конкретные действия как нарушение, скорее, как ограничительный принцип относительно выбора средств и методов ведения войны для сохранения состояния окружающей среды насколько это возможно. В научной литературе относительно данной нормы часто высказывается общая позиция [4, с. 144 – 147; 5, с. 38 – 40; 6, с. 85 – 89] о преемственности международных обязательств по Конвенции 1976 г. о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств

¹ Замминистра обороны России Александр Фомин провел брифинг для иностранных военных атташе (от 03.08.2022). Официальный сайт Министерства обороны России. URL: https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12431537@egNews (дата обращения: 06.02.2024).

² Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям от 12.08.1949, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов. URL: https://www.icrc.org/ru/doc/assets/files/2013/ap_i_rus.pdf (дата обращения: 10.10.2023).

³ Там же.

⁴ Конвенция о защите гражданского населения во время войны 1949 г. URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/geneva-convention-4.htm> (дата обращения: 10.10.2023).

воздействия на природную среду¹. В то же время в самом соглашении нет такого официального закрепления, в отличие от ст. 53 I ДП. Часто в публикациях используется термин «экоцид», однако следует подчеркнуть, что данное понятие в I ДП не закреплено, оно имеет сугубо теоретическое применение в международном праве.

Дискуссия, которая велась государствами – участниками и при разработке Статута Международного уголовного суда и Проекта кодекса о преступлениях против мира и безопасности человечества, свидетельствует, что пока мировое сообщество не готово официально признать и закрепить причинение вреда окружающей среде в рамках военных действий как признаки состава военного преступления. Поэтому, на наш взгляд, в настоящее время существует лишь закрепление принципа обязательной избирательности действий в вооруженном конфликте в отношении окружающей среды и неиспользование ее объектов в качестве первичной цели для причинения вреда иным опосредованным объектам во время боевых действий. Закрепление в УК РФ ст. 358 мы не можем рассматривать в качестве военного преступления, поскольку в диспозиции данного состава отсутствуют соответствующие признаки деяния, как и указание на них в ст. 356 УК РФ [7, с. 107 – 115].

Статья 56 I ДП закрепляет новые объекты, в отношении которых нападение запрещено: плотины, дамбы, атомные электростанции. Норма регламентирует условия такого запрета. Эти объекты обладают повышенной опасностью и должны быть исключены из объектов нападения с учетом высоких рисков последствий их повреждения или разрушения.

Детализация запретов действий в отношении лиц, находящихся под защитой Женевских конвенций, закреплена в значительном количестве статей. Ст. 16 запрещает наказывать за оказание медицинской помощи раненым и больным. Такой запрет, на наш взгляд, направлен на дополнительную защиту как гражданского населения, которое эту помощь оказывает, так и самих раненых и больных.

Научный интерес представляют положения ст. 17 I ДП. В документе установлен запрет актов насилия со стороны гражданского населения в отношении раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, принадлежащих

стороне противника. Такое правило направлено на предотвращение самосуда и подтверждение статуса этих лиц, находящихся под международной защитой в любой ситуации. Норма подтверждает признание раненых, больных и лиц, потерпевших кораблекрушение, в качестве жертв вооруженного конфликта, выбывших из состава его участников и получающих такие же основные права, как и гражданское население. В то же время гражданское население перестает быть субъектом защиты и становится субъектом ответственности в случае несоблюдения рассмотренной нормы Протокола.

Следует отметить закрепление ст. 76 – 79 I ДП, в которые внесен новый субъект защиты – журналисты. Эти правила наделили представителей средств массовой информации, официально осуществляющих профессиональную деятельность в вооруженном конфликте, нейтральным статусом среди участников такого конфликта. В Женевских конвенциях такого предусмотрено не было, однако развитие военной журналистики и одновременно незащищенность ее представителей, гибель большого количества журналистов привели к необходимости международно-правового закрепления их правового статуса. Умышленное нападение на журналиста, повлекшее телесные повреждения или его смерть, является военным преступлением [8].

Журналисты при исполнении своих профессиональных обязанностей в вооруженном конфликте весьма уязвимы. По статистике Комитета по защите журналистов (международная неправительственная организация), на Украине с 2022 г. при исполнении своих профессиональных обязанностей погибло около 13 журналистов². Такие факты фиксируются и Министерством обороны Российской Федерации, и Следственным комитетом Российской Федерации.

На основании информационных материалов о возбуждении уголовных дел мы можем дать только условную оценку этих событий с учетом нарушенных норм. Так, по факту гибели нескольких российских журналистов с 2014 года по настоящее время деяния, как правило, квалифицируются по совокупности преступлений, предусмотренных ст. 144 (воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов) и ч. 2 ст. 105 УК РФ. Однако убийство журналистов произошло представителями

¹ Конвенция 1976 г. о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/hostenv.shtml (дата обращения: 10.10.2023).

² CPJ: 2022 год стал самым опасным для представителей СМИ за последние пять лет – убито 67 журналистов. Официальный сайт издания «Российская газета». URL: <https://rg.ru/2023/01/25/cpj-2022-god-stal-samym-opasnym-dlia-predstavitelej-smi-za-poslednie-piat-let-ubito-67-zhurnalistov.html> (дата обращения: 10.01.2024).

вооруженных сил государства (комбатантами) на территории боевых действий¹. Журналисты осуществляли свою профессиональную деятельность и были экипированы в защитную форму в соответствии с положениями международных договоров Российской Федерации. Эти обстоятельства свидетельствуют о наличии дополнительных признаков, повышенной степени общественной опасности и необходимости признания таких преступлений как военных. Но такие действия не конкретизированы в диспозиции ч. 1 ст. 356 УК РФ в рамках альтернативных, а бланкетно закреплены в международных договорах Российской Федерации.

Ст. 11 I ДП фактически дополняет положения Женевских конвенций (например, ст. 12 I ЖК) относительно закрепления запрещенных действий в отношении лиц, находящихся под защитой соглашений. Некоторые из них конкретизируются более детально в сравнении с закрепленной формулировкой в Конвенциях. Так, закреплен запрет подвергать лиц какой-либо медицинской процедуре, которая не требуется по состоянию здоровья. В I ЖК указан в данном случае запрет на биологические опыты. Соответственно, I ДП более широко устанавливает запрет на действия, позволяя к медицинским процедурам отнести различные опасные для жизни и здоровья преступные деяния). Протокол закрепляет в качестве лиц защиты беженцев, апатридов, партизан, лиц, принявших участие в мероприятиях врага, в отношении которых имеются сомнения в статусе беженца [9, с. 86].

Пп. 3, 4 ст. 85 I ДП конкретизируют положения ст. 11 этого документа. Их анализ свидетельствует об итоговом обобщении и перечислении серьезных нарушений, которые в целом закреплены в этом акте для того, чтобы еще раз подчеркнуть и обратить внимание участников соглашения об установленных запретах в отношении методов ведения военных действий и защиты правового статуса жертв вооруженных конфликтов.

Анализ этого достаточно объемного по содержанию положения Протокола позволяет отметить, что, по сравнению с содержанием диспозиции ч. 1 ст. 356 УК РФ, мы можем констатировать закрепление лишь одного из множества международных обязательств по I ДП: «депортация или перемещение всего или части населения оккупированной территории в пределах этой территории или за ее пределы» в I ДП это положение закреплено как «депортация гражданского населения» в ч. 1 ст. 356 УК РФ.

В данном случае необходимо также подчеркнуть, что остальные положения рассматриваемой статьи УК РФ содержат имплементацию военных преступлений из других международных договоров Российской Федерации, которые не являются объектом нашего исследования. В то же время, на наш взгляд, закрепление в национальном законодательстве таких преступных деяний должно быть более детализировано в формате самостоятельных составов с учетом вышеобозначенных международных запретов. Например, законодатель уже начал такую работу и закрепил преступление в ст. 356¹ УК РФ «Мародерство».

Следует обратить внимание еще на ряд особенностей рассматриваемого соглашения, которые влияют на национальное закрепление и оценку военных преступлений. Ст. 8 данного Протокола содержит терминологию. Указанные в ней термины: раненые и больные; лица, потерпевшие кораблекрушение; медицинский персонал; духовный персонал и т.д., то есть категории лиц, находящиеся под защитой самих Конвенций и Протокола. Конкретизация их признаков имеет особое значение при определении преступности действий, их умышленности и иных признаков, поскольку данные лица являются жертвами военных преступлений. На наш взгляд, данные положения следует напрямую инкорпорировать в национальный закон.

Ст. 57 – 58 I ДП закрепляют обязательства сторон конфликта – условия, которые должны соблюдать вооруженные силы при ведении боевых действий. Выполнение данного правила должно, на наш взгляд, устанавливаться в случае причинения вреда защищаемым I ДП объектам и лицам для исключения факта совершения военного преступления, то есть наличие прямо причинно-следственной связи между невыполненными условиями и наступившими последствиями. Поэтому с учетом специфики самих военных действий, сложности фактической оценки обстановки и других обстоятельств конкретные статьи I ДП должны быть перечислены как возможные для прямого применения органами государственной власти при выявлении фактов, квалификации военных преступлений и решении вопроса о привлечении к уголовной ответственности за их совершение. Эти правила могут быть закреплены в специальном законе «О пресечении военных преступлений» наравне с другими важными нормами.

II ДП к Женевским конвенциям, в соответствии с его положениями, применяется к воору-

¹ СК возбудил дело о покушении на журналиста «России сегодня» в ЛНР. Официальный сайт информационного агентства «РИА Новости». URL: <https://ria.ru/20220524/pokushenie-1790330878.html> (дата обращения: 10.01.2024).

женным конфликтам немеждународного характера. Ученые отмечают различные особенности относительно содержания данного документа. Его разработка и принятие были весьма сложным процессом, поскольку государства не преследовали цель регламентировать вопросы гражданских войн, ссылаясь на принципы суверенитета и невмешательства во внутренние дела государства. Так, проф. П.П. Степанов отмечает, что в тексте не используются термины «военные преступления» и «серьезные нарушения», которые характерны для Женевских конвенций и I ДП [9, с. 88 – 90].

До принятия данного документа во всех ЖК действовала общая ст. 3, где указаны требования по применению конкретных правил к таким вооруженным конфликтам. Поскольку специфика видов самих конфликтов не является предметом нашего исследования, отметим лишь одно важное обстоятельство.

Вооруженный конфликт немеждународного характера происходит внутри конкретного государства, соответственно, на него не могут в полном объеме распространяться нормы международного права, поскольку это внутреннее дело самого государства. Поэтому при закреплении ст. 3 в Женевских конвенциях устанавливалось обязательство государств соблюдать определенные международные нормы в таких конфликтах.

Например, противоборствующая сторона вооруженного конфликта немеждународного характера не рассматривается в качестве комбатантов, и при их захвате такие действия не рассматриваются как захват в плен, а сами лица – как военнопленные. Однако в отношении них, как и других участников такого конфликта, не могут быть совершены какие-либо преступные деяния. Перечень последних включает: посягательство на жизнь, убийство, увечья, жестокое обращение, пытки, истязания; посягательство на человеческое достоинство, оскорбительное и унижающее обращение; взятие заложников; незаконное осуждение и наказание. Таким образом, несмотря на причины конкретного вооруженного конфликта немеждународного характера, лица, в нем участвующие, имеют право на соблюдение их прав и защиту от посягательства.

Практика последующих лет после вступления в силу Женевских конвенций 1949 г. показала необходимость более детальной регламентации

международных гуманитарных норм, применимых в вооруженном конфликте немеждународного характера. Рассмотрим положения II ДП в преломлении к интересующему нас вопросу – военным преступлениям.

Так, п. 2 ст. 4 II ДП¹ содержит более подробный перечень деяний, которые запрещено совершать в отношении лиц, принимающих или принимавших участие в вооруженном конфликте немеждународного характера. К указанным в ст. 3 ЖК добавились такие деяния, как коллективные наказания, акты терроризма, рабство и работорговля; грабеж; принудительное перемещение. Таким образом, Протокол закрепляет военные преступления, совершаемые в отношении всех лиц, находящихся под защитой Женевских конвенций и самого документа.

В рассматриваемом соглашении закреплены и некоторые запрещенные методы ведения военных действий, предусмотренные изначально в IV ЖК, но применительно к вооруженному конфликту немеждународного характера. Установлен запрет нападения на гражданское население; запрет использовать голод как метод ведения военных действий; запрет нападать на объекты, содержащие опасные силы (плотины, дамбы, атомные установки); враждебные акты в отношении объектов исторического, религиозного и культурного наследия.

Таким образом, несмотря на ограниченность возможности применения международных норм в вооруженном конфликте немеждународного характера, II ДП закрепил определенные правила действия положений всех Женевских конвенций и ряд новых для пресечения совершения военных преступлений.

III ДП² появился гораздо позднее, в 2005 году, и посвящен вопросам более детального международно-правового регулирования использования эмблемы Женевских конвенций и иных международных организаций в любом вооруженном конфликте. Исходя из его положений, установления дополнительной эмблемы и конкретизации механизма защиты всех эмблем, на наш взгляд, следует закрепить такой состав военного преступления, как: незаконное использование установленных эмблем Женевских конвенций и III ДП или злоупотребление ими, повлекшие гибель людей или иные серьезные последствия.

В качестве примера рассмотрим многочисленные сведения об использовании официальных

¹ Дополнительный протокол II к Женевским конвенциям от 12.08.1949, касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера 1977 г. URL: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/6lkb3l.htm> (дата обращения: 10.10.2023).

² Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12.08.1949, касающийся принятия дополнительной отличительной эмблемы 2005 г. URL: https://www.icrc.org/ru/doc/assets/files/other/protocol_iii_rus.pdf (дата обращения: 10.10.2023).

зданий регионального Красного Креста на территории Украины в качестве места для размещения вооружений и их дальнейшего использования¹. На наш взгляд, в данном случае действия следует рассматривать именно как вероломное использование эмблемы Красного Креста, поскольку присутствует избирательность в выборе гражданского объекта для размещения вооружений с целью использования статуса его защиты и введения в заблуждения противной стороны. Нарушение международного обязательства выражается в самом факте вероломного использования, в данном случае не имеет значения наступление последствий для признания деяния военным преступлением.

Необходимо отметить, что мировой практике известно достаточное количество случаев таких действий. Поэтому рассмотрение этих фактов в качестве военных преступлений и привлечение к ответственности могут способствовать реализации всех положений норм международного гуманитарного права, защите статуса международных гуманитарных структур и их деятельности. Такие преступные действия можно рассматривать в качестве вероломства, которое тоже относится к военным преступлениям. Согласно ст. 6 III ДП, «Стороны принимают меры, необходимые для предотвращения и пресечения во всякое время любого неправомерного использования отличительных эмблем, и их наименований, включая вероломное использование и использование любых знаков и наименований, являющихся их имитацией»². Ч. 1 ст. 356 УК РФ в рамках указания альтернативных действий не закрепляет вероломное использование отличительной эмблемы Женевских конвенций. Для возможности квалификации таких преступных действий именно в качестве военного преступления, учитывая специфику его совершения и распространенность, по-нашему мнению, стоит рассмотреть возможность их закрепления в качестве самостоятельного состава преступления.

Обсуждение и заключение

Проведенный анализ действующих Дополнительных протоколов к Женевским конвенциям 1949 г. как источников толкования ст. 356 УК РФ позволяет сделать ряд выводов.

Данные документы следует рассматривать одновременно с положениями самих Женевских конвенций, поскольку они их дополняют и конкретизируют. ДП I содержит большое количество запрещенных методов ведения военных действий,

которые в Женевских конвенциях либо излагались поверхностно, либо не были закреплены. Наличие в ДП I детализации запретных деяний в нарушение правового статуса и защиты жертв и участников вооруженных конфликтов позволяют дать более качественную оценку преступных действий с учетом закрепленных условий и квалифицировать такие деяния как военные преступления.

ДП II закрепляет запрещенные действия в отношении всех участников вооруженного конфликта немеждународного характера и лиц, находящихся под защитой ЖК. Соответственно, вид вооруженного конфликта не влияет на оценку совершаемых военных преступлений, ответственность за которые должна быть установлена в любом случае. Представленная характеристика положений ДП II ставит вопрос: есть ли юридическая необходимость отдельно закреплять составы военных преступлений, совершаемые в вооруженном конфликте немеждународного характера; либо данное обстоятельство, как дополнительный квалифицирующий признак, может быть закреплено в соответствующем перечне в рамках предлагаемого закона?

Все Дополнительные протоколы закрепили новые объекты защиты (плотины, дамбы, атомные установки, культурные ценности) и категории лиц защиты (журналисты, беженцы, апатриды, партизаны), нарушение правового статуса которых следует рассматривать как военные преступления.

Таким образом, ч. 1 ст. 356 УК РФ нуждается в корректировке посредством конкретизации покровительствуемых лиц и объектов, находящихся под защитой конвенций. В настоящее время отсутствие такого закрепления приводит к квалификации преступлений по другим статьям УК РФ. Данное обстоятельство имеет особое значение в связи с ростом посягательств на журналистов, находящихся при исполнении своих профессиональных обязанностей на территории боевых действий, а также систематическом разрушении гражданских объектов.

Отсутствие конкретизации в диспозиции рассматриваемой нормы (ч. 1 ст. 356 УК РФ) методов создает вопросы в квалификации преступных деяний. Поэтому в УК РФ необходимо закрепить в качестве военных преступлений указание конкретных запрещенных методов ведения войны. В качестве таковых могут быть определены: бомбардировка гражданских объектов, запрет вероломства; запрет использовать отличитель-

¹ Заявление Межведомственного координационного штаба Российской Федерации по гуманитарному реагированию. URL: https://function.mil.ru/news_page/country/more.htm?id=12428122@egNews (дата обращения: 14.01.2024).

² Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12.08.1949, касающийся принятия дополнительной отличительной эмблемы 2005 г. URL: https://www.icrc.org/ru/doc/assets/files/other/protocol_iii_rus.pdf (дата обращения: 10.10.2023).

ные эмблемы МККК и других международных признанных эмблем, знаков и сигналов; запрет использовать национальные флаги, эмблемы нейтральных государств или государств – неучастников конфликта; запрет приказа не оставлять никого в живых и другие.

Представленные особенности международно-правового закрепления запретов в вооруженных конфликтах должны получить детальную регламентацию в национальном законодательстве для неотвратимости наказания за их нарушение в виде военных преступлений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Эфендиев О.Ф. О военных преступлениях в системе законов и обычаев войны // Военно-юридический журнал. 2006. № 11. С. 22 – 27.
2. Козирник Р. Протоколы 1977 г. – важный этап развития международного гуманитарного права // Международный журнал Красного Креста. 1997. № 320 (10). С. 60 – 81.
3. Прадун Д.С. Механизм обеспечения выполнения Россией обязательства, вытекающего из статьи 36 Дополнительного протокола I 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г. // Российское право онлайн. 2017. № 3. С. 66 – 76.
4. Щегуренкова А.С. Экоцид: проблемы законодательной регламентации и квалификации // Устойчивое развитие науки и образования. 2019. № 3. С. 144 – 147.
5. Прохоров Л.А. К вопросу об определении понятия содержания понятия «экоцид» // Очерки новейшей камералистики. 2019. № 1. С. 38 – 40.
6. Давитадзе М.Д. Экоцид как преступление против безопасности человечества // Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 7. С. 85 – 89.
7. Лисаускайте В.В. Преступления со специфическим статусом по международному уголовному праву // Сибирский юридический вестник. 2010. № 2 (49). С. 107 – 115.
8. Бугаева П.Н. Защита прав журналистов в условиях вооруженных конфликтов // Вопросы российской юстиции. 2020. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-prav-zhurnalistov-v-usloviyah-vooruzhennykh-konfliktov>.
9. Степанов П.П. Становление отечественного законодательства об уголовной ответственности за совершение военных преступлений // Союз криминалистов и криминологов. 2018. № 1. С. 77 – 100.

REFERENCES

1. Efendiev O.F. O voennykh prestupleniyah v sisteme zakonov i obychaev vojny // Voенno-yuridicheskij zhurnal. 2006. № 11. S. 22 – 27.
2. Kozirnik R. Protokoly 1977 g. – vazhnyj etap razvitiya mezhdunarodnogo gumanitarnogo prava // Mezhdunarodnyj zhurnal Krasnogo Kresta. 1997. № 320 (10). S. 60 – 81.
3. Pradun D.S. Mekhanizm obespecheniya vypolneniya Rossiej obyazatel'stva, vytekayushchego iz stat'i 36 Dopolnitel'nogo protokola I 1977 g. k ZHenevskim konvenciyam 1949 g. // Rossijskoe pravo onlajn. 2017. № 3. S. 66 – 76.
4. SHCHegurenkova A.S. Ekocid: problemy zakonodatel'noj reglamentacii i kvalifikacii // Ustojchivoe razvitie nauki i obrazovaniya. 2019. № 3. S. 144 – 147.
5. Prohorov L.A. K voprosu ob opredelenii ponyatiya sodержaniya ponyatiya «ekocid» // Oчерki novejshej kameralistiki. 2019. № 1. S. 38 – 40.
6. Davitadze M.D. Ekocid kak prestuplenie protiv bezopasnosti chelovechestva // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2016. № 7. S. 85 – 89.
7. Lissauskajte V.V. Prestupleniya so specificheskim statusom po mezhdunarodnomu ugolovnomu pravu // Sibirskij yuridicheskij vestnik. 2010. № 2 (49). S. 107 – 115.
8. Bugaeva P.N. Zashchita prav zhurnalistov v usloviyah vooruzhennykh konfliktov // Voprosy rossijskoj yusticii. 2020. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaschita-prav-zhurnalistov-v-usloviyah-vooruzhennykh-konfliktov>.
9. Stepanov P.P. Stanovlenie otechestvennogo zakonodatel'stva ob ugolovnoj otvetstvennosti za sovershenie voennykh prestuplenij // Soyuz kriminalistov i kriminologov. 2018. № 1. S. 77 – 100.

Информация об авторе:

Лисаускайте Валентина Вlado, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии Восточно-Сибирского института МВД России, vlado@mail.ru
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Lisauskaite Valentina V., Candidate in Law (Research doctorate), Associate Professor, Professor of Criminal Law and Criminology Department, East-Siberian Institute of MIA of Russia, vlado@mail.ru
The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 22.11.2023.

Статья принята к публикации: 20.03.2024.

Статья опубликована онлайн: 22.03.2024.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Научная статья
УДК 343.98
DOI: 10.37973/KUI.2024.31.10.012

ПРЕДПОСЫЛКИ ФОРМИРОВАНИЯ ЧАСТНОЙ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Андрей Викторович Мишин,
Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия,
av-mishel@mail.ru

Аннотация

Введение: в статье рассматриваются предпосылки формирования нового научного знания в виде частной криминалистической теории обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства как защищаемых лиц. Акцент сделан на систематизации и анализе логически взаимосвязанных научных понятий и суждений, раскрывающих криминалистическую деятельность как правовую категорию применительно к процессу обеспечения безопасности участников процесса. Особое внимание уделено определению понятия и формулированию концептуальных основ частной криминалистической теории обеспечения безопасности защищаемых лиц, обоснованию ее общетеоретической и прикладной значимости в качестве самостоятельного научного направления.

Материалы и методы: в ходе исследования в качестве методов решения проблемы формирования частной криминалистической теории обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства применялись обобщение и сравнительный анализ теоретических положений изучаемой проблематики. Кроме того, использована совокупность общенаучных и специальных методов познания (формально-логический, структурно-функциональный и др.), базирующихся на всеобщем методе материалистической диалектики.

Результаты исследования: обоснованы предпосылки формирования частной криминалистической теории обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства. Утверждается, что повышение эффективности обеспечения безопасного участия личности в производстве по уголовному делу может быть достигнуто только при осуществлении субъектами доказывания криминалистической деятельности с использованием соответствующих средств, методов и технологии. В связи с этим востребована разработка теоретических и прикладных основ криминалистического обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства в рамках частной криминалистической теории.

Обсуждение и заключение: выявленные закономерности и тенденции криминалистической деятельности уполномоченных органов и должностных лиц по обеспечению безопасности участников уголовного процесса позволяют сформулировать соответствующую частную криминалистическую теорию. Такая криминалистическая теория призвана повысить эффективность решения задач по обеспечению безопасности защищаемых лиц в целях достижения назначения уголовного судопроизводства, предложить научно обоснованные и практико-ориентированные рекомендации по выявлению и преодолению посткриминального противоправного воздействия в отношении участников процесса, своевременному принятию мер безопасности на различных этапах производства по делу, а также оптимизировать тактическое обеспечение процессуальных действий с участием защищаемого лица.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; обеспечение безопасности; защищаемые лица; субъекты доказывания; криминалистическая деятельность; криминалистическая теория

© Мишин А.В., 2024

Для цитирования: Мишин А.В. Предпосылки формирования частной криминалистической теории обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 1 (55). С. 111 – 117. DOI: 10.37973/KUI.2024.31.10.012

Scientific article
UDC 343.98
DOI: 10.37973/KUI.2024.31.10.012

PREREQUISITES FOR THE FORMATION OF A PRIVATE FORENSIC THEORY OF ENSURING THE SAFETY OF PARTICIPANTS IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Andrey Viktorovich Mishin,
Kazan Federal University, Kazan, Russia,
av-mishel@mail.ru

Abstract

Introduction: the author considers prerequisites for new academic knowledge in the form of private forensic theory of security support for participants in criminal proceedings as protected persons. The author is focusing on systematization and analysis of logically interrelated scientific concepts and opinions that express forensic activity as a legal category with regard to security support for these participants. The author pays special attention to the definition of the concept and formulating a conceptual framework of private forensic theory of security support for protected persons, justification of its general theoretical and applied significance as an independent scientific direction.

Materials and Methods: in the course of the study, generalisation and comparative analysis of theoretical provisions of the issue under study were used as methods of solving the problem of formation of a private forensic theory of ensuring the safety of participants in criminal proceedings. In addition, a set of general scientific and special methods of cognition (formal-logical, structural-functional, etc.) based on the universal method of materialistic dialectics was used.

Results: the prerequisites for the formation of a private criminalistic theory of ensuring the safety of participants of criminal proceedings are substantiated. It is argued that the increase in the effectiveness of ensuring the safe participation of the individual in the criminal proceedings can be achieved only when the subjects of evidence carry out forensic activities with the use of appropriate means, methods and technology. In this regard, there is a demand for the development of theoretical and applied foundations of forensic ensuring the safety of participants of criminal proceedings within the framework of private forensic theory.

Discussion and Conclusions: the identified regularities and trends of criminalistic activity of authorised bodies and officials to ensure the safety of participants in criminal proceedings allow us to formulate an appropriate private criminalistic theory. Such criminalistic theory is designed to increase the safety of protected persons in order to achieve the purpose of criminal proceedings, to offer scientifically substantiated and practice-oriented recommendations on identifying and overcoming post-criminal unlawful influence on the participants of the process, timely adoption of security measures at various stages of proceedings, as well as to optimise the tactical support of procedural actions with the participation of the protected person.

Keywords: criminal proceedings; security; protected persons; subjects of evidence; forensic activity; private forensic theory

© Mishin A.V., 2024

For citation: Mishin A.V. Prerequisites for the Formation of a Private Forensic Theory of Ensuring the Safety of Participants in Criminal Proceedings. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2024;15(1):111-117. (In Russ.). DOI: 10.37973/KUI.2024.31.10.012

Введение

Правозащитные основы, сформулированные в Конституции Российской Федерации, являются определяющими для отечественного уголовного судопроизводства и обуславливают необходимость гарантии надлежащего обеспечения прав всех его участников, включая право на личную безопасность. В связи с этим процессуальная деятельность по уголовному делу, наряду с доказыванием, должна включать и деятельность,

направленную на обеспечение безопасности его участников.

Успешное решение задач, поставленных перед современным российским уголовным правосудием, во многом определяется активным участием в нем потерпевших, свидетелей и иных участников досудебного и судебного производства (далее – защищаемых лиц) как носителей уголовно-релевантной информации, содействующих следственным органам и суду посредством дачи показаний

относительно обстоятельств, подлежащих доказыванию. Вместе с тем проведенные нами обобщение и анализ следственной и судебной практики дают основание утверждать, что в отношении участников уголовного судопроизводства (и их близких) применяются различные приемы и методы физического и психологического воздействия со стороны преступников и их окружения с целью противодействия правосудию, что приводит к отказу (уклонению) от дачи показаний, их изменению, а также лжесвидетельству. Подобное противоправное воздействие, как правило, осуществляется после совершения преступления и, следовательно, является посткриминальным как продолжение преступной деятельности, направленной на воспрепятствование предварительному расследованию и судебному разбирательству по уголовному делу.

Материалы и методы

В ходе проведенного исследования были использованы различные методы научного познания: обобщение, сравнение, моделирование, классифицирование, типизирование, структурирование и систематизация, которые позволили проанализировать вопросы, относящиеся к предмету исследования, а также сформулировать авторские выводы о необходимости построения частной криминалистической теории обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства. Эмпирической основой исследования явились материалы обобщения и анализа следственной и судебной практики по Республике Татарстан, Удмуртской Республике, Чувашской Республике, Республике Мордовия, Ульяновской области за период 2015 – 2023 гг.

Обзор литературы

Отдельные проблемы криминалистического обеспечения безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства исследованы в работах Е.И. Замылина, В.Н. Карагодина, В.В. Трухачева, Э.У. Бабаевой, И.В. Тишутинной, С.Ю. Журавлева, В.В. Войникова, Е.В. Бабкиной, О.Я. Баева, М.В. Беляева, Б.Я. Гаврилова, Р.Р. Рахматуллина, А.Н. Халикова и др.

Отдавая должное заслугам ученых, внесших вклад в разработку криминалистического обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства, отметим, что комплексное научное исследование данной проблемы в рамках частной криминалистической теории не проводилось.

Результаты исследования

Отсутствие криминалистических аспектов в сегменте обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства обуславливает про-

блемы и затруднения в практической деятельности органов уголовного преследования и суда по делам, связанным с посткриминальным противоправным воздействием. В связи с этим следует считать актуальным и востребованным системное исследование, направленное на обоснование и формирование частной криминалистической теории обеспечения безопасности участников уголовно-процессуальной деятельности как защищаемых лиц.

Следует констатировать, что ученые-криминалисты вопросам формирования частных криминалистических теорий уделяют особое внимание. При этом многие из таких вопросов носят дискуссионный характер. Так, высказываются различные мнения относительно критериев оценки научных знаний, необходимых для построения частной криминалистической теории, а также признаков, отличающих частную теорию от криминалистического учения [1; 2, с. 45-46; 3; 4, с. 8-10]. На наш взгляд, понятия «частная криминалистическая теория» и «криминалистическое учение» с точки зрения общности их теоретического построения следует рассматривать как идентичные и понимать их в качестве совокупности научных знаний, охватывающих одну или несколько сторон предмета криминалистики.

Поступательное развитие криминалистики как самостоятельной области научных знаний создает предпосылки для появления отдельных теоретических положений, концепций в виде системных образований, которые могут быть представлены как частные теории (учения). Пополнение и модернизация системы частных криминалистических теорий обеспечивается новыми исследованиями и научными знаниями, обогащающими общую теорию криминалистики. Полагаем, что при определении места той или иной частной теории в структуре криминалистической науки следует учитывать в первую очередь сущность и уровень обобщения закономерностей, проявляющихся при исследовании конкретной частной теории и входящих в ее предметную область. Именно частные криминалистические теории на основе установленных ими закономерностей позволяют объяснить накопленный эмпирический материал об исследуемых явлениях и объектах.

Как справедливо отмечает А.Г. Филиппов, криминалистическая теория представляет результат научного познания объекта действительности и выражается в установленных наукой закономерностях его развития [5, с. 16]. Соглашаясь с этим, необходимо отметить, что следствием любого осмысленного знания является познание сущност-

ных основ исследуемого объекта. В свою очередь, научное познание сущности возможно лишь на основе абстрактного мышления и создания теории исследуемого процесса, которому свойственны эмпирический и теоретический уровни. При этом движение научного познания происходит от объектов эмпирических к теоретическим. Стоит отметить, что научные положения частной криминалистической теории конструируются в соответствии с основными элементами научного исследования. Процесс формирования частной теории должен соответствовать логике и методологии научного исследования. С позиций методологии исследования содержание любой частной криминалистической теории должно включать присущие ей концептуальные понятия: сущность, предметную область, цель и задачи, методы и функции, понятийно-терминологический аппарат и предназначение.

Полагаем, криминалистическое обеспечение безопасности участников производства по уголовному делу представляет собой самостоятельный концепт структурного образования системы понятий криминалистики, что позволяет говорить о целесообразности формирования нового системного знания – частной криминалистической теории обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства [6, с. 132]. Научная разработка такой теории представляется новым направлением развития криминалистики в соответствии с потребностями современной практики деятельности правоохранительных и судебных органов. Отметим, что на общенаучные и практические предпосылки создания криминалистической теории обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства впервые обратил внимание профессор В.П. Лавров [7, с. 89].

Обоснование и построение частной криминалистической теории должно происходить с учетом совокупности выявленных и изученных фактов объективной действительности (эмпирического материала), требующих научного осмысления, сопоставления с имеющимися эмпирическими обобщениями. Эти требования в полной мере относятся и к частной криминалистической теории обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства. Проведенное автором системное изучение, обобщение и описание опыта и теоретического обоснования применения криминалистических средств, методов и технологий в процессе обеспечения безопасности защищаемых лиц направлено на получение знания как совокупности установленных и систематизированных научных фактов. Теоретическое осмыс-

ление новой эмпирической информации в рамках частной криминалистической теории следует считать важной составляющей надлежащего криминалистического обеспечения процессуальной деятельности субъектов доказывания.

Очевидно, что процесс научного исследования связан с возникновением и разрешением конкретных теоретических и практических проблем. Одним из основных средств научного поиска новых криминалистических проблем является обобщение практики. Следовательно, создание частной криминалистической теории должно начинаться, наряду с накоплением эмпирических фактов, с выявления значимой проблемы (существования проблемной ситуации) и заканчиваться ее решением. По нашему мнению, научно-практическую проблему криминалистического обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства можно представить как объективное противоречие (несоответствие) между современным состоянием практики противодействия правосудию, осуществляемого посредством посткриминального противоправного воздействия, и наличием теоретических положений, знаний и навыков по применению необходимых криминалистических средств, методов, технологии преодоления такого противодействия с целью обеспечения безопасности личности, участвующей в производстве по делу, получения более полной и достоверной уголовно-релевантной информации. Для разрешения противоречий, сложившихся в рамках указанной проблемной ситуации, целесообразным становится построение теоретических конструкций в виде частной теории, которая позволит сформулировать научно обоснованные рекомендации по криминалистическому обеспечению безопасности участников уголовно-процессуальной деятельности.

При обосновании и построении рассматриваемой криминалистической теории важно с учетом философского подхода познать сущность изучаемого объекта. По нашему мнению, криминалистическое обеспечение безопасности участников производства по уголовному делу по своей сущности представляет собой комплексную организационно-функциональную деятельность органов уголовного преследования и суда, направленную на формирование и поддержание безопасности защищаемых лиц при производстве по уголовному делу и реализуемую посредством криминалистического механизма.

Познание сущности процесса криминалистического обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства позволяет опре-

делить направление изучения такого процесса в форме частной теории и получить новые знания о возможностях применения криминалистических средств, методов и технологии, применяемых субъектами доказывания при производстве по уголовному делу.

Общепризнано, что при построении любой частной теории, в соответствии с положениями науковедения, необходимо определить ее предмет, объект и методы исследования, что позволит сделать этот процесс более осмысленным и продуктивным. Безусловно, это относится и к частной криминалистической теории обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства. Представляется, что предметом формируемой криминалистической теории обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства должны выступать объективные закономерности осуществления посткриминального противоправного посягательства на таких участников и основанные на познании этих закономерностей теоретические основы, а также практические рекомендации по применению криминалистических средств, методов, технологии в целях противодействия указанному посягательству, решению задач обеспечения безопасности защищаемых лиц.

Необходимость криминалистического изучения посткриминального противоправного воздействия на субъектов уголовно-процессуальной деятельности обусловлена особенностями собирания, исследования и использования криминалистически значимой информации о таком воздействии, на основе которой формулируются научно обоснованные рекомендации по его выявлению и преодолению. Обобщение и анализ противоправной деятельности угрозоносителя создают возможность разработки эффективных криминалистических процедур решения тактических задач по обеспечению безопасности защищаемых лиц на отдельных этапах уголовного судопроизводства.

Объектом предлагаемой к разработке криминалистической теории должна стать деятельность уполномоченных органов и должностных лиц, возникающая в связи с криминалистическим обеспечением безопасности участников уголовного судопроизводства, направленная на формирование теоретико-криминалистических и прикладных аспектов исследования с целью повышения эффективности этой деятельности.

Уяснение предмета и объекта частной криминалистической теории обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства позволит сформулировать ее понятие, разработать со-

ответствующие методы исследования. Думается, что формируемая криминалистическая теория должна представлять целостную интегративную систему научных знаний о закономерностях и существенных чертах криминалистической деятельности уполномоченных органов и должностных лиц при производстве по уголовному делу при преодолении посткриминального противоправного воздействия на защищаемых участников процесса с целью решения задач обеспечения их безопасности, реализуемой посредством криминалистического механизма.

Научные положения, формируемые частной криминалистической теорией обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства, объединяются в определенную систему, что проявляется в упорядоченности, интегрированности, взаимной обусловленности отдельных структурных элементов данной теории. Предлагаемая криминалистическая теория призвана представлять целостную систему, отображающую объективные закономерности процесса криминалистического обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства. Структурную композицию ее основных элементов (компонентов), находящихся в определенной взаимосвязи, на наш взгляд, должны составлять:

- понятие и общие методологические основы обеспечения безопасности участников процесса;
- понятийно-терминологический аппарат и функции криминалистического обеспечения безопасности защищаемых лиц;
- содержание и механизм криминалистического обеспечения безопасности участников процесса;
- теоретико-криминалистическая модель посткриминального противоправного посягательства на участников процесса;
- типичная криминалистическая характеристика посткриминального противоправного посягательства в отношении участников процесса как защищаемых лиц;
- классификация криминалистических ситуаций посткриминального противоправного воздействия в отношении участников процесса;
- криминалистическая технология применения мер безопасности защищаемых лиц;
- криминалистическое обеспечение взаимодействия субъектов доказывания и подразделений государственной защиты по обеспечению безопасности участников производства по уголовному делу;
- криминалистические процедуры решения тактических задач обеспечения безопасности в типичных следственных и судебных ситуациях;

– организационно-тактические и психологические основы следственных и судебных действий по применению мер безопасности [8, с. 154].

Полагаем, целью криминалистической теории обеспечения безопасности субъектов уголовно-процессуальной деятельности должно явиться формулирование научно обоснованных положений и основанных на них практических рекомендаций по эффективной реализации криминалистического механизма обеспечения безопасности защищаемых лиц. К основным задачам данной частной криминалистической теории обеспечения безопасности участников процесса следует отнести:

– систематизацию криминалистически значимой информации о посткриминальном противоправном воздействии в отношении участников уголовного судопроизводства и проведение криминалистического анализа такого воздействия;

– создание теоретико-криминалистической модели выявления и преодоления посткриминального противоправного посягательства на участников процесса;

– выявление закономерностей, взаимосвязей между противоправным воздействием и обусловленной им криминалистической деятельностью по обеспечению безопасности защищаемых лиц;

– описание методов использования полученной информации о противоправном воздействии в процессе обеспечения безопасности защищаемого лица;

– организацию тактического обеспечения взаимодействия субъектов доказывания с оперативно-розыскными органами, а также производства процессуальных действий, при которых применяются меры безопасности;

– разработку научно обоснованных практических рекомендаций по оптимальному решению криминалистических задач обеспечения безопас-

ности защищаемых лиц, применению мер безопасности в досудебном и судебном производстве по уголовному делу;

– формулирование предложений по совершенствованию процессуального законодательства в части регулирования вопросов обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства.

Обсуждение и заключение

Полученные в ходе исследования результаты свидетельствуют об актуальности и научно-практической значимости формирования нового знания в виде частной криминалистической теории обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства. Такая криминалистическая теория позволит повысить эффективность применения криминалистических средств, методов и технологии субъектами доказывания при производстве по уголовным делам, связанным с посткриминальным противоправным посягательством на участников процесса.

Сформулированные научные положения и практические рекомендации призваны повысить результативность деятельности субъектов доказывания по обеспечению безопасности участников уголовного судопроизводства, а также должны быть использованы для совершенствования общей теории криминалистики и ее отдельных разделов.

В заключение следует отметить, что в настоящее время существуют объективные предпосылки для формирования частной криминалистической теории обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства.

Разработанные теоретические положения должны быть использованы субъектами доказывания при решении конкретных тактических задач обеспечения безопасности защищаемых лиц в досудебном и судебном производстве по уголовному делу.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Карагодин В.Н. Основы криминалистического учения о преодолении противодействия расследованию: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09. Екатеринбург, 1992. 46 с.
2. Колотушкин С.М. Криминалистическая взрывотехника как частная криминалистическая теория: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09. Волгоград, 2003. 401 с.
3. Эксархопуло А.А. Постановка научной проблемы как начало формирования криминалистической теории // Вестник С.-Петербургского ун-та. Право. 2014. № 2. С. 104 – 113.
4. Бессонов А.А. Частная теория криминалистической характеристики преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.12. Элиста, 2017. 456 с.
5. Филиппов А.Г., Агафонов В.В. Криминалистика. 5-е изд., испр. Москва: Юрайт, 2008. 177 с.
6. Мишин А.В. Криминалистическое обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства: монография. Москва: Юрлитинформ, 2023. 168 с.
7. Лавров В.П. Частные криминалистические теории: современное состояние, тенденции развития // Известия Тульского госуд. ун-та. Экономические и юридические науки. 2016. № 3-2.

8. Мишин А.В. О формировании частной криминалистической теории: обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства // Юридический Вестник ДГУ. 2023. Т. 45, № 1 (65). С. 151 – 157.

REFERENCES

1. Karagodin V.N. Osnovy kriminalisticheskogo ucheniya o preodolenii protivodejstviya rassledovaniyu: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.09. Ekaterinburg, 1992. 46 s.
2. Kolotushkin S.M. Kriminalisticheskaya vzryvotekhnika kak chastnaya kriminalisticheskaya teoriya: dis. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.09. Volgograd, 2003. 401 s.
3. Eksarhopulo A.A. Postanovka nauchnoj problemy kak nachalo formirovaniya kriminalisticheskoy teorii // Vestnik S.-Peterburgskogo un-ta. Pravo. 2014. № 2. S. 104-113.
4. Bessonov A.A. CHastnaya teoriya kriminalisticheskoy harakteristiki prestuplenij: dis. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.12. Elista, 2017. 456 s.
5. Filippov A.G., Agafonov V.V. Kriminalistika. 5-e izd., ispr. Moskva: YUrajt, 2008. 177 s.
6. Mishin A.V. Kriminalisticheskoe obespechenie bezopasnosti uchastnikov ugolovnogogo sudoproizvodstva: monografiya. Moskva.: YUrlitinform, 2023. 168 s.
7. Lavrov V.P. CHastnye kriminalisticheskie teorii: sovremennoe sostoyanie, tendencii razvitiya // Izvestiya Tul'skogo gosud. un-ta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki. 2016. № 3-2.
8. Mishin A.V. O formirovanii chastnoj kriminalisticheskoy teorii: obespechenie bezopasnosti uchastnikov ugolovnogogo sudoproizvodstva // YUridicheskij Vestnik DGU. 2023. Т. 45, № 1 (65). S. 151 – 157.

Информация об авторе:

Мишин Андрей Викторович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Казанского (Приволжского) федерального университета, av-mishel@mail.ru
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Mishin Andrey V., Candidate of Law (Research doctorate), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Proceedings and Criminalistics of Kazan (Volga) Federal University, av-mishel@mail.ru

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 05.02.2024.

Статья принята к публикации: 20.03.2024.

Статья опубликована онлайн: 22.03.2024.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Научная статья
УДК 343.98
DOI: 10.37973/KUI.2024.30.12.013

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МОНИТОРИНГА ИНТЕРНЕТ-ПРОСТРАНСТВА ДЛЯ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ОСКОРБЛЕНИЕМ

Дмитрий Вадимович Спирев,
Московская государственная юридическая академия
им. О.Е. Кутафина, Москва, Россия,
dmitryspirev@yandex.ru

Аннотация

Введение: статья посвящена криминалистическим аспектам мониторинга сети Интернет при расследовании преступлений, связанных с оскорблением. Актуальность исследования рассматриваемого вопроса для практики и теории расследования оскорблений, предусмотренных статьями 148, 297, 319 и 336 Уголовного кодекса Российской Федерации, заключается в формулировании единого подхода к расследованию преступлений, в которых честь и достоинство являются основными или дополнительными объектами преступления.

Материалы и методы: были использованы методы анализа, синтеза, дедукции и индукции. Материалами послужили нормативные правовые акты Российской Федерации, постановления Верховного Суда Российской Федерации, а также ведомственные приказы государственных органов.

Обзор литературы: изучены научные труды Е.И. Галяшиной, Ж.Г. Ганеевой, А.В. Кутузова, А.Л. Осипенко.

Результаты исследования: по результатам исследования определены наиболее проблемные аспекты, связанные с использованием средств мониторинга интернет-пространства при расследовании уголовных дел и дел об административных правонарушениях, даны практические рекомендации для сотрудников правоохранительных органов.

Обсуждение и заключение: проблематика использования специальных знаний по делам об оскорблении в интернет-пространстве нуждается в дальнейшей теоретической и практической разработке, в том числе с привлечением специалистов по анализу информации.

Ключевые слова: криминалистика; специальные знания; мониторинг; оскорбление; интернет-пространство; специалист

© Спирев Д.В., 2024

Для цитирования: Спирев Д.В. Криминалистические аспекты мониторинга интернет-пространства для расследования преступлений, связанных с оскорблением // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. № 1 (55). С. 118 – 124. DOI: 10.37973/KUI.2024.30.12.013

Scientific article
UDC 343.98
DOI: 10.37973/KUI.2024.30.12.013

INTERNET MONITORING FOR INVESTIGATING INSULT OFFENCES: FORENSIC ASPECTS

Dmitry Vadimovich Spirev,
Kutafin Moscow State Law Academy, Moscow, Russia,
dmitryspirev@yandex.ru

Abstract

Introduction: the author examines the criminalistic aspects of Internet monitoring in the investigation of insult offences. The study aims to establish a unified approach to investigating crimes in which honour and

dignity are primary or secondary objects of the crime under Articles 148, 297, 319 and 336 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Materials and Methods: the author used the following research methods: analysis, synthesis, induction, deduction. Regulatory acts of the Russian Federation, judgments of the Supreme Court of the Russian Federation, as well as departmental orders by state bodies.

Literature review: the scientific works by Galyashina E.I., Ganeev Zh.G., Kutuzov A.V., Osipenko A.L. were considered.

Results helped to define specific areas of concern connected to the usage the means of online space monitoring in criminal and administrative offences investigation. The study contains practical recommendations targeted at law enforcement officials.

Discussion and Conclusions specialized knowledge in cyber insult requires further practical and theoretical elaboration, including with information analysts.

Keywords: forensic science; special knowledge; monitoring; insult; Internet space; specialist

© Spirev D.V., 2024

For citation: Spirev D.V. Internet Monitoring for Investigating Insult Offences: Forensic Aspects. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2024;15(1):118-124. (In Russ.). DOI: 10.37973/KUI.2024.30.12.013

Введение

Объем информационных материалов в сети Интернет неизменно увеличивается. Социальные сети и иные ресурсы содержат массивы информации, организованные по типу больших данных. Актуальность рассматриваемого вопроса заключается в возможности использования таких источников информации в качестве ориентирующей информации для лиц, осуществляющих предварительное расследование, в конкретном доказательственном значении по уголовному делу или делу об административных правонарушениях. Основным нормативным правовым актом, регулирующим распространение информации в сети Интернет, является Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Федеральный закон № 149), в котором определен перечень информации, наличие которой будет являться основанием для включения в Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети Интернет и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети Интернет. Нарастающий объем информационных потоков порождает необходимость дополнительного регулирования правоотношений в сетевом пространстве, теоретической и практической разработки подходов к расследованию преступлений, совершенных в Интернете. Таким образом, деятельность по получению криминалистически значимой информации для установления лица-распространителя запрещенной информации, времени публикации и иных обстоятельств, предусмотренных статьей 73 УПК РФ, имеет большое значение для установления объективной истины по делу.

Актуальность исследования рассматриваемого вопроса для практики и теории расследования

оскорблений, предусмотренных статьями 148, 297, 319 и 336 УК РФ, заключается в формулировании единого подхода к расследованию преступлений, в которых честь и достоинство являются основными или дополнительными объектами преступления.

Материалы и методы

Были использованы методы анализа, синтеза, дедукции и индукции. Материалами исследования послужили нормативные правовые акты Российской Федерации, постановления Верховного Суда Российской Федерации, а также ведомственные приказы государственных органов в сфере противодействия распространению информации, унижающей честь и достоинство личности.

Обзор литературы

Вопросы использования средств мониторинга служили объектами научных статей Р.Г. Налбандяна, А.Л. Осипенко, А.О. Сукмановой. Понятие «мониторинг» раскрывается в научной статье Ж.Г. Ганеевой. По ее мнению, это постоянное наблюдение за каким-либо процессом с целью выявления его соответствия желаемому результату [1].

Кутузov А.В. отмечает важность разработок в сфере мониторинга интернет-пространства и анализирует различные теоретико-методологические подходы к пониманию категории «оперативно-розыскной», «правоохранительный» мониторинг сети Интернет, а также, обобщая научные труды других ученых, дает оптимальное определение подобному термину [2]. Под ним он понимает систематическую деятельность по наблюдению за объектами и процессами в сети Интернет, осуществляемую уполномоченными субъектами, с применением специальных методов для достижения целей, поставленных перед правоохранитель-

ными органами. Следует отметить, что в статье 16.2 Федерального закона № 149 регламентируется порядок мониторинга в отношении информации и (или) информационных ресурсов в сети Интернет.

Для определения объекта данной научной статьи можно использовать термин, встречающийся в работе профессора Е.И. Галяшиной [3] – «речевые действия, образующие состав правонарушений». Данный термин, на наш взгляд, целесообразно использовать и применительно к составам преступлений, предусмотренных статьями 148, 297, 319 и 336 УК РФ¹, а также статьей 5.61 и частью 3 статьи 20.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях².

Результаты исследования

Оскорбление – преступление или правонарушение, направленное на унижение чести и умаление достоинства личности. 21 статья Конституции РФ³ предусматривает охрану достоинства личности государством, 23 статья также упоминает важность охраны чести, достоинства и доброго имени.

Само понятие «оскорбление» не имеет четкого определения в уголовном праве, лишь в статье 5.61 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях под оскорблением понимается унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной или иной противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности форме.

Согласно статье 10.6 Федерального закона № 149-ФЗ⁴, владелец социальной сети обязан соблюдать требования законодательства Российской Федерации, в частности, осуществлять мониторинг социальной сети в целях выявления информации, выражающей в неприличной форме, которая оскорбляет человеческое достоинство и общественную нравственность, явное неуваже-

ние к обществу, государству, официальным государственным символам Российской Федерации, Конституции Российской Федерации или органам, осуществляющим государственную власть в Российской Федерации. Продолжая данное положение, следует сделать вывод об обязанности социальных сетей производить самостоятельный мониторинг интернет-пространства на предмет наличия оскорблений различных субъектов российского правового поля. Порядок блокировки страниц и сайтов предусмотрен статьей 15.1 Федерального закона № 149-ФЗ. Одним из оснований для включения в Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети Интернет и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети Интернет, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено, будет являться требование Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Порядок рассмотрения уведомлений описан в соответствующем приказе Генеральной прокуратуры от 26.08.2019 № 596⁵.

Мониторинг осуществляется на основании приказа Роскомнадзора от 02.02.2023 № 13⁶ радиочастотной службой в соответствии с подпунктом «д» пункта 4 Положения о радиочастотной службе, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 14.05.2014 № 434⁷.

Оскорбление в интернет-пространстве будет иметь определенную специфику как при правовой квалификации, так и при расследовании преступления. Верховный Суд Российской Федерации в обзоре судебной практики от 30 июня 2021 года № 2 разъяснил, что ответственность по данной статье наступает и за публикации в социальных сетях, и за частные переписки в мессенджерах. Применительно к объектам уголовно-правовой защиты оскорбление, например представителя власти, должно содержать элемент публичности,

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 14.02.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 (дата обращения: 28.08.2023).

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 25.12.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661 (дата обращения: 28.08.2023).

³ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399 (дата обращения: 28.08.2023).

⁴ Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798 (дата обращения: 28.08.2023).

⁵ Об утверждении Инструкции о порядке рассмотрения уведомлений и заявлений о распространяемой с нарушением закона информации в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети Интернет: приказ Генпрокуратуры России от 26.08.2019 № 596 (ред. от 24.03.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_332385 (дата обращения: 28.08.2023).

⁶ Об утверждении порядка проведения мониторинга информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», а также определении видов информации и (или) информационных ресурсов, в отношении которых проводится мониторинг: приказ Роскомнадзора от 02.02.2023 № 13 (Зарегистрировано в Минюсте России 31.03.2023 № 72824). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_443618 (дата обращения: 28.08.2023).

⁷ О радиочастотной службе (вместе с «Положением о радиочастотной службе»): постановление Правительства РФ от 14.05.2014 № 434 (ред. от 09.10.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163059 (дата обращения: 28.08.2023).

то есть быть доступным для восприятия неопределенным кругом лиц. Особенность социальных сетей состоит в доступности для ознакомления каждой записи для любого пользователя (если настройки аккаунта позволяют ограничить доступ для публикаций, например, путем установки закрытого доступа, то фактор публичности, по нашему мнению, не будет иметь место).

Верховный Суд Российской Федерации также разъяснил, что подразумевается под публичностью. Вопрос о публичности оскорбительных действий должен разрешаться судами с учетом места, способа, обстановки и других обстоятельств дела. Публичность может заключаться и в размещении оскорбительных сведений в средствах массовой информации, в сети Интернет на сайтах, форумах или в блогах, открытых для широкого круга лиц¹.

При криминалистическом анализе подобных материалов возникает ряд проблем. При расследовании оскорблений, совершенных в мессенджерах, необходимо своевременно зафиксировать подобные действия, поскольку существует вероятность удаления сообщения конкретным пользователем или в автоматическом режиме, например, при установлении срока существования сообщения в канале социальной сети «Телеграм». Это можно осуществить при помощи графических редакторов, программ и расширений для браузеров, позволяющих сделать скриншот экрана ПК, а также идентифицировать его в дальнейшем при визуальном наличии URL, времени и даты публикации материала, а также времени и даты фиксации такого материала. После фиксации изображения необходимо будет сохранить на флеш-носитель с отдельным указанием хеш-суммы файлы во избежание фактов случайного или намеренного искажения первоначального содержания скриншота. В таком случае возможности расследования будут крайне ограничены.

Подобные данные могут быть проанализированы в автоматическом режиме (с применением средств ручного контроля, программных комплексов по анализу, сбору и фиксации URL в интернет-пространстве) и полностью ручном режиме путем использования навыков и умений специалистов по анализу информации. А.Л. Осипенко отмечает, что оперативно-розыскной мониторинг сетевых информационных ресурсов, которые представляют оперативный интерес, реализуется

через их автоматизированный поиск, оперативно-розыскное изучение и наблюдение за закрытыми для широкого круга лиц местами сетевого общения, содержащими признаки противоправной деятельности [4]. Главный вопрос будет состоять в целесообразности подобной деятельности и в соотношении полученных результатов в виде информации, представляющей интерес для органов предварительного расследования. Подобный мониторинг возможен как на стадии до возбуждения уголовного дела в порядке ст. 144 УПК РФ, так и при осуществлении отдельных следственных действий.

Мониторинг интернет-пространства, под которым необходимо понимать доступные на территории Российской Федерации ресурсы (в том числе и с помощью применения VPN-технологий), которые созданы, содержат информацию, а равно направленные на граждан Российской Федерации. В отношении социальных сетей или ресурсов, доступ к которым ограничен на основании решений Генеральной прокуратуры Российской Федерации или иных органов, осуществляющих надзор в сфере коммуникационных технологий сети Интернет, необходимо рассмотрение их как ресурсов с ориентирующей информацией, поскольку, например, социальные сети Twitter, Facebook и Instagram (продукты компании Meta Platforms Inc, признанной экстремистской по решению Тверского районного суда Москвы)² продолжают находиться в поле зрения российских граждан.

В отношении социальных сетей и ресурсов, осуществляющих деятельность на территории Российской Федерации и имеющих постоянные представительства на ее территории, правоохранительные органы имеют значительно больше возможностей, «рычагов» влияния. Так, социальная сеть «ВКонтакте» имеет практику предоставления данных аккаунта подозреваемого по запросу правоохранительных органов, в том числе и данных для ограниченного доступа³.

Дополнительными гарантиями прав и свобод рядовых пользователей социальных сетей должно стать решение суда о предоставлении информации, которая может служить поводом для возбуждения уголовного дела или дела об административных правонарушениях, или четко регламентированные полномочия органов исполнительной власти, например, ст. 13 ФЗ «О Федеральной службе безопасности», ст. 6, 8 ФЗ

¹ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.06.2023 № 14. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_448841 (дата обращения: 28.08.2023).

² Постановление Тверского районного суда г. Москвы от 20.06.2022 по делу № 02-2473/2022. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/tverskoj/services/cases/civil/details/de7ea6a0-a3ab-11ec-8a7e-51b31fb55b35> (дата обращения 28.08.2023).

³ Правила защиты информации о пользователях сайта VK.com. URL: <https://vk.com/privacy> (дата обращения: 28.08.2023).

«Об оперативно-розыскной деятельности», ч. 4 ст. 21 и ст. 86 Уголовно-процессуального кодекса, п. 4 ч. 1 ст. 13 ФЗ «О полиции», п. 1 ч. 3 ст. 7 ФЗ «О Следственном комитете», ч. 1 ст. 22 ФЗ «О прокуратуре» и др. Это позволит снизить негативные последствия в медиапространстве как для самой социальной сети, так и для правоохранительных органов.

Также необходимо отметить, что осуществлению мониторинга не препятствует установление какой-либо формы сотрудничества администрации социальной сети с правоохранительными органами. Если ресурс доступен на территории Российской Федерации, то есть и возможности по сбору и анализу материалов с потенциально противоправным содержанием. Важным условием будет разделение полномочий и функций органов или организаций при такой деятельности. Важным нормативным правовым актом является постановление Правительства Российской Федерации от 26 октября 2012 г. № 1101 «О единой автоматизированной информационной системе «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено» (с изменениями и дополнениями), которое определяет перечень оснований для ограничения доступа к информации на сайте. Необходимо разделять сам мониторинг и деятельность по его оценке, в том числе и с привлечением специалистов, обладающих специальными знаниями. Последний тезис не исключает использования специальных знаний лиц, имеющих юридическое или филологическое образование. Привлечение специалистов в области анализа информации с подобным образованием будет способствовать более качественному обнаружению, фиксации и исследованию ресурсов сети Интернет, а также позволит более точно определить обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу.

Сама деятельность по мониторингу может быть осуществлена в рамках уголовного преследования или по делам об административных правонарушениях следователем или дознавателем. В таких случаях объем информации, подлежащей криминалистическому анализу, будет ограничен рамками информационного массива лиц по соответствующей категории дел. Например, после получения информации о назначении судебного заседания была получена оперативная информация о готовящейся провокации со стороны обви-

няемых, которая будет включать как перфоманс в зале судебного заседания, так и соответствующую информационно-психологическую операцию по дискредитации лиц, осуществляющих правосудие или предварительное расследование, что подлежит квалификации по статье 294 УК РФ как воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования.

Осуществление мониторинга позволит снизить затраты времени на поиск, обнаружение, фиксацию, упаковку и исследование материалов по уголовному делу или делу об административных правонарушениях. Безусловно, следователь или дознаватель при осмотре телефона или иных компьютерно-технических устройств взаимодействует с массивом данных и осуществляет сбор и фиксацию информации о расследуемом событии при осмотре предметов и документов, предусмотренных статьями 144 и 176 УПК РФ. Такая информация может послужить основой для построения следственной версии, определения тактики дальнейших следственных действий, а также для определения круга подозреваемых и возможных свидетелей.

Мониторинг по поручению следователя в рамках осмотра предметов и документов возможен с привлечением специалиста, который при помощи специальных знаний осуществляет содействие следователю по обнаружению предметов и документов, имеющих отношение к делу. Специалист может указать следователю на существенные особенности технического устройства, с которого осуществлялся выход в Интернет, отобразить наиболее значимые для квалификации деяния URL, на которых, по его мнению, имеются признаки нарушения действующего законодательства, а также может помочь в фиксации полученных материалов на флеш-носитель.

По нашему мнению, большой объем информации и исследуемых материалов не позволяет осуществлять такую деятельность в одиночку (если речь идет о каком-либо популярном ресурсе или аккаунте), в особых случаях представляется логичным привлечение лицом, осуществляющим предварительное расследование, нескольких специалистов схожей компетенции. В таком случае стороны вправе ходатайствовать о привлечении дополнительного специалиста в соответствии со ст. 271 УПК РФ.

Большое количество специалистов может повлечь неоправданные финансовые затраты для судопроизводства, не говоря уже о сроках осуществления такой деятельности и проверки компетенции специалистов, осуществляющих

мониторинг. Проблемными вопросами остаются возможная нехватка специалистов в области анализа информации, а также оплата расходов, связанных с привлечением специалиста, которые, согласно ст. 131 УПК РФ, являются процессуальными издержками и оплачиваются либо за счет средств федерального бюджета, либо за счет средств участников уголовного судопроизводства. В связи с этим предпочтительным будет привлечение специалистов только для содействия в сборе следов по преступлениям, связанным с оскорблениями различных субъектов, а также для постановки вопросов эксперту.

Деятельность по мониторингу не в связи с уже имеющимся производством по различной категории дел не ограничена в объемах и масштабах. Успешность такого мониторинга будет зависеть от структуры и отлаженности системы мониторинга, использования последних достижений научно-технического прогресса (нейронных технологий, программ для распознавания изображения среди как можно большей базы данных).

При организации подобной деятельности целесообразно определить круг источников, которые будут изучаться, а также сформировать систему по фиксации потенциально противоправного контента. Такая система может включать в себя различные программы для работы с электронными таблицами, визуализации и анализа данных, например, Microsoft Excel и его аналоги.

После определения круга источников необходимо осуществить их мониторинг при помощи словаря ключевых слов по интересующей тематике. Если, например, речь идет об оскорблении сотрудников правоохранительных органов, то целесообразным будет составить глоссарий оскорбительных слов и выражений для дальнейшего поиска подобных материалов. Также при обнаружении сообществ, особенно деструктивных, в которых пропагандируется неуважительное отношение к сотрудникам правоохранительных органов или иным лицам, оскорбление которых может повлечь уголовную или административную ответственность, подобные сообщества необходимо упорядочить и регулярно просматривать на предмет наличия нарушений.

При таком анализе могут использоваться программы для поиска по ключевым словам, в которых, помимо заложенных слов-маркеров, имеется возможность получения специалистом по мониторингу систематизированной информации с URL-адресами потенциальных правонарушителей.

Отдельно можно выделить сервисы для анализа публикаций в различных социальных сетях, например TGStat. Данный сервис позволяет сформировать поисковый запрос по ключевым словам с возможностью фильтрации по дате, языку-источнику, стране канала или чата, скрыть репосты и выгрузить результаты поиска в формате Excel-таблицы для дальнейшего анализа. Также немаловажным фактором является возможность просмотра удаленных публикаций. К недостаткам можно отнести высокую цену подписки, а также присутствие в базе данного ресурса только тех каналов и чатов, которые зарегистрировались на этом сайте.

Сбор доказательств по составам преступлений, содержащих оскорбления, должен осуществляться в соответствии с методами и средствами криминалистики, при этом необходимо учитывать последние достижения научно-технического прогресса. В данном случае речь идет о криминалистическом мониторинге, который предполагает его осуществление субъектом специальных знаний для решения вопросов, возникающих в процессе расследования по делу, а именно события преступления (времени и обстановки оскорбления), обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого, и других обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу.

Фиксация подобных материалов должна происходить с соблюдением правил, выработанных в криминалистике и теории оперативно-розыскной деятельности. При выявлении подобного материала специалисту необходимо осуществить фиксацию при помощи программ для создания скриншотов экрана, в дальнейшем такие материалы будут использоваться в рамках проведения исследований эксперта или анализа специалиста в форме распечатанных документов. В случае же с видео и фотоматериалами необходимо осуществить запись такого контента на флеш-носитель.

Обсуждение и заключение

Таким образом, возможности мониторинга интернет-пространства крайне перспективны и требуют проведения дальнейших научных исследований в области системного анализа мониторинга, под которым следует понимать прежде всего криминалистический мониторинг.

Успешная теоретическая разработка такого явления призвана способствовать более оперативному реагированию на подобные угрозы в интернет-пространстве.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ганеева Ж.Г. Определение понятия «мониторинг» в различных сферах его применения // Вестник ЧелГУ. 2005. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opredelenie-ponyatiya-monitoring-v-razlichnyh-sferah-ego-primeneniya> (дата обращения: 20.03.2023).
2. Кутузов А.В. Оперативно-розыскной мониторинг сети интернет как элемент противодействия преступлениям экстремистской направленности // Вестник КГУ. 2020. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/operativno-rozysknoy-monitoring-seti-internet-kak-element-protivodeystviya-prestupleniyam-ekstremistskoj-napravlenosti> (дата обращения: 20.03.2023).
3. Галяшина Е.И. Судебное речеведение. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2020. 320 с.
4. Осипенко А.Л. Новое оперативно-розыскное мероприятие «Получение компьютерной информации»: содержание и основы осуществления // Вестник Воронежского института МВД России. 2016. № 3. С. 83 – 90.

REFERENCES

1. Ganeeva ZH.G. Opredelenie ponyatiya «monitoring» v razlichnyh sferah ego primeneniya // Vestnik CHelGU. 2005. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opredelenie-ponyatiya-monitoring-v-razlichnyh-sferah-ego-primeneniya> (data obrashcheniya: 20.03.2023).
2. Kutuzov A.V. Operativno-rozysknoj monitoring seti internet kak element protivodeystviya prestupleniyam ekstremistskoj napravlenosti // Vestnik KGU. 2020. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/operativno-rozysknoy-monitoring-seti-internet-kak-element-protivodeystviya-prestupleniyam-ekstremistskoj-napravlenosti> (data obrashcheniya: 20.03.2023).
3. Galyashina E.I. Sudebnoe rechevedenie. Moskva: Norma: INFRA-M, 2020. 320 s.
4. Osipenko A.L. Novoe operativno-rozysknoe meropriyatie «Poluchenie komp'yuternoj informacii»: sodержanie i osnovy osushchestvleniya // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2016. № 3. S. 83 – 90.

Информация об авторе:

Спирев Дмитрий Вадимович, аспирант Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина, dmitryspirev@yandex.ru
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Spirev Dmitry V., Postgraduate Student of Kutafin Moscow State Law Academy, dmitryspirev@yandex.ru
The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 20.09.2023.

Статья принята к публикации: 20.03.2024.

Статья опубликована онлайн: 22.03.2024.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Научная статья
УДК 343.13
DOI: 10.37973/KUI.2024.36.44.014

ЭЛЕКТРОННЫЕ ДОКУМЕНТЫ В ДОКАЗЫВАНИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ, СОВЕРШЕННЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО- ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Евгений Сергеевич Храмцов
Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия,
eskhramtsov@yandex.ru

Аннотация

Введение: в статье рассмотрена роль электронных документов в доказывании по уголовным делам о преступлениях против собственности, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Затронуты практические аспекты собирания доказательств в ходе осуществления уголовного преследования, в том числе в виде электронных документов.

Материалы и методы: применялся общенаучный метод анализа статистических данных, материалов уголовных дел и законодательства, а также частнонаучный метод толкования правовых норм.

Результаты исследования: выявлена одна из причин, снижающих эффективность процедуры собирания доказательств при расследовании преступлений исследуемой категории.

Обсуждение и заключение: автор предлагает внести изменения в федеральное законодательство, направленные на сокращение сроков собирания доказательств при расследовании исследуемой категории преступлений.

Ключевые слова: уголовный процесс; доказывание; преступления против собственности; информационно-телекоммуникационные технологии; федеральное законодательство; электронный документ; электронная подпись

© Храмцов Е.С., 2024

Для цитирования: Храмцов Е.С. Электронные документы в доказывании по уголовным делам о преступлениях против собственности, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. № 1 (55). С. 125 – 132. DOI: 10.37973/KUI.2024.36.44.014

Scientific article
UDC 343.13
DOI: 10.37973/KUI.2024.36.44.014

ELECTRONIC DOCUMENTS IN PROVING IN CRIMINAL CASES ON CYBER CRIMES AGAINST PROPERTY

Evgenii Sergeevich Khramtsov
Nizhny Novgorod Academy of MIA of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation,
eskhramtsov@yandex.ru

Abstract

Introduction: the author considers the role of electronic documents in evidence in criminal cases on property crimes committed using computer resources, raised practicalities of gathering evidence during criminal prosecution, including documents in electronic form.

Materials and Methods: the author used the universal method of analysis of statistics, case materials and legislation, as well as the specific method of interpretation of legal norms.

Results: in the course of the study the author identified one of the reasons that affect the efficiency of evidence collection during the investigation of these crimes.

Discussion and Conclusions: it is proposed to amend the federal legislation in order to reduce the time for obtaining evidence in the investigation of the above category of crimes.

Keywords: criminal procedure; proving; crimes against property; information and telecommunication technologies; federal legislation; electronic document; electronic signature

© Khramtsov E.S., 2024

For citation: Khramtsov E.S. Electronic Documents in Proving in Criminal Cases on Cyber Crimes against Propertys. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2024;15(1):125-132. (In Russ.). DOI: 10.37973/KUI.2024.36.44.014

Введение

На протяжении длительного времени продолжается активный рост количества преступлений, совершенных посредством информационно-телекоммуникационных технологий. Анализ данных ГИАЦ МВД России за 2021 год свидетельствует, что в январе – марте 2021 года зарегистрировано 135,8 тысяч преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, что на 37,7% больше, чем за аналогичный период 2020 года¹. При этом данные за 2023 год свидетельствуют о том, что в январе – марте 2023 года зарегистрировано уже 152,4 тысячи таких преступлений, из которых 75,6% совершаются с использованием сети Интернет, 43,3% – с использованием средств мобильной связи².

Использование информационно-телекоммуникационных технологий при совершении преступлений исследуемой категории в большинстве случаев исключает прямой контакт преступника с потерпевшими, что, в свою очередь, усложняет процесс установления личности преступника. Так, на примере Мурманской области, по данным, размещенным на официальном сайте Министерства внутренних дел Российской Федерации, за период с 13.05.2023 по 14.05.2023 в органы внутренних дел Мурманской области поступило 12 заявлений о преступлениях исследуемой категории, общий ущерб от действий преступников превысил 6 миллионов рублей, преступниками использованы различные дистанционные способы совершения преступлений, активно применены методы социальной инженерии, а также вирусное программное обеспечение³. Неизменными на протяжении исследуемого периода остаются средства, используемые преступниками для совершения преступлений данной категории: банковские

счета и карты, мобильная и почтовая связь, информационно-телекоммуникационная сеть Интернет. Данные средства оказывают влияние на практические аспекты собирания доказательств в ходе осуществления уголовного преследования, в том числе в виде электронных документов, поскольку предусматривают получение сведений, составляющих охраняемую федеральным законом тайну, что возможно только на основании судебного решения.

Анализ отечественного законодательства, регулирующего правоотношения в исследуемой области, позволит выработать предложения по его совершенствованию, а также повысить эффективность процедуры собирания доказательств в рамках расследования уголовных дел исследуемой категории.

Обзор литературы

В рамках исследования изучены работы ученых об электронных доказательствах в уголовном процессе: М.П. Полякова [1], А.Н. Прокопенко [2], А.А. Количенко [3], Ю.М. Усольцева [4]. Также изучены труды ученых на тему использования электронных документов в доказывании по уголовным делам: Н.Н. Бойко [5], А.Н. Савченко [6].

В то же время специфика процедуры собирания доказательств по уголовным делам исследуемой категории обуславливает необходимость детального изучения действующего отечественного законодательства и толкования содержащихся в нем правовых норм.

Материалы и методы

Нормы действующего отечественного законодательства, статистические сведения об актуальном состоянии преступности, материалы уголовных дел и результаты наблюдений, основанных на собственном опыте работы, выступили в качестве материалов исследования.

¹ Состояние преступности в России за январь – март 2021 года. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/2111940> (дата обращения: 19.05.2023).

² Состояние преступности в России за январь – март 2023 года. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/4739700> (дата обращения: 19.05.2023).

³ Новости УМВД России по Мурманской области. URL: <https://51.mvd.pf/news/item/38235072/> (дата обращения: 19.05.2023).

Анализ (статистических данных, действующего отечественного законодательства, материалов уголовных дел, а также результатов наблюдений, основанных на собственном опыте работы) и толкование правовых норм (действующего отечественного законодательства) использованы в качестве методов проведения исследования.

Результаты исследования

Основополагающие нормы, регулирующие правоотношения в области собирания доказательств по уголовным делам вышеуказанной категории, содержатся в Конституции Российской Федерации¹. Так, статья 8 Конституции Российской Федерации гарантирует защиту всех форм собственности. В то же время статья 23 Конституции Российской Федерации выступает гарантом неприкосновенности частной жизни, личной и семейной тайны, тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, но предусматривает возможность ограничения этого права только на основании судебного решения. Статья 45 Конституции Российской Федерации гарантирует государственную защиту прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации. Исключая поляризацию данных норм, статья 55 Конституции Российской Федерации предусматривает возможность ограничения прав и свобод человека и гражданина федеральными законами в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Анализируя нормы, содержащиеся в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации² (далее – УПК РФ), следует выделить положения статей 21, 86 УПК РФ, предусматривающие собирание доказательств в ходе уголовного судопроизводства дознавателем, следователем, прокурором путем производства следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных УПК РФ, в качестве одной из обязанностей при осуществлении уголовного преследования от имени государства в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, предусмотренных статьей 73 УПК РФ.

Неизменность используемых преступниками таких средств для совершения преступлений исследуемой категории, как банковские счета и карты, мобильная и почтовая связь, обусловлена длительным периодом, необходимым для получения лицами, уполномоченными осуществлять собирание доказательств информации от опера-

торов сотовой связи, банков, кредитных организаций и организаций, оказывающих услуги почтовой связи.

Рассмотрим в качестве примера уголовное дело № 12201470026000652, находящееся на архивном хранении в отделе полиции № 3 УМВД России по г. Мурманску, которое было возбуждено по факту хищения денежных средств. В ходе предварительного расследования было установлено, что при совершении преступления преступником была использована виртуальная карта АО «КИВИ Банк». 17.11.2022 дознавателем в АО «КИВИ Банк», офис которого расположен в г. Москве, направлено решение суда, полученное дознавателем в порядке, предусмотренном статьей 165 УПК РФ, с целью получения информации, охраняемой федеральным законодательством. Запрашиваемые сведения направлены АО «КИВИ Банк» в адрес дознавателя только 01.03.2023. Приведенный в данном примере период (с момента совершения преступления до получения дознавателем информации, необходимой для доказывания) достаточен для сокрытия преступником следов преступления. При этом не представляется возможным достоверно отследить дату получения кредитной организацией решения суда для принятия решения о привлечении его руководителя к установленной законом ответственности. Проблема длительного времени, затрачиваемого следователем или дознавателем для получения информации, необходимой для доказывания, в сравнении с временными затратами преступника на совершение операций по переводу денежных средств, уже обозначалась нами ранее с приведением эмпирических данных в статье «Проблемные вопросы доказывания по уголовным делам о преступлениях против собственности, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий» [7].

Специфика собирания доказательств в данной области обусловлена необходимостью получения сведений, составляющих охраняемую федеральным законом тайну, в порядке, установленном статьей 165 УПК РФ. Положения данной статьи содержатся во всех отсылочных нормах УПК РФ, регулирующих правоотношения в области собирания доказательств в случаях, если получаемая информация охраняется федеральным законодательством (статьи 12, 13, 182, 183, 185, 186, 186.1), предусматривая судебный порядок получения разрешения для производства следственного действия.

¹ Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 24.05.2023).

² Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 28.04.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 09.05.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 26.05.2023).

Исключением будет являться положение, закрепленное в части 4 статьи 21 УПК РФ, предусматривающее обязательность исполнения запросов следователя и дознавателя, которое во взаимосвязи с положениями, содержащимися в статье 26 Федерального закона «О банках и банковской деятельности»¹, предоставляет возможность получения от кредитных организаций при наличии согласия руководителя следственного органа органами предварительного следствия по делам, находящимся в их производстве, справок по операциям и счетам юридических лиц и граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, справок по счетам и вкладам физических лиц, содержащих тайну об операциях, о счетах и вкладах своих клиентов и корреспондентов. Вышеуказанная взаимосвязь норм активно применяется в следственной практике, однако не предоставляет аналогичных полномочий дознавателям. В то же время статья 27 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» не предусматривает наложение ареста и обращение взыскания на денежные средства и иные ценности, находящиеся в кредитной организации, без судебного решения.

В продолжение анализа норм действующего законодательства, регулирующих правоотношения в области собирания доказательств по уголовным делам исследуемой категории, установлена аналогичная взаимосвязь положения, закрепленного в части 4 статьи 21 УПК РФ, с положением статьи 26 Федерального закона «О национальной платежной системе»², предусматривающим обеспечение банковской тайны в платежной системе, поскольку содержит бланкетную отсылочную норму к законодательству Российской Федерации о банках и банковской деятельности.

Также следует отметить нахождение во взаимосвязи положений, закрепленных в части 5 статьи 64 Федерального закона «О связи»³, и статью 15 Федерального закона «О почтовой связи»⁴ с положениями статей 165, 185, 186, 186.1 УПК РФ в части оказания операторами связи уполномоченным государственным органам содействия в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства при наложении ареста

на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемку, при проведении контроля и записи переговоров, при получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. Данная взаимосвязь обусловлена тайной связи, закрепленной в статье 23 Конституции Российской Федерации, статье 63 Федерального закона «О связи», а также статье 2 Федерального закона «О почтовой связи».

В аналогичной взаимосвязи с нормами уголовно-процессуального законодательства находится положение, закрепленное в статье 3 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»⁵, предусматривающее неприкосновенность частной жизни, недопустимость сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни лица без его согласия. Однако данный Федеральный закон не предусматривает исключительные случаи получения данной информации следователем или дознавателем по уголовным делам, находящимся в их производстве.

Рассматривая возможность использования электронных документов в доказывании по уголовным делам исследуемой категории, следует упомянуть, что, в соответствии с частью 1 статьи 74 УПК РФ, доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основании которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном УПК РФ, устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию. Пунктом 6 части 2 статьи 74, статьей 84 УПК РФ предусмотрен допуск иных документов в качестве доказательств наряду с показаниями подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, заключением и показаниями эксперта (специалиста), вещественными доказательствами, протоколами следственных и судебных действий. В соответствии с пунктом 3 части 1 статьи 81 УПК РФ вещественными доказательствами признаются иные предметы и документы, которые могут служить средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела.

В приведенных нормах отсутствует прямое указание на возможность использования в каче-

¹ О банках и банковской деятельности: Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 (в ред. от 29.12.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 18.05.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5842/ (дата обращения: 26.05.2023).

² О национальной платежной системе: Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ (в ред. от 28.12.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.01.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115625/ (дата обращения: 26.05.2023).

³ О связи: Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ (в ред. от 18.03.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 18.03.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_43224/ (дата обращения: 26.05.2023).

⁴ О почтовой связи: Федеральный закон от 17.07.1999 № 176-ФЗ (в ред. от 18.03.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.05.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6719/ (дата обращения: 26.05.2023).

⁵ Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (в ред. от 29.12.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2023) URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения: 26.05.2023).

стве доказательств по уголовным делам на стадии предварительного расследования электронных документов. УПК РФ не содержит понятия «электронный документ». Однако данное понятие раскрывается в части 11.1 статьи 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» как документированная информация, представленная в электронной форме, то есть в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах. Данное определение во взаимосвязи с положениями Федерального закона «Об электронной подписи»¹, позволяющими определить лицо, подписавшее электронный документ, и обнаружить факт внесения изменений в электронный документ после момента его подписания, не исключает возможности оценки электронного документа с точки зрения относимости, допустимости и достоверности в соответствии с правилами оценки доказательств, а также его допуск в качестве вещественного доказательства или иного документа в соответствии с положениями статей 74, 81, 84 УПК РФ в зависимости от доказательственного значения его формы и содержания.

Необходимо отметить, что порядок использования электронных документов в уголовном судопроизводстве все же нашел свое отражение в статье 474.1 УПК РФ. Однако основную проблему, исключающую возможность применения данной нормы для цели доказывания по уголовным делам исследуемой категории, составляет наличие запрета на содержание в ходатайстве сведений, составляющих охраняемую федеральным законом тайну.

Полагаем, отсутствие законодательного закрепления возможности использования в качестве доказательств электронных документов, подписанных усиленной квалифицированной подписью, исключает возможность использования в качестве таковых документов, полученных в электронном виде посредством сервисов электронного документооборота, существенно увеличивает сроки и снижает эффективность расследования уголовных дел.

С учетом диалектической взаимосвязи способов совершения преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, со способами их раскрытия, имеется необходимость внесения изменений в действующее законодательство, которые позво-

лят максимально повысить эффективность процедуры собирания доказательств в рамках расследования дистанционных преступлений при наличии закрепленной в УПК РФ возможности использования в доказывании электронных документов и дистанционного получения уполномоченными должностными лицами информации от операторов сотовой связи, банков, кредитных организаций и организаций, оказывающих услуги почтовой связи.

Таким образом, проведенным анализом норм действующего законодательства, регулирующих правоотношения в области собирания доказательств по уголовным делам о преступлениях исследуемой категории, в тесной взаимосвязи со сложившейся практикой расследования уголовных дел о преступлениях против собственности, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, выявлена одна из причин, снижающих эффективность процедуры собирания доказательств в рамках расследования уголовных дел – длительный период времени, необходимый для получения лицами, уполномоченными осуществлять собирание доказательств, информации от операторов сотовой связи, банков, кредитных организаций и организаций, оказывающих услуги почтовой связи.

В целях оптимизации законодательства в данной области ранее в своей статье «Оптимизация уголовно-процессуального законодательства в области доказывания по уголовным делам о преступлениях против собственности, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий» [8] мы указывали на целесообразность расширения предусмотренных частью 5 статьи 165 УПК РФ полномочий лиц, на которых возложена обязанность осуществлять собирание доказательств в части возможности производства в установленном порядке, в исключительных случаях не терпящих отлагательства следственных действий, предусмотренных статьями 183, 185, 186, 186.1 УПК РФ, связанных с получением информации, охраняемой федеральным законодательством, на основании собственного постановления без получения судебного решения с последующим уведомлением (не позднее 3 суток с момента начала производства следственного действия) судьи и прокурора о производстве следственного действия.

Однако с учетом проведенного анализа федерального законодательства полагаем, что для решения обозначенной проблемы требуется также внесение изменений в статьи 84 и 474.1 УПК РФ,

¹ Об электронной подписи: Федеральный закон от 06.04.2011 № 63 (в ред. от 28.12.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112701/ (дата обращения: 26.05.2023).

статью 26 Федерального закона «О банках и банковской деятельности», статью 10.1 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статью 64 Федерального закона «О связи» в целях реализации возможности использования электронных документов в доказывании по уголовным делам исследуемой категории.

Предложенные изменения могут оказать существенное влияние на сокращение сроков и повышение эффективности расследования уголовных дел о преступлениях, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Однако с учетом отсутствия на протяжении длительного времени реформирования законодательства в уголовно-процессуальной сфере, влекущего существенное изменение ситуации в борьбе с киберпреступлениями, для решения выявленных проблем требуется комплексный подход к изменению действующего законодательства.

Обсуждение и заключение

Выявленная причина, по нашему мнению, является следствием отсутствия реформирования отдельных норм уголовно-процессуального права и иных нормативных правовых актов, необходимость которого назревает давно с развитием современных технологий, предоставившим пользователям возможность быстрого и удаленного решения различного рода жизненных вопросов, будь то получение кредитов, онлайн-переводы денежных средств либо онлайн-покупки.

Данная причина, по нашему мнению, может быть устранена путем конкретизации возможности использования электронных документов в качестве доказательств по уголовным делам (дополнением части второй статьи 84 УПК РФ после слов «настоящего Кодекса» словами «, в том числе в электронном виде.»), также исключением в части первой статьи 474.1 УПК РФ слов «не содержащие сведений, составляющих охраняемую федеральным законом тайну», исключением в части четвертой статьи 474.1 УПК РФ слов «за исключением решения, содержащего сведения, составляющие охраняемую федеральным законом тайну.».

Кроме того, в целях гармонизации действующего законодательства целесообразно расширить полномочия должностных лиц, уполномоченных осуществлять предварительное расследование в форме дознания, соответственно полномочиям лиц, уполномоченным осуществлять предварительное следствие, изложив абзац второй статьи 26 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» в следующей редакции: «Справки по операциям и счетам юридических лиц и гражд-

дан, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, выдаются кредитной организацией им самим, судам и арбитражным судам (судьям), Счетной палате Российской Федерации, налоговым органам, Фонду пенсионного и социального страхования Российской Федерации и органам принудительного исполнения судебных актов, актов других органов и должностных лиц в случаях, предусмотренных законодательными актами об их деятельности, следователям с согласия руководителя следственного органа, а также дознавателям с согласия прокурора по делам, находящимся в их производстве...», изложив абзац четвертый статьи 26 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» в следующей редакции: «Справки по счетам и вкладам физических лиц выдаются кредитной организацией им самим, судам, органам принудительного исполнения судебных актов, актов других органов и должностных лиц, организации, осуществляющей функции по обязательному страхованию вкладов, при наступлении страховых случаев, предусмотренных Федеральным законом «О страховании вкладов в банках Российской Федерации», следователям с согласия руководителя следственного органа, а также дознавателям с согласия прокурора по делам, находящимся в их производстве.».

Представляется обоснованным конкретизировать обязанность предоставления информации организаторами распространения информации в сети Интернет и операторами связи органам предварительного расследования по делам, находящимся в их производстве, изложив часть 3.1 статьи 10.1 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» в следующей редакции: «3.1. Организатор распространения информации в сети «Интернет» обязан предоставлять указанную в пункте 3 настоящей статьи информацию уполномоченным государственным органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность или обеспечение безопасности Российской Федерации, а также органам предварительного расследования по делам, находящимся в их производстве, в случаях, установленных федеральными законами.», изложив часть 1.1 статьи 64 Федерального закона «О связи» в следующей редакции: «1.1. Операторы связи обязаны предоставлять уполномоченным государственным органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность или обеспечение безопасности Российской Федерации, а также органам предварительного расследования по делам, находящимся в их производстве, указанную информацию, информацию о пользователях ус-

лугами связи и об оказанных им услугах связи и возложенных на эти органы задач, в случаях, установленную информацию, необходимую для выполнения новленных федеральными законами.»

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Поляков М.П., Смолин А.Ю. Концептологический анализ феномена электронных доказательств // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 2 (46). С. 135 – 145. DOI 10.24411/2078-5356-2019-10222. EDN LOOKHD.
2. Прокопенко А.Н., Страхов А.А. Правовые основания получения электронных доказательств посредством осмотра и изъятия электронных носителей // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. 2023. № 1. С. 50 – 56. EDN MVCCFW.
3. Количенко А.А. Электронные носители информации как источник получения электронных доказательств в уголовном процессе // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2022. Т. 13. № 1 (47). С. 114 – 121. DOI 10.37973/KUI.2022.69.32.016. EDN MHOATZ.
4. Усольцев Ю.М., Усольцева Н.А. Метаданные электронного сообщения как электронное доказательство в уголовном процессе // Северный регион: наука, образование, культура. 2021. № 1 (47). С. 29 – 34. DOI 10.34822/2312-377X-2021-1-29-34. EDN EUZZRI.
5. Бойко Н.Н., Юлбердина Л.Р. Использование электронного документооборота и электронного документа как доказательства в суде // Право и государство: теория и практика. 2019. № 8 (176). С. 108 – 109. EDN XIQVMY.
6. Савченко А.Н. Об электронном документе в досудебном уголовном производстве // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14, № 1 (51). С. 138 – 145. DOI 10.37973/KUI.2023.57.45.018. EDN UCCNQJ.
7. Храмов Е.С. Проблемные вопросы доказывания по уголовным делам о преступлениях против собственности, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2021. № 3 (55). С. 141 – 144. DOI 10.36511/2078-5356-2021-3-141-144. EDN UXAUFO.
8. Храмов Е.С. Оптимизация уголовно-процессуального законодательства в области доказывания по уголовным делам о преступлениях против собственности, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 2 (58). С. 239 – 243. DOI 10.36511/2078-5356-2022-2-239-243. EDN RYAPRG.

REFERENCES

1. Polyakov M.P., Smolin A.YU. Konzeptologicheskij analiz fenomena elektronnyh dokazatel'stv // YUridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2019. № 2 (46). S. 135 – 145. DOI 10.24411/2078-5356-2019-10222. EDN LOOKHD.
2. Prokopenko A.N., Strahov A.A. Pravovye osnovaniya polucheniya elektronnyh dokazatel'stv posredstvom osmotra i iz'yatiya elektronnyh nositelej // Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I.D. Putilina. 2023. № 1. S. 50 – 56. EDN MVCCFW.
3. Kolichenko A.A. Elektronnye nositeli informacii kak istochnik polucheniya elektronnyh dokazatel'stv v ugovnom processe // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2022. T. 13. № 1 (47). S. 114 – 121. DOI 10.37973/KUI.2022.69.32.016. EDN MHOATZ.
4. Usol'cev YU.M., Usol'ceva N.A. Metadannye elektronnoho soobshcheniya kak elektronnoe dokazatel'stvo v ugovnom processe // Severnyj region: nauka, obrazovanie, kul'tura. 2021. № 1(47). S. 29 – 34. DOI 10.34822/2312-377X-2021-1-29-34. EDN EUZZRI.
5. Bojko N.N., YUlberdina L.R. Ispol'zovanie elektronnoho dokumentooborota i elektronnoho dokumenta kak dokazatel'stva v sude // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2019. № 8 (176). S. 108 – 109. EDN XIQVMY.
6. Savchenko A.N. Ob elektronnom dokumente v dosudebnom ugovnom proizvodstve // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2023. T. 14, № 1 (51). S. 138 – 145. DOI 10.37973/KUI.2023.57.45.018. EDN UCCNQJ.
7. Hramcov E.S. Problemnye voprosy dokazyvaniya po ugovnym delam o prestupleniyah protiv sobstvennosti, sovershennyh s ispol'zovaniem informacionno-telekommunikacionnyh tekhnologij // YUridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2021. № 3(55). S. 141 – 144. DOI 10.36511/2078-5356-2021-3-141-144. EDN UXAUFO.

8. Hramcov E.S. Optimizaciya ugovovno-processual'nogo zakonodatel'stva v oblasti dokazyvaniya po ugovovnym delam o prestupleniyah protiv sobstvennosti, sovershennyh s ispol'zovaniem informacionno-telekommunikacionnyh tekhnologij // YUridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2022. № 2 (58). S. 239 – 243. DOI 10.36511/2078-5356-2022-2-239-243. EDN RYAPRG.

Информация об авторе:

Храмцов Евгений Сергеевич, адъюнкт Нижегородской академии МВД России, eskhramtsov@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Khramtsov Evgenii S., Postgraduate Student of Nizhny Novgorod Academy of MIA of Russia, eskhramtsov@yandex.ru

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 09.08.2023.

Статья принята к публикации: 20.03.2024.

Статья опубликована онлайн: 22.03.2024.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Научная статья
УДК 343.2/.7
DOI: 10.37973/KUI.2024.59.11.015

КРАЖА ИЗ «ЧУЖОГО КАРМАНА»: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Дмитрий Борисович Чернышев,
Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Россия,
Sledstvient404@mail.ru

Аннотация

Введение: в статье рассматривается проблема квалификации кражи имущества из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при лице, не являющемся собственником похищенного, то есть не подлежащим признанию потерпевшим.

Материалы и методы: материалами явились вступившие в силу решения судов, научные исследования. Методологическую основу исследования составили методы системного анализа российского уголовного законодательства, анализ судебной практики.

Результаты исследования: в ходе исследования автором рассмотрена проблема квалификации тайного хищения имущества у лица, не обладающего по отношению к имуществу классической триадой полномочий, образующих право собственности. Установлена проблема невозможности формального признания его потерпевшим согласно существующей редакции п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ, что препятствует квалификации в соответствии с фактическими обстоятельствами совершенного преступления.

Обсуждение и заключение: автором предложено внести изменения в диспозицию п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ, изложив ее в следующей редакции: «кража, то есть тайное хищение чужого имущества, совершенная из одежды, сумки или другой ручной клади, находящихся при собственнике или ином владельце».

Ключевые слова: карманная кража; собственник; потерпевший; чужое имущество; владелец; продавец; одежда

© Чернышев Д.Б., 2024

Для цитирования: Чернышев Д.Б. Кража из «чужого кармана»: проблемы квалификации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 1 (55). С. 133 – 137. DOI: 10.37973/KUI.2024.59.11.015

Scientific article
UDC 343.2/.7
DOI: 10.37973/KUI.2024.59.11.015

THEFT FROM "SOMEONE ELSE'S POCKET": QUALIFICATION PROBLEMS

Dmitry Borisovich Chernyshev,
Ural Law Institute of MIA of Russia, Yekaterinburg, Russia,
Sledstvient404@mail.ru

Abstract

Introduction: the article discusses the difficulties in determining the theft of property from personal belongings such as clothes, bags, or hand luggage that were not owned by the victim.

Materials and Methods: the study was based on court decisions that had come into force, as well as scientific studies. The methodological basis of the study was the systematic analysis of Russian criminal legislation and analysis of judicial practice.

Results: the author researched the issue of qualifying hidden theft of property from a person who does not possess the classical triad of powers that constitute the right of ownership. It was found that paragraph "d" of Part 2 of Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation poses a problem of impossibility in formal recognition as a victim, which precludes qualification in accordance with the actual circumstances of the crime committed.

Discussion and Conclusions: the author proposes an amendment to the disposition of paragraph "d" of Part 2 of Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation. The proposed amendment defines theft as the hidden theft of someone else's property from clothes, bags, or other hand luggage located with the owner or another owner.

Keywords: pickpocketing; owner; victim; other people's property; owner; seller; clothes

© Chernyshev D.B., 2024

For citation: Chernyshev D.B. Theft from "Someone Else's Pocket": Qualification Problems. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2024;15(1):133-137. (In Russ.). DOI: 10.37973/KUI.2024.59.11.015

Введение

Карманная кража является одним из наиболее древних видов преступного посягательства на собственность. Умение ловко и скрытно подобраться к жертве при постоянной опасности быть замеченным, завладеть имуществом, находящимся в одежде, всегда было признаком высокой преступной квалификации. Данное преступление даже нашло отражение в классических литературных произведениях. Так, совершение кражи из одежды, надетой на чучело, являлось испытанием для вступления в Парижскую гильдию воров в романе В. Гюго «Собор Парижской Богоматери» [1]. Подобный эпизод также описан в романе Ч. Диккенса «Приключения Оливера Твиста» [2]. Профессиональный характер карманных краж отмечается также в работах авторов, исследовавших их в криминологическом аспекте, в частности, отметим работы А.А. Тайбакова [3], А.В. Майорова [4] и др.

Это преступление не утратило свою актуальность и в настоящее время, о чем свидетельствует его закрепление в качестве самостоятельного квалифицирующего признака в п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ – «кража, совершенная из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем».

Следует согласиться с мнением И.А. Савенко, согласно которому причиной отнесения краж из одежды и ручной клади к квалифицированным формам хищения является их повышенная опасность, связанная с высоким уровнем преступного профессионализма лиц, их совершающих, и, как следствие, высоким уровнем латентности. Автор отмечает такие качества профессиональных карманников, как ловкость, смелость, решительность,

наблюдательность, знание психологии, быстрота реакции. Помимо этого, успешные карманные кражи, как правило, совершаются в соучастии, что также определяет их повышенную опасность в силу вовлечения большого числа лиц [5].

Согласно статистическим сведениям МВД России, в последние годы наблюдается тенденция снижения количества хищений, совершенных таким способом. Так, в 2018 году было зарегистрировано 41 021 преступление, предусмотренное п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ, в 2019 – 37 743, в 2020 – 25 558, в 2021 – 24 526, в 2022 – 23 086, за 9 месяцев 2023 года данный показатель составил 12 019¹. Полагаем, это вызвано в первую очередь общим трендом на переход корыстной преступности в киберпространство, связанным со снижением роли безналичных денежных средств в повседневной жизни и, как следствие, уменьшением популярности такой сложной преступной профессии, как карманник.

Тем не менее абсолютное количество зарегистрированных краж, совершенных подобным способом, свидетельствует о том, что норма, предусмотренная п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ, своей актуальности не утратила.

Обзор литературы

Вопросу изучения корыстной преступности, в частности, связанной с совершением карманных краж, посвящено значительное количество научных исследований, в том числе монографического уровня. Уголовно-правовому противодействию тайным хищениям чужого имущества посвящены работы Н.А. Лопашенко, А.Н. Коробеева, П.С. Яни, Н.А. Карповой, И.А. Савенко и других авторов. Также существует значитель-

¹ Министерство внутренних дел Российской Федерации. Состояние преступности. URL: <https://мвд.рф/reports/1/>

ное количество исследований в области криминологии и криминалистики: научные труды А.А. Тайбакова, Л.В. Кокоревой, А.К. Камаловой, А.В. Майорова и др.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составила совокупность общенаучного метода материалистической диалектики, а также частнонаучных методов сравнительно-правового анализа, формально-логического, а также метода контент-анализа.

В качестве материалов исследования выступили российское уголовное законодательство, судебные решения по уголовным делам, а также научная литература.

Результаты исследования

Рассмотрим недостаточно изученную проблему, находящуюся на стыке уголовного права и уголовного процесса, связанную с кражей из одежды имущества, не принадлежащего лицу, на котором она надета.

В качестве примера приведем уголовное дело, рассмотренное Тагилстроевским судом г. Нижнего Тагила по обвинению М. и О. в совершении преступления, предусмотренного п.п. «а», «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ. *Из материалов уголовного дела следует: объектом преступного посяательства подсудимых выступал передвижной пункт продажи фермерской молочной продукции «Молоковоз». В момент торговли на продавце поверх личной одежды был надет фартук с большим нагрудным карманом, который она использовала в качестве кассы. Таким образом, все денежные средства, находившиеся в данном кармане, принадлежали фермерскому хозяйству и составляли выручку от продажи продукции. Вступив в сговор, направленный на кражу указанных денежных средств, и, действуя согласно заранее распределенным ролям, М. разговором привлек на себя внимание продавца, в результате чего О. удалось незаметно приблизиться к ней и извлечь из кармана фартука денежные средства, составлявшие выручку от торговой деятельности в размере 22 500 рублей, принадлежавшие потерпевшему – фермерскому хозяйству¹.*

При этом похищенные денежные средства не принадлежали лицу, из чьей одежды они были похищены.

Согласно смыслу ст. 42 УПК РФ, потерпевшим от преступления, посягающего на собствен-

ность, является физическое либо юридическое лицо, непосредственно которому преступлением причинен имущественный вред. Трактую указанное положение буквально, можно сделать вывод, что потерпевшим от действий М. и О. является юридическое лицо – фермерское хозяйство, а не продавец.

Об этом свидетельствует сложившаяся судебная практика. В качестве примера приводим приговор, вынесенный 02.07.2021 Ясногорским городским судом Тульской области в отношении гр. К., обвинявшегося в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ. *Судом установлено, что подсудимый тайно похитил из помещения торгового зала магазина «Магнит», принадлежащего АО «Тандер», две бутылки вина. При этом потерпевшим было признано юридическое лицо АО «Тандер», являвшееся на основании представленных товарно-транспортных накладных и счетов-фактур собственником похищенной продукции. В данном случае потерпевшим от преступления было признано АО «Тандер»².*

В таком случае возникает вопрос: должно ли описанное выше хищение, совершенное М. и О., квалифицироваться как совершенное из одежды, находившейся при потерпевшем? С формальной точки зрения на данный вопрос можно ответить отрицательно, т. к. юридическое лицо не имеет материальной формы, не может иметь при себе одежду, сумку или другую ручную кладь. Данный факт подтверждается результативной частью приговора, согласно которому М. и О. были осуждены только по п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ, то есть за совершение кражи группой лиц по предварительному сговору.

Полагаем, в случае если бы похищенное имущество принадлежало физическому лицу, однако находилось в одежде, сумке или другой ручной клади другого лица, такие действия также нельзя было бы квалифицировать по п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ.

Как следует из п. 23.1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.12.2002 № 29, нахождение имущества при потерпевшем связывается с нахождением непосредственно в его руках либо в непосредственной близости, что необходимо расценивать как особую обстановку совершения хищения, когда имущество находится под контролем потерпев-

¹ Уголовное дело № 1-639/20217. Архив Тагилстроевского районного суда г. Нижнего Тагила Свердловской области. URL: https://tagilstroevsky--svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=332075015&case_uid=e-003aff5-9f8b-46de-82be-f8047efc178e&delo_id=1540006

² Уголовное дело № 1-53/2021. Архив Красногорского районного суда Тульской области. URL: https://yaznogorsky--tula.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=72154457&delo_id=1540006&new=0&text_number=1

шего [6]. Изъятие имущества при таких условиях требует использования особых криминальных приемов для преодоления данного препятствия и сопряжено с высокой опасностью для субъекта быть немедленно разоблаченным как потерпевшим, так и окружающими. В связи с этим, а также необходимостью физического контакта с потерпевшим в момент изъятия по уровню «дерзости» авторы ассоциируют такое хищение с грабежом, несущим, в силу пренебрежения риском быть задержанным, большую общественную опасность, чем кража [7].

Поскольку критерием криминализации выступает обстановка повышенной опасности для преступника (он может быть изобличен и задержан), возникает следующий вопрос: влияет ли на данную обстановку принадлежность имущества лицу, при котором оно находится? Снижается ли риск быть замеченным, из-за того что предмет хищения принадлежит иному лицу? Очевидно, что нет. Умысел виновного направлен на тайное изъятие чужого для него имущества. При этом субъект осознает обстановку повышенной для него опасности быть задержанным в момент совершения хищения.

Тем не менее существующая в настоящее время формулировка диспозиции п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ, а именно прямое указание на нахождение имущества при потерпевшем, ограничивает пределы применения указанной нормы только на случаи, когда предметом преступления выступает имущество, принадлежащее лицу, у которого непосредственно оно изымается, и не позволяет распространять ее действие на иные хищения, совершаемые при аналогичных условиях.

Полагаем, подобное положение противоречит логике законодателя, направленной на усиление криминализации отдельных способов совершения преступлений по юридико-криминологическому основанию [8]. Дефект заложен в формулировке диспозиции, связывающей похищенное имущество с ее собственником.

Рассмотрим причины выбора законодателем именно такого подхода. Ст. 158 УК РФ структурно размещается в главе 21 УК РФ «Преступления против собственности», в связи с этим в качестве непосредственного объекта преступления традиционно принято считать право собственности. Согласно ч. 1 ст. 209 Гражданского кодекса Российской Федерации собственнику принадлежит право владения, пользования и распоряжения имуществом, так называемая триада правомочий собственника [9]. В связи с этим в приведенном нами примере судебного решения, несмотря на

то, что изъятие было совершено у лица, обладающего лишь правом владения в отношении похищенных денежных средств (продавца), потерпевшим было признано юридическое лицо, обладающее всей триадой полномочий – фермерское хозяйство.

Разделение понятий собственности и владения при совершении хищения отражается также в примечании 1 к ст. 158 УК РФ, где причинение ущерба иному владельцу имущества указывается отдельно от собственника.

Обсуждение и заключение

Таким образом, наблюдается непоследовательность в подходе законодателя к определению потерпевшего от преступления. С одной стороны, хищение посягает на право собственности, являющееся таковым лишь в сочетании всех составляющих упомянутой триады правомочий; с другой – законодатель предусматривает возможность причинения ущерба при совершении хищения не только собственнику, но и иному владельцу.

Указание на возможность причинения ущерба не только собственникам, но и владельцам распространяется на все формы хищений, включая также кражу, совершенную из одежды, сумки или другой ручной клади. Следовательно, указание в диспозиции п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ на потерпевшего как обязательное условие квалификации является ошибочным, т. к. противоречит понятию хищения.

Решение указанной проблемы, по нашему мнению, заключается в применении расширенного толкования понятия потерпевшего, основанного на применении общих признаков хищения. Реализация данного предложения возможна путем исключения из диспозиции формулировки «при потерпевшем» и ее замены на установленные в определении понятия хищения лица «собственник и иной владелец».

В результате диспозицию п. «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ следует изложить следующим образом: *«кража, то есть тайное хищение чужого имущества, совершенная из одежды, сумки или другой ручной клади, находящихся при собственнике или ином владельце».*

Предложенные меры позволят расширить практику применения рассматриваемой нормы на все деяния, в полной мере отвечающие признаку общественной опасности данного преступления, обеспечить соблюдение принципов внутренней логики уголовного закона, а также устранить противоречия между понятием хищения и отдельными его видами.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гюго В. Собор Парижской богородицы. Москва: Эксмо, 2021. 576 с.
2. Диккенс Ч. Приключения Оливера Твиста. Москва: Лабиринт, 2022. 448 с.
3. Тайбаков А.А. Криминологическое исследование карманных краж и их предупреждение органами внутренних дел: дис. канд. юрид. наук: 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право. Москва, 1992. 197 с.
4. Майоров А.В. Криминологический портрет личности преступника, совершающего карманные кражи // Правопорядок: история, теория, практика. 2018. № 3 (18). С. 20 – 26.
5. Савенко И.А. Проблемы судебной практики по делам о кражах из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2015. № 3 (29). С. 34 – 35.
6. Яни П.С. Кража из одежды, сумки и другой ручной клади // Законность. 2016. № 5. С. 34 – 37.
7. Башков А.В. Кража имущества из одежды, сумки или другой ручной клади, находившихся при потерпевшем: спорный вопрос квалификации // Российский юридический журнал. 2014. № 6 (99). С. 42 – 45.
8. Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации. Владивосток: Изд-во Дальневосточ. ун-та, 1987. 268 с.
9. Анохин С.А. Право собственности как основополагающее право в системе вещных прав // Вестник экономической безопасности. 2020. № 2. С. 31 – 34.

REFERENCES

1. Gyugo V. Sobor Parizhskoj bogomateri. Moskva: Eksmo, 2021. 576 s.
2. Dickens CH. Priklyucheniya Olivera Tvista. Moskva: Labirint, 2022. 448 s.
3. Tajbakov A.A. Kriminologicheskoe issledovanie karmannyh krazh i ih preduprezhdenie organami vnutrennih del: dis. kand. jurid. nauk: 12.00.08 – Ugolovnoe pravo i kriminologiya; ugolovno-ispolnitel'noe pravo. Moskva, 1992. 197 s.
4. Majorov A.V. Kriminologicheskij portret lichnosti prestupnika, sovershayushchego karmannye krazhi // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. 2018. № 3 (18). S. 20 – 26.
5. Savenko I.A. Problemy sudebnoj praktiki po delam o krazhah iz odezhdy, sumki ili drugoj ruchnoj kladi, nahodivshihsy pri poterpevshe // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. 2015. № 3 (29). S. 34 – 35.
6. YAni P.S. Krazha iz odezhdy, sumki i drugoj ruchnoj kladi // Zakonnost'. 2016. № 5. S. 34 – 37.
7. Bashkov A.V. Krazha imushchestva iz odezhdy, sumki ili drugoj ruchnoj kladi, nahodivshihsy pri poterpevshe: spornyj vopros kvalifikacii // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. 2014. № 6 (99). S.42 – 45.
8. Sovetskaya ugolovno-pravovaya politika: problemy kriminalizacii i penalizacii. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevostoch. un-ta, 1987. 268 s.
9. Anohin S.A. Pravo sobstvennosti kak osnovopolagayushchee pravo v sisteme veshchnyh prav // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. 2020. № 2. S. 31 – 34.

Информация об авторе:

Чернышев Дмитрий Борисович, адъюнкт Уральского юридического института МВД России, Sledstvient404@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Chernyshev Dmitry B., Postgraduate of the Ural Law Institute of MIA of Russia, Sledstvient404@mail.ru

The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 18.12.2023.

Статья принята к публикации: 20.03.2024.

Статья опубликована онлайн: 22.03.2024.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Научная статья
УДК 341.482
DOI: 10.37973/KUI.2024.85.62.016

СИМВОЛ ВОИНСКОЙ СЛАВЫ КАК ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Ксения Владимировна Шевелева,
Российский технологический университет РТУ МИРЭА, Москва, Россия,
sheveleva@mirea.ru

Аннотация

Введение: статья посвящена исследованию правовой природы символа воинской славы как предмета преступлений, уточнению его уголовно-правовых признаков.

Обзор литературы: вопросам исследования символа воинской славы как правовой категории не уделено должного внимания в науке. Отметим единственное исследование О.Е. Спиридоновой, где автором изучен вопрос употребления термина «символ» в уголовном законодательстве Российской Федерации.

Материалы и методы: в процессе исследования использовались общенаучные (диалектический, системно-структурный), частные (формально-юридический, описательно-аналитический) методы.

Результаты исследования: в целях недопущения вольной интерпретации исследуемой категории автором предложено собственное определение символа воинской славы, обоснована необходимость включения его в действующие нормативные правовые акты, предложено законодательно утвердить перечень официальных символов воинской славы России.

Обсуждение и заключение: детализированы уголовно-правовые признаки исследуемого понятия, выявлена группа официальных символов воинской славы.

Ключевые слова: символ воинской славы России; предмет преступления; историческая память; реабилитация нацизма; объекты уголовно-правовой охраны

© Шевелева К.В., 2024

Для цитирования: Шевелева К.В. Символ воинской славы как предмет преступлений // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 1 (55). С. 138 – 145. DOI: 10.37973/KUI.2024.85.62.016

Scientific article
UDC 341.482
DOI: 10.37973/KUI.2024.85.62.016

SYMBOL OF MILITARY GLORY AS AN OBJECT OF CRIMES

Ksenia Vladimirovna Sheveleva,
Russian Technological University RTU MIREA, Moscow, Russia, sheveleva@mirea.ru

Abstract

Introduction: this article examines the legal nature of the 'symbol of military glory' as a criminal object and clarifies its criminal features.

Literature Review: reveals that the legal category of 'symbol of military glory' has not received sufficient attention in the field. The only study on the usage of the term 'symbol' in Russian criminal law was conducted by O.E. Spiridonova.

Materials and Methods: the author employed both universal (dialectic, system and structure) and special (legal, description and analytics) research methods during the study.

Results: to prevent any arbitrary interpretation of the category under study, the author proposes her own definition of the term 'symbol of military glory'. She substantiates the need to include this concept in legal acts and suggests adopting a list of official symbols of military glory of Russia.

Discussion and Conclusions: the author identifies the criminal characteristics of the concept under study and the group of official symbols of military glory.

Keywords: symbol of Russia's military glory; historical memory; rehabilitation of Nazism; objects of criminal legal protection

© Sheveleva K.V., 2024

For citation: Sheveleva K.V. Symbol of Military Glory as an Object of Crimes. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2024;15(1):138-145. (In Russ.). DOI: 10.37973/KUI.2024.85.62.016

Введение

Официальные символы воинской славы Российской Федерации являются важнейшими атрибутами суверенитета государства и исторической памяти населения страны о различных событиях военной истории. В символах воинской славы отражена многовековая военная история Отечества, отражающая связь настоящего с прошлым, ориентирующая на будущее.

Уважение к государственным символам воинской славы – часть духовной культуры общества, а защита от посягательств на символы воинской славы – обязанность государства, закрепленная в Конституции Российской Федерации. В силу ч. 3 ст. 67.1 Конституции Российской Федерации Россия чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается. Данное нормативное предписание призвано укрепить духовно-нравственные ценности российского общества и выразить культурно-воспитательную функцию государства, а равно регламентировать вопросы правовой охраны.

В связи с этим уголовно-правовая политика Российской Федерации направлена на обеспечение защиты исторического наследия, в том числе выраженного и в символах воинской славы государства. Так, частью 3 статьи 354¹ «Реабилитация нацизма» Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) предусмотрена ответственность за осквернение символов воинской славы России, совершенное публично.

При этом, согласно статистическим данным, за период с 2020 по 2022 год количество зарегистрированных преступлений в исследуемой сфере возросло более чем в пять раз¹. Рост преступности указывает на активное распространение посягательств на символы воинской славы России, а также отсутствие эффективных инструментов воздействия на них со стороны правоохранительных органов.

Осквернение символов воинской славы России образуют действия, являющиеся безнравственными, грубо издевательскими, оскорбительными для гражданских и патриотических чувств, направленными на умышленную порчу, в том числе нанесение циничных (оскорбительных) надписей, рисунков и символов на официальных символах воинской славы, а также иные пренебрежительные действия по отношению к флагу Победы (копии Знамени Победы), боевым орденам и наградам государства и т. д.

Применительно к данному проявлению реабилитации нацизма под осквернением понимаются умышленные действия, направленные на обезбраживание конкретных объектов материального мира – символов воинской славы.

Основанием для квалификации данного деяния в качестве общественно опасного является наличие в законодательстве государства положений, устанавливающих специальный правовой статус символов воинской славы как предметов данного преступления.

В свою очередь, в российском законодательстве отсутствует понятие «символ воинской славы России», не указаны его признаки и правовая природа. Кроме того, утвержденный перечень или реестр символов воинской славы Российской Федерации также отсутствует. Данный пробел законодательства затрудняет процесс квалификации преступных деяний в исследуемой сфере ввиду недостаточной детализации уголовно-правовых признаков и порождает проблемы в правоприменительной практике, что, по нашему мнению, требует особого осмысления.

Материалы и методы

Методологической основой исследования выступил диалектический метод познания. Использовались общенаучные (анализ и синтез, сравнительно-правовой) и частнонаучные (формально-юридический, описательно-аналитический) методы исследования.

¹ Форма государственного статистического наблюдения 1-ЕГС.

Указанная методология применялась для решения поставленных в рамках научного исследования задач. В частности, методы анализа, синтеза позволили определить факторы, способствующие совершению преступлений, посягающих на символы воинской славы России. Сравнительно-правовой метод способствовал изучению вопросов, связанных с уголовной ответственностью за рассматриваемые деяния на территории России. Формально-юридический метод позволил определить понятие и содержание дефиниции «символ воинской славы России».

Обзор литературы

Вопросам исследования символа воинской славы как правовой категории не уделено должного внимания в научной литературе. Отметим исследование О.Е. Спиридоновой, где автором изучен вопрос употребления термина «символ» в уголовном законодательстве Российской Федерации. Отмечается отсутствие единого законодательного подхода к определению сущности символа в уголовно-правовых нормах [1]. Отметим и монографическое исследование на тему «Реабилитация нацизма как преступление против мира и безопасности человечества», проведенное А.Г. Кибальником и А.Ю. Ивановым [2], в рамках которого изучались уголовно-правовые признаки деяний, предусмотренных ч. 3 ст. 354¹ УК РФ. По мнению авторов, объектом данного преступления выступает общественная нравственность, нежели мир и безопасность человечества, что обуславливает перенос ч. 3 ст. 354¹ в иную главу УК РФ. В то же время вопрос определения юридической природы термина «символ воинской славы России» авторами не поднимался.

Результаты исследования

Исследование следственной и судебной практики по делам о преступлениях, связанных с посягательством на символы воинской славы России, дает основание утверждать, что особенно остро стоит вопрос о разграничении преступных действий, поскольку в УК РФ установлена ответственность не только за осквернение символов воинской славы, но и за вандализм (ст. 214 УК РФ), то есть за осквернение зданий или иных сооружений, порчу имущества на общественном транспорте или в иных общественных местах, а также за осквернение мест захоронения, надгробных сооружений или кладбищенских зданий, предназначенных для церемоний в связи с погребением умерших или их поминанием (ст. 244 УК РФ).

На первый взгляд, различаются данные преступления именно по признаку их предмета. Однако изучение материалов судебной практики свидетельствует, что в понимании данного признака объекта преступления существуют определенные противоречия.

Проиллюстрируем данный тезис уголовным делом, возбужденным в отношении 23-летней жительницы Самары, которая подозревается в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 244 УК РФ. Находясь на месте захоронения на территории объекта культурного наследия федерального значения Мемориальный комплекс «Героям Сталинградской битвы» на Мамаевом кургане, она совершила циничные, пренебрегающие нормами морали и нравственности действия, видеозапись которых впоследствии разместила в сети Интернет¹.

Как видим, правоприменитель руководствовался тем, что предметом преступления в первую очередь является место захоронения.

Приведем пример еще одного уголовного дела. Следственным отделом по Советскому району города Красноярск ГСУ СК России по Красноярскому краю и Республике Хакасия завершено расследование уголовного дела в отношении 38-летнего жителя Красноярск. Он обвиняется в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 354¹ УК РФ. По версии следствия, в ночь с 14 на 15 апреля 2023 года обвиняемый, находясь в нетрезвом состоянии на территории объекта мемориального значения МБУК «Музей «Мемориал Победы» по улице Дудинская города Красноярск, желая публично продемонстрировать собственное пренебрежительное отношение к символам воинской славы России, оскорбить память защитников Отечества, осознавая, что он находится в общественном месте, подошел к мемориальному сооружению с монументом и Вечному огню и, употребляя алкогольные напитки, сжег на открытом огне цветы, возложенные рядом с мемориалом и газеты, тем самым публично осквернил символ воинской славы России².

В данном случае правоприменитель определил, что предмет преступления – это именно символ воинской славы, квалифицировав деяние по ст. 354¹ УК РФ.

Рассмотрим еще один пример из практики.

22 октября 2020 года в 00 часов 10 минут Н. в парке «Победа» города Чебоксары на пламени Вечного огня Монумента в честь воинов – чебоксарцев, погибших в Великой Отечественной

¹ Официальный сайт Прокуратуры Волгоградской области. URL: https://epp.genproc.gov.ru/web/proc_34/mass-media/news?item=89172952 (дата обращения: 07.08.2023).

² Официальный сайт Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Красноярскому краю и Республике Хакасия. URL: <https://krk.sledcom.ru/news/item/1836985/> (дата обращения: 16.11.2023).

войне 1941 – 1945 гг., на прутьях дерева пожарил колбасные изделия (сосиски). Тем самым Н. осквернил символ воинской славы России¹. Отметим, что изначально деяние было квалифицировано по ст. 214 УК РФ.

Таким образом, правоприменитель определил изначально, что предмет преступного посягательства – это сооружение, расположенное в общественном месте.

Сравнивая вышеуказанные преступления, отметим, что все предметы имеют статус мемориальных сооружений, воздвигнутых в честь защитников Отечества в период Великой Отечественной войны. В то же время – это и строения в общественных местах. И даже после введения в УК РФ нормы об ответственности за осквернение символов воинской славы России (в 2014 году) случаи преступного осквернительного воздействия на объекты, установленные в честь защитников Отечества, признавались вандализмом. К тому же мемориальные сооружения вполне могут оказаться и в числе памятников истории и культуры как предмета преступления, предусмотренного ст. 243 УК РФ.

Нельзя не отметить, что мемориальный комплекс «Героям Сталинградской битвы» на Мамаевом кургане установлен в честь погибших воинов при защите Отечества в период Великой Отечественной войны, и его так же можно отнести к символу воинской славы России.

Подобные предметы могут одновременно быть и местом захоронения, и символом воинской славы Российской Федерации. Кроме того, названные сооружения в действительности являются и предметом преступлений, предусмотренных ст. 214, 243 УК РФ. В случае если в отношении данного предмета совершаются осквернительные действия, то возникает вопрос, по какой статье УК РФ следует квалифицировать содеянное (214, 243, 244, 354¹ УК РФ)?

Очевидно, что на данный вопрос можно ответить, точно детализировав уголовно-правовые признаки символа воинской славы как предмета преступления.

В уголовно-правовой науке под предметом преступления понимается «вещь, элемент материального мира, на который осуществляется воз-

действие в ходе совершения преступления» [3]. Кроме того, предмет преступления является факультативным признаком объективной стороны состава преступления. Правильное понимание предмета преступления способствует четкому уяснению сущности объекта преступного посягательства. Отметим, что если в диспозиции уголовно-правовой нормы указан предмет, то он приобретает силу обязательного факультативного признака состава преступления, в том числе влияющего и на квалификацию деяния.

Ч. 3 ст. 354¹ УК РФ указывает на предмет преступного воздействия – символ воинской славы, в связи с этим отнесение того или иного элемента материального мира к данной категории составляет основание квалификации по данной статье.

Необходимо отметить, что законодатель ввел в УК РФ общеупотребительный термин, имеющий социальное содержание, не определив его правовой смысл, тем самым установив возможность его двусмысленного понимания и неоднозначного толкования. Согласно определению Конституционного Суда Российской Федерации, законодатель вправе прибегнуть к оценочным и общепринятым понятиям, но только в том случае, если значение таких понятий «доступно для восприятия и уяснения субъектами соответствующих правоотношений либо непосредственно из содержания конкретного нормативного положения или из системы находящихся в очевидной взаимосвязи положений, либо посредством выявления более сложной взаимосвязи положений, либо посредством выявления более сложной взаимосвязи правовых предписаний, в частности с помощью даваемых судами разъяснений по вопросам их применения»².

Как видим, ни один из ныне действующих нормативных правовых актов не закрепляет определение термина «символ воинской славы», несмотря на то, что ряд из них оперирует данным понятием³. Кроме того, разъяснений высших судебных инстанций о толковании такого рода терминов нет. Законодатель, вводя уголовный запрет за преступное воздействие на исследуемый предмет, не исключает возможности расширительного толкования нормы и необоснованного привлечения к ответственности.

¹ Приговор Верховного суда Чувашской Республики от 18.08.2021 по делу № 2-06/2021 // Верховный суд Чувашской Республики. URL: https://vs--chv.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=3606801&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 12.12.2022).

² По делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 2 и пункта 7 статьи 32 Федерального закона «О некоммерческих организациях», части шестой статьи 29 Федерального закона «Об общественных объединениях» и части 1 статьи 19.34 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, фонда «Костромской центр поддержки общественных инициатив», граждан Л.Г. Кузьминой, С.М. Смиренского и В.П. Юкечева: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 08.04.2014 № 10-П // Российская газета. 2014. Пункт 3.3.

³ Об увековечении памяти погибших при защите Отечества: закон Российской Федерации от 14.01.1993 № 4292-1 // Ведомости Верховного Совета и Съезда народных депутатов Российской Федерации. 1993. 18 февраля. № 7. Ст. 245.

По нашему мнению, необходимы юридически выверенные определения используемых терминов, что исключит путаницу в правоприменительной практике.

Обратимся к этимологии исследуемых терминов.

Толковый словарь С.И. Ожегова определяет «символ» как «то, что служит условным знаком какого-нибудь понятия, явления, идеи»¹. К. Бюлер отмечал, что символ «обладает сигнальной функцией в силу своего обращения к окружающим, чьим внешним поведением или внутренним состоянием он управляет» [4]. А.Я. Флиер уточнил, «что символизации обычно подвергаются как наиболее значимые, так и наиболее распространенные, часто встречающиеся феномены» [5]. Г.В.Ф. Гегель значительно углубил понимание символа, где определил его как «непосредственно наличное или данное созерцанию внешнее существование, которое не берется таким, каким оно непосредственно существует ради самого себя, а должно пониматься в более широком и общем виде. Кроме того, в символе различаются две стороны: смысл и выражение этого смысла» [6]. Резюмируя философское осмысление сущности символа как элемента материального мира, отметим, что это вещественный, графический или звуковой знак, служащий условным обозначением значимого феномена. Символ отражает, обобщает, передает смысл события, выражает его внутреннюю закономерность.

Слава – «почетная известность как свидетельство всеобщего уважения, признания заслуг, таланта»². Говоря о воинской славе, отметим ее сущностью признание и поклонение героическим деяниям и достижениям военнослужащих и армий. Она основана на заслугах в боевых сражениях, отваге, мужестве, преданности и самопожертвовании военнослужащих, защищавших свою страну, народ или идеалы. Воинская слава зачастую сопровождается нравственным и культурным уважением к героическим поступкам воинов. Воинская слава считается важной частью военной традиции и культуры и способствует общественному признанию и уважению ветеранов военной службы и отечественной героической истории.

Анализ представленных содержаний терминов позволил представить следующее авторское определение символа воинской славы – это некоторый вещественный, графический или звуковой знак, выраженный в форме элемента материального мира, который используются для отображения и признания героических деяний и достижений защитников Отечества в различные периоды истории государства.

Исходя из ранее изложенного, укажем, что в Российской Федерации официального закрепленного перечня символов воинской славы нет.

Анализ национального законодательства Российской Федерации позволил выделить в качестве символов воинской славы следующие:

1. Знамя Победы.

Это символ победы Советского Союза в Великой Отечественной войне. Знамя Победы изготовлено из красного шелка и украшено золотыми нитями и надписью: «За нашу Советскую Родину!». Ч. 2 ст. 1 Федерального закона «О Знамени Победы» от 07.05.2007³ устанавливает правовой статус Знамени Победы и определяет его как официальный символ Победы советского народа и его Вооруженных Сил над фашистской Германией в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов, государственной реликвией России.

2. Эмблема Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами Российской Федерации.

Эмблема представляет собой орла, держащего в когтях меч и лавровую ветвь. Орел символизирует силу и мощь, меч – защиту и боевую готовность, а лавровая ветвь – победу и достижения. Указом Президента Российской Федерации от 5 мая 2009 г. № 502 «Об учреждении эмблемы Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами Российской Федерации»⁴ определяется, что Эмблема является официальным символом Президента Российской Федерации как Верховного Главнокомандующего, что позволяет отнести Эмблему к символам воинской славы России ввиду олицетворения ею боевой славы не только Вооруженных Сил Российской Федерации, но и их главы.

3. Знамя Вооруженных Сил Российской Федерации (знамена видов Вооруженных Сил).

Знамя Вооруженных Сил Российской Федерации представляет собой красное полотнище с главной фигурой Государственного герба Рос-

¹ Толковый словарь С.И. Ожегова. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=28654> (дата обращения: 05.10.2023).

² Толковый словарь С.И. Ожегова онлайн. URL: <https://slovarozhegova.ru/word.php?wordid=29100> (дата обращения: 05.10.2023).

³ О Знамени Победы: Федеральный закон от 07.05.2007 № 68-ФЗ. СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_68106/ (дата обращения: 08.10.2023).

⁴ Об учреждении эмблемы Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 05.05.2009 № 502. СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_87544/942772dce30cfa36b671bcf19ca928e4d698a928/ (дата обращения: 08.10.2023).

сийской Федерации – золотым двуглавым орлом, поднявшим вверх распущенные крылья на его лицевой стороне. На обратной стороне полотнища изображен военный геральдический знак – эмблема Вооруженных Сил Российской Федерации: золотой двуглавый орел с распростертыми крыльями, держащий в когтях меч и лавровую ветвь.

Статья 1 Федерального закона «О знамени Вооруженных Сил Российской Федерации, знамени Военно-Морского Флота, знаменах иных видов Вооруженных Сил Российской Федерации и знамени внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации»¹ устанавливает, что знамена являются официальными символами и воинскими реликвиями Вооруженных Сил Российской Федерации, Военно-Морского Флота, иных видов Вооруженных Сил Российской Федерации и других войск.

4. Эмблема и флаг Министерства обороны Российской Федерации.

Флаг Министерства обороны Российской Федерации представляет собой красное полотнище с государственным флагом России в верхнем углу. В центре флага находится эмблема Министерства обороны – орел, держащий в когтях меч и лавровую ветвь, окруженные золотым кругом с надписью: «Министерство обороны Российской Федерации». Флаг символизирует защиту и безопасность страны, а также представляет авторитет и ответственность Министерства обороны Российской Федерации.

В приказе Министра обороны Российской Федерации от 14 ноября 2003 г. № 399 «Об утверждении Положения о военном геральдическом знаке – эмблеме и флаге Министерства обороны Российской Федерации и Положения о флагах войск и воинских формирований Вооруженных Сил Российской Федерации»² регламентируется правовой статус флага и эмблемы Министерства обороны Российской Федерации.

5. Боевое знамя воинской части.

Боевое знамя воинской части – это флаг, который используется для идентификации и символизации определенной воинской единицы. Оно может быть представлено в различных формах и

дизайнах, но обычно содержит герб или эмблему воинской части, а также может включать надписи или другие символы, отражающие ее историю и достижения.

Указом Президента Российской Федерации от 18 декабря 2006 г. № 1422 «О Боевом знамени воинской части»³ определяется, что Боевое знамя воинской части является официальным символом и воинской реликвией воинской части, олицетворяет ее честь, доблесть, славу и боевые традиции, указывает на предназначение воинской части и ее принадлежность к Вооруженным Силам Российской Федерации, другим войскам, воинским формированиям и органам. Поскольку Боевое знамя – это символ, отражающий боевую славу воинской части, полагаем, что его можно представить в качестве символа воинской славы России.

6. Знаки отличия Министерства обороны Российской Федерации.

Знаки отличия Министерства обороны Российской Федерации являются наградами, которые присуждаются военнослужащим и гражданским лицам за особые заслуги перед Российской Федерацией в области обороны. Эти знаки отличия могут быть представлены в виде медалей, значков, орденов или других символов. Они могут быть присуждены за подвиги на поле боя, долгую и безупречную службу, научные исследования, разработку новых технологий и другие достижения в области обороны. Знаки отличия Министерства обороны Российской Федерации являются высоким признанием и почетом и носят символическое значение для награжденных.

Приказ Министра обороны Российской Федерации «Об учреждении медали Министерства обороны Российской Федерации «За боевые отличия»»⁴ устанавливает, что ведомственные знаки отличия Министерства обороны Российской Федерации являются формой признания особых личных заслуг, отличий по службе военнослужащих Вооруженных Сил Российской Федерации, безупречной и эффективной государственной гражданской службы, добросовестного исполнения трудовых обязанностей лицами гражданского персонала Вооруженных Сил Российской Феде-

¹ О знамени Вооруженных Сил Российской Федерации, знамени Военно-Морского Флота, знаменах иных видов Вооруженных Сил Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2000 № 162-ФЗ (с изменениями и дополнениями). ИПО «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/182803/> (дата обращения: 08.10.2023).

² Об утверждении Положения о военном геральдическом знаке – эмблеме и флаге Министерства обороны Российской Федерации и Положения о флагах войск и воинских формирований Вооруженных Сил Российской Федерации: приказ министра обороны Российской Федерации от 14.11.2003 № 399 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901886846> (дата обращения: 08.10.2023).

³ О Боевом знамени воинской части: указ Президента Российской Федерации от 18.12.2006 № 1422. СПС «Консультант-Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_65183/82fbcacb6636b4c89ac55afd5a6b9f88a75cd4d/ (дата обращения: 08.10.2023).

⁴ Об учреждении медали Министерства обороны Российской Федерации «За боевые отличия» (с изменениями и дополнениями): приказ Министра обороны Российской Федерации от 31.03.2003 № 100. ИПО Гарант. URL: <https://base.garant.ru/619682/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/> (дата обращения: 08.10.2023).

рации, а также оказания содействия в решении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации, другими гражданами Российской Федерации и иностранными гражданами.

7. Георгиевская лента.

Георгиевская лента представляет собой ленту из чередующихся трех черных и двух оранжевых полос. Георгиевская лента используется во время проведения органами публичной власти торжественных мероприятий, посвященных Дню Победы, иных мероприятий, связанных с событиями Великой Отечественной войны 1941 – 1945 годов, мероприятий, направленных на увековечение памяти российских воинов, отличившихся в сражениях, связанных с днями воинской славы России.

Федеральным законом от 29.12.2022 № 579-ФЗ «О Георгиевской ленте и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹ установлен статус данного символа. Ч. 3 ст. 1 определяет, что Георгиевская лента является одним из символов воинской славы России.

Результаты анализа свидетельствуют: иные предметы материального мира, несмотря на то что представляют собой значимые символы, знаменующие военно-исторические события России, с точки зрения права не являются символами воинской славы России.

Следственная и судебная практика по делам об осквернении символов воинской славы дает основание утверждать, что зачастую правоприменитель предметом преступного посягательства определяет мемориальное сооружение «Вечный огонь». Для общества в целом Вечный огонь – это символ памяти и почитания погибших воинов, который горит непрерывно на мемориалах и могилах воинов-героев. Он является символом бессмертия души и вечной памяти о подвигах защитников Родины. В Российской Федерации такие сооружения установлены, например, у Могилы Неизвестного Солдата у Кремлевской стены в Москве и на Мамаевом Кургане в Волгограде.

В свою очередь, в Законе Российской Федерации от 14 января 1993 г. № 4292-1 «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества»² указание на то, что Вечный огонь является сим-

волом воинской славы России, отсутствует. Ч. 2 вышеназванного закона лишь устанавливает его сущность, а именно: Вечный огонь представляет собой элемент воинского захоронения или мемориального сооружения, находящегося вне воинского захоронения, который обеспечивает возможность постоянного горения огня.

Аналогично обстоит и ситуация с памятниками, мемориальными комплексами, надмогильными сооружениями, являющимися общенациональными символами победы советских воинов в Великой Отечественной войне, где в паспортах указанных сооружений не содержится информации о том, что это именно символ воинской славы.

Обсуждение и заключение

Таким образом, нами исследованы уголовно-правовые признаки предметов преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 354¹ УК РФ. Отмечено, что внесение в УК РФ общеупотребительного термина «символ воинской славы» породило ряд проблем в правоприменительной практике. По нашему мнению, уточнение его определения позволило бы избежать неверную квалификацию. Представляется, что необходимо легализовать дефиницию, например, путем внесения изменений в Закон «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества».

В целях уточнения предмета преступлений на законодательном уровне следует создать официальный перечень символов воинской славы (аналогично Единому государственному реестру объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации) и включить в перечень не только те символы, которые уже законодательно определены в качестве таковых, но те, которые представляют собой социальное выражение гордости и уважения к подвигам защитников Отечества (в частности, Вечный огонь).

Полагаем, предложенное поможет дифференцировать ответственность, исключит проблемы в правоприменении, что впоследствии будет иметь важное значение для сохранения и защиты исторического наследия, формирования национальной идентичности общества.

¹ О Георгиевской ленте и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2022 № 579-ФЗ // Официальный сайт Президента России (kremlin.ru) (дата обращения: 08.10.2023).

² Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов: Федеральный закон № 80-ФЗ [принят Государственной думой 19.04.1995] // Собрание законодательства Российской Федерации от 22.05.1995 № 21. Ст. 1928.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Спиридонова О.Е. О символах как о новом терминологическом ряде, используемом УК РФ // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). 2016. № 5. С. 145 – 154. EDN YLFPPJ.
2. Кибальник А.Г., Иванов А.Ю. Реабилитация нацизма как преступление против мира и безопасности человечества: монография. Москва: Юрлитинформ, 2019. 276 с.
3. Кузнецов И.В. Понятие и виды предметов преступлений в уголовном праве России: специальность: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право. Челябинск, 2007. 26 с. EDN NJAYDP.
4. Бюлер К. Теория языка. Москва, 1993. С. 34.
5. Флиер А.Я. Символ в социальной коммуникации // Россия: тенденции и перспективы развития. 2023. № 18-2. С. 525 – 528.
6. Гегель Г.В.Ф. Лекции по эстетике. Ч. 2. Развитие идеала в особенные формы прекрасного в искусстве // Эстетика. Соч.: В 4 т. Т. 2. Москва: Искусство, 1969.

REFERENCES

1. Spiridonova O.E. O simbolah kak o novom terminologicheskom ryade, ispol'zuemom UK RF // Aktual'nye problemy ugolovnoogo prava na sovremennom etape (voprosy differenciacii otvetstvennosti i zakonodatel'noj tekhniki). 2016. № 5. S. 145 – 154. EDN YLFPPJ.
2. Kibal'nik A.G., Ivanov A.YU. Reabilitaciya nacizma kak prestuplenie protiv mira i bezopasnosti chelovechestva: monografiya. Moskva: YUrlitinform, 2019. 276 s.
3. Kuznecov I.V. Ponyatie i vidy predmetov prestuplenij v ugolovnom prave Rossii: special'nost': avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.08 – Ugolovnoe pravo i kriminologiya; ugolovno-ispolnitel'noe pravo. CHelyabinsk, 2007. 26 s. EDN NJAYDP.
4. Byuler K. Teoriya yazyka. Moskva, 1993. S. 34.
5. Flier A.YA. Simvol v social'noj kommunikacii // Rossiya: tendencii i perspektivy razvitiya. 2023. № 18-2. S. 525 – 528.
6. Gegel' G.V.F. Lekcii po estetike. CH. 2. Razvitie ideala v osobennye formy prekrasnogo v iskusstve // Estetika. Soch.: V 4 t. T. 2. Moskva: Iskusstvo, 1969.

Информация об авторе:

Шевелева Ксения Владимировна, старший преподаватель кафедры «Правовое обеспечение национальной безопасности» Российского технологического университета РТУ МИРЭА, sheveleva@mirea.ru
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Sheveleva Ksenia V., Senior Lecturer at the Department of "Legal Support national security" of the Russian Technological University RTU MIREA, sheveleva@mirea.ru
The author has read and approved the final version of the manuscript.

Статья получена: 17.10.2023.

Статья принята к публикации: 20.03.2024.

Статья опубликована онлайн: 22.03.2024.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаю.

Научная статья
УДК 343.9
DOI: 10.37973/KUI.2024.27.40.019

ХАРАКТЕРИСТИКА НАПРАВЛЕНИЙ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПНОСТИ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Маргарита Александровна Яковлева,
Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия,
boss.andre.777@mail.ru

Наталья Александровна Корсикова,
Санкт-Петербургский государственный университета аэрокосмического приборостроения,
Санкт-Петербург, Россия, korsikova-nataly@mail.ru

***Благодарность:** авторы статьи выражают признательность и вечную память своему научному руководителю, наставнику, коллеге Алиеву Якубу Ломалиевичу, доктору юридических наук, профессору, за помощь, оказанную при написании статьи.*

Аннотация

Введение: статья посвящена научному анализу роли органов внутренних дел (полиции) в системе субъектов профилактики преступности в Российской Федерации и в отдельных зарубежных странах.

Материалы и методы: в процессе исследования использовались методы: аналогии, сравнительно-правовой, исторический, формальной логики. Эмпирическую базу исследования составили статистические данные ГИАЦ МВД России о состоянии преступности в России, Санкт-Петербурге и Ленинградской области в период с 2015 по 2023 год, результаты опубликованных эмпирических и социологических исследований, проведенных другими авторами, а также опубликованные статистические материалы по состоянию преступности в различных регионах России.

Результаты исследования: в статье отражены зарубежные аспекты профилактики преступности, тождественные российской системе профилактики и отличающиеся от нее; проанализировано российское и зарубежное законодательство; представлен криминологический опыт в области профилактики преступности; рассмотрены современное состояние, тенденции, проблемы в сфере профилактики преступности.

Обсуждение и заключение: авторы приходят к выводу, что под профилактикой преступности понимается совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление, ограничение факторов совершения правонарушения, устранение обстоятельств, влияющих на его совершение, нейтрализацию общественной опасности правонарушителя, воспитание личности на принципах законности, проявляющихся в недопустимости антиобщественного поведения и совершения правонарушений в будущем. Система профилактики преступности – это комплекс элементов, характеризующихся четкой и многоуровневой структурой, включающей, помимо субъектов, объекта, предмета, видов и форм профилактики, экономические и юридические, организационные и материально-ресурсные меры, направленные на выявление, устранение детерминант преступности (причин и условий), криминологическое воздействие на объекты профилактики (содержание профилактики в виде мер по направлениям).

Ключевые слова: профилактика преступности; преступность; субъект профилактики; противодействие преступности

© Яковлева М.А., Корсикова Н.А., 2024

Для цитирования: Яковлева М.А., Корсикова Н.А. Характеристика направлений профилактики преступности в деятельности органов внутренних дел: отечественный и зарубежный опыт // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2024. Т. 15. № 1 (55). С. 146 – 153. DOI: 10.37973/KUI.2024.27.40.019

Scientific article

UDC 343.9

DOI: 10.37973/KUI.2024.27.40.019

**CHARACTERISTICS OF CRIME PREVENTION DIRECTIONS
IN THE ACTIVITIES OF THE INTERNAL AFFAIRS BODIES:
DOMESTIC AND FOREIGN EXPERIENCE**

Margarita Aleksandrovna Yakovleva,

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Sankt-Petersburg, Russia,
boss.andre.777@mail.ru

Natalia Alexandrovna Korsikova,

St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, Sankt-Petersburg, Russia,
korsikova-nataly@mail.ru

***Acknowledgment:** the authors of express gratitude and eternal memory to their scientific supervisor, mentor, colleague, Aliev Yakub Lomalievich, Doctor of Law (Doctor habilitatus), Professor, for the assistance provided in writing this article.*

Abstract

Introduction: the article considers scientific analysis of the role of police in crime prevention in Russia and abroad.

Materials and Methods: the authors used analogy, comparative legal, history, logical methods; statistics by Main Informational Analytical Centre of MIA of Russia on crime state in Saint Petersburg and Leningrad District (2015-2023), result of empirical and social studies by other authors, statistics on crime in various regions of Russia.

Results: the authors present foreign aspects of crime prevention, both common and different from Russian crime prevention; analysis of Russian and foreign laws, criminology experience in crime prevention; current state, tendencies and challenges in crime prevention.

Discussion and Conclusions: the authors come to the conclusion that crime prevention is understood as a set of measures of a social, legal, organizational, informational and other nature aimed at identifying, limiting the factors of committing an offense, eliminating the circumstances that affect its commission, neutralizing the public danger of the offender, educating the individual on the principles of legality, manifested in the inadmissibility of antisocial behavior and commission offences in the future. The crime prevention system is a set of elements characterized by a clear and multi-level structure including, in addition to the subjects, object, types and forms of prevention, economic and legal, organizational and material and resource measures aimed at identifying and eliminating the determinants of crime (causes and conditions), criminological impact on the objects of prevention (the content of prevention in the form of measures in the areas).

Keywords: crime prevention; crime; subject of prevention; counteraction to crime

© Yakovleva M.A., Korsikova N.A., 2024

For citation: Yakovleva M.A., Korsikova N.A. Characteristics of Crime Prevention Directions in the Activities of the Internal Affairs Bodies: Domestic and Foreign Experience. Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA of Russia. 2024;15(1):146-153. (In Russ.). DOI: 10.37973/KUI.2024.27.40.019

Введение

На современном этапе в России в системе профилактики преступности (правонарушений), представляющей собой сочетание объектов и предметов профилактики, базовых основ координации деятельности и мониторинга, субъектов профилактики, указанных в законе, иных лиц, участвующих в реализации мер профилактики (семья, институты гражданского общества и пр.), решение основных задач возложено преимущественно на органы внутренних дел, реализующих значительный блок профессиональных полномочий по предупреждению преступности (профилактика, предотвращение и пресечение).

О результативности профилактики преступности, реализуемой органами внутренних дел Российской Федерации (ОВД РФ), и о текущей обстановке в сфере национальной преступности свидетельствуют статистические данные, представленные Генеральной прокуратурой Российской Федерации. Признано: с 2011 г. массив национальной преступности сократился на 16,7% (400 тыс. преступлений), за последние 5 лет снизился с 1 474 до 1 371,3 посягательства. В 2021 г. ситуация с преступностью признана в Российской Федерации достаточно стабильной, в большинстве субъектов РФ (58) отмечается снижение преступности: в Новосибирской области – на 14% (46,5 тыс.), в Республике Коми – на 12,7% (15 тыс.), в Ивановской области – на 12,3% (12,1 тыс.). В отличие от 2020 г., по итогам которого отмечено увеличение уровня преступности на 1% от общего количества выявленных деяний, в 2022 г. число деяний сократилось (около 2%), незначительно превысив показатель статистики в 2 млн (2 004 404).

Значительную роль ОВД РФ в области профилактики преступности подтверждают также данные по раскрываемости преступлений. Так, в 2020 г. ОВД России раскрыто 7 104 преступления (общая раскрываемость 57,2%), что свидетельствует о повышении данного показателя на 5,5% по сравнению с 2019 г. (51,7%). ОВД РФ подлежали учету 3544 тяжких и особо тяжких деяния, что на 25,1% больше, чем в 2019 г. (2834). При этом раскрываемость убийств в 2020 г. составила 95,6%, в отношении деяний, опосредованных причинением тяжкого вреда здоровью – 96,4% (статистические данные за 2010 г. – 86,5% и

83,9% соответственно). В части раскрываемости разбоев в 2020 г. статистика свидетельствует о показателе в 89,9% (по сравнению с 66,2% в 2010 г., грабежей – 76,9% по сравнению с 43,3%). По сведениям национальной статистики, в 2020 г. остались нераскрытыми 963 000 преступлений¹.

Аналогичная ситуация складывалась в Российской Федерации в 2021 г., при этом в отдельных регионах показатели раскрываемости преступности позволяют признать подобную деятельность ОВД РФ достаточно успешной. Так, в Республике Татарстан данные показатели составили 98%, что является наиболее высоким показателем в сфере раскрываемости за 26 лет. В целом в 2021 г. в Республике Татарстан подлежало регистрации 51 933 деяния, из которых 15 534 – тяжких и особо тяжких. В республике выявили 4 536 наркопреступлений, из которых 3 265 – тяжкие и особо тяжкие, подлежали раскрытию 313 групповых подобных преступлений, 103 – совершенных в организованной группе².

Благодаря профилактике преступности, реализуемой ОВД РФ, в 2022 г. в Российской Федерации в целом отмечено снижение количества противоправных деяний по следующим составам: убийства и покушения на убийство – на 4,7%, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью – на 10,6%, разбои – на 16%, грабежи – на 18,1%, кражи – на 2,4%. Продолжается национальная тенденция по уменьшению количества уличной преступности (17,3%) (парки, скверы, улицы): в названных объектах зарегистрировано на 22,1% меньше грабежей, на 4% – краж. Общее число криминальных деяний, которые были совершены в общественных местах, сократилось на 6,4%. В 2021 г. зарегистрировано на 16,2% меньше квартирных краж; на 24,8% – хищений транспортных средств; на 13,9% – угонов. Отмечено сокращение деяний, которые реализованы несовершеннолетними (на 15,6%), преступлений, совершенных лицами в состоянии алкогольного (на 8,3%), наркотического опьянения (на 5%). В 2022 г. выявлена тенденция к сокращению роста киберпреступности: прирост деяний, совершенных с применением современных информационно-телекоммуникационных технологий, составил 1,4%³.

Материалы и методы

В процессе исследования использованы методы: аналогии, сравнительно-правовой, историче-

¹ По данным ГИАЦ МВД России. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2011-2021 гг. Официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports/item/22678184/> (дата обращения: 01.03.2024).

² Состояние преступности в России за январь-декабрь 2011-2022 гг. Официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports/item/22678184/> (дата обращения: 01.03.2024).

³ По данным ГИАЦ МВД России. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2011-2021 гг. Официальный сайт МВД России. URL: <https://мвд.рф/reports/item/22678184/> (дата обращения: 01.03.2024).

ский, формальной логики. Эмпирическую базу исследования составили: статистические данные ГИАЦ МВД России о состоянии преступности в России, Санкт-Петербурге и Ленинградской области в период с 2015 по 2023 год, а также результаты опубликованных эмпирических и социологических исследований, проведенных другими авторами; опубликованные статистические материалы о состоянии преступности в различных регионах России.

Результаты исследования

В Российской Федерации направления профилактики преступных посягательств, реализуемые в соответствии с принципами государственной уголовной политики (принцип гуманизма, социально-экономической обоснованности, научности, соответствия нравственности, сочетания единоначалия и коллегиальности) [2, с. 50-51], отражены в п. 1 ст. 6 Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации».

В качестве основных направлений профилактики признаны: защита личности, общества и государства от противозаконных посягательств; предупреждение нарушений закона; генезис национальной системы профилактического учета склонных к противоправным актам лиц; охрана правопорядка, включая места значительного скопления лиц. Данную систему дополняет противодействие актам терроризма и экстремизма, обеспечение защиты потенциальных объектов подобных посягательств и критически важных объектов национальной инфраструктуры, жизнеобеспечения общества. Российский законодатель выделяет также такие направления профилактики, как обеспечение экологической, пожарной, общественной безопасности, в том числе сферу транспортной безопасности и безопасности движения на дорогах; противодействие коррупции и противозаконному обороту средств, веществ, включающих наркотические и психотропные элементы, а также противодействие противоправной миграции; предупреждение актов безнадзорности, беспризорности несовершеннолетних и их противоправных посягательств; защиту и охрану всех форм собственности, предупреждение и ликвидацию и (либо) минимизацию последствий, вызванных чрезвычайными ситуациями (природного и техногенного характера); повышение правовой грамотности и правосознания населения Российской Федерации [1, с. 119 – 129].

На современном этапе в России мероприятия по профилактике преступности, характеризу-

ющиеся качествами открытости, самодетерминации [3, с. 77], выступают одной из основных правоохранительных функций цивилизованного государства, действующих на постоянной правовой основе, в том числе в целях нивелирования угроз, восстановления нарушенных прав, ресоциализации и пр. [4, с. 183-184].

В качестве одного из первых исследователей, сформировавших дефиницию категории «профилактика преступлений», признан А.Г. Лекарь. По его мнению, профилактика преступлений – это деятельность уполномоченных государственных органов, а также общественных организаций, чей функционал имеет направленность на выявление и на устранение причин, порождающих преступления, как и условий, которые способствуют их совершению [5, с. 104].

Исследовали, отстаивающие самостоятельность профилактики преступности (как отдельной отрасли правовой системы), отражали следующую дефиницию данной категории: «Профилактика – это особый вид социального управления, призванный обеспечить безопасность правоохранительных ценностей и заключающийся в разработке, осуществлении системы целенаправленных мер по выявлению и устранению причин преступлений, условий, способствующих их совершению, оказанию предупредительного воздействия на лиц, склонных к противоправному поведению» [6, с. 26].

Поскольку преступление – результат длительного антиобщественного противоправного поведения, в Российской Федерации объекты профилактики могут быть дифференцированы в зависимости от мер, реализуемых с индивидуальной, групповой, виктимологической направленностью, проходящих в своем развитии несколько стадий: во-первых, непосредственная профилактика и, во-вторых, ранняя профилактика; каждая из которых характеризуется особой сущностью, обусловленной специфическими и многоаспектными формами мер профилактики. Так, правовая природа (сущность) непосредственной профилактики отражается на организации и реализации таких форм предупреждения преступности, как выявление, устранение негативных условий для формирования личности, улучшение общественной среды, а также обнаружение и нивелирование и причин, и условий преступности. Сущность ранней профилактики – реализация мер, имеющих направленность на воспитание полноценной личности, повышение правовой культуры, коррективы антиобщественного поведения лиц, склонных к противоправным проявлениям, посредством

применения субъектами профилактики преступности и в отношении отдельных лиц, и групп лиц (так называемых групп риска) специальных форм и методов профилактики. Ранняя профилактика в качестве цели преследует правовое воспитание как важный целенаправленный процесс профилактического воздействия на личность с целью формирования у нее правовой культуры, базирующейся на ценностях правомерного поведения.

Анализ зарубежной системы профилактики преступности позволяет отметить различные подходы в отношении уровней, видов и форм (моделей) профилактики преступности. Так, в государствах, являющихся членами Европейского Союза, принято выделять два уровня профилактики преступлений: социальный и ситуационный. Социальная профилактика преимущественно направлена на коррекцию неблагоприятных внешних условий для формирования личности индивида (микросреда и многоаспектные микросоциальные ситуации). В отношении ситуационной профилактики преступности общепризнано: преступления совершаются при наличии фактов (обстоятельств), ситуаций, в определенное время, оказывая стимулирующее и детерминирующее воздействие на определенные виды деяний (совершение нарушений общественного порядка у мест скопления людей; совершение актов изнасилования в парках, скверах и пр. местах скопления людей).

В российском криминологическом понимании (в соответствии с принятой научной и нормативной терминологией) подобная профилактика преступности соответствует категориям «предотвращение», «пресечение» преступности.

В Германии выделяют первичную, вторичную и третичную профилактику. Первичная профилактика преступности направлена на нивелирование явлений социальности и несовершеннолетнего правосознания личности, признанных в качестве основной причины преступных проявлений. Вторичная профилактика реализуется уполномоченными правоохранительными органами и опосредована использованием различных юридических средств как удержанием лиц от совершения преступлений. В качестве элементов третичной профилактики в Германии признана система мер и средств, использующихся в процессе применения и исполнения наказания и в сфере ресоциализации. В США реализуются три модели профилактики: во-первых, модель общественных учреждений, во-вторых,

модель безопасности индивида и, в-третьих, модель воздействия на преступность через окружающую среду.

С целью совершенствования профилактики преступности, в том числе и несовершеннолетней преступности, а также для координации деятельности в обозначенной сфере, в том числе в направлении деятельности правоохранительных органов, во многих зарубежных странах учреждены специальные уполномоченные органы государства, например, Национальные советы с системой департаментов и иных структурных подразделений. В качестве основных функций Национальных советов, по общему правилу, признаны: сбор необходимой информации; прогнозирование, планирование, реализация и оценка государственных программ в сфере профилактики; координация деятельности органов полиции и иных органов, осуществляющих полномочия в сфере профилактики; вовлечение в систему профилактики преступности представителей гражданского общества; взаимодействие со средствами массовой информации, с государственными законодательными органами, формирующими государственную уголовную политику, в т. ч. направленную на профилактику преступности; осуществление научно-исследовательской деятельности; реализация учебной подготовки [7, с. 108-119].

Например, во Франции, в соответствии с Декретом Премьер-министра Франции, принятом в 1983 г.¹, сформированы следующие органы профилактики, действующие во взаимодействии с органами полиции:

- Национальный совет по предупреждению правонарушений, на основании положений которого в состав органа включены 5 парламентариев (3 депутата нижней палаты и 2 сенатора), 35 мэров и 28 должностных лиц, представляющих различные организации Франции, заинтересованные в профилактике преступности, в особенности – преступности несовершеннолетних;

- система департаментских и коммунальных Национальных советов, состоящих из специализированных комиссий (по защите престарелых, по работе с несовершеннолетними и пр.), в состав которых входят представители полицейского сообщества, полномочия которых имеют отношение к сфере профилактики (во Франции действует более 440 подобных советов).

В целях профилактики преступности несовершеннолетних отдельными странами, помимо изложенного, предприняты следующие меры:

¹ Декрет Премьер-министра Франции (1983 г.). URL: www.archives.premier-ministre.gouv.fr. (дата обращения: 26.12.2023).

- формирование отдельной отрасли национальной правовой системы, регулирующей сферу преступности несовершеннолетних, включая профилактику преступности (Jugendgerichtsgesetz, Германия);

- принятие системы национальных источников права, содержащих положения о профилактике преступности несовершеннолетних (например, Закон Германии «О суде по делам молодежи» 1953 г.¹, содержащий материальные, процессуальные нормы, нормы о профилактике преступности в молодежной среде);

- принятие отдельных кодифицированных источников права, регулирующих правосудие несовершеннолетних: Кодекс, действующий в Грузии², включающий в содержание материальные и процессуальные нормы, нормы о профилактике преступности, ресоциализации и реабилитации³, специфику виктимизации (первичной и повторной), полномочия реабилитационного учреждения, ряд других в отношении несовершеннолетних;

- формирование системы мер пресечения, применяемых исключительно к несовершеннолетним подозреваемым и обвиняемым и направленных на профилактику деяний данных лиц. Так, в Великобритании в качестве таковых мер, классифицированных в зависимости от возраста и тяжести совершенного деяния, признаны: вынесение предупреждения; контроль родителей за поведением; обязанность посещать Центр профилактики преступности; помещение под надзор службы пробации; возложение обязанности воздерживаться от совершения определенных действий; предоставление услуг обществу^{4, 5}. В Германии систему подобных мер составляют: *massregeln der Besserung und Sicherung* (меры восстановления и защиты); *erziehungsmassregeln* (правила воспитания); *zuchtmitteln* (дисциплинарные принуди-

тельные меры); *freiheitsentzug* – меры, связанные с изоляцией (лишение свободы, заключение под стражу)⁶;

- включение в уголовно-процессуальные кодексы отдельных глав об особенностях уголовного процесса в отношении несовершеннолетних (Республики Беларусь, Узбекистан, Казахстан, Таджикистан и пр.);

- принятие значительного количества источников права, направленных на защиту прав несовершеннолетних и совершенствование сферы профилактики преступности (в Великобритании – закон «О правосудии по делам молодежи и доказательствах по уголовным делам 1999 г.⁷, Закон о детях и подростках 2008 г.⁸, система инструкций и правил, к которым относятся: Общие инструкции об устройстве детей, некоторые другие нормативные правовые акты);

- формирование национальной институции фостерного воспитания (*Foster care* – это государственная программа, направленная на нивелирование угроз социального сиротства, и, соответственно, противоправных проявлений), представляющей собой экстренное размещение несовершеннолетних, которые нуждаются в защите от различных негативных проявлений, включая проявления жестокого обращения, что коррелирует, в т. ч. нормам российского законодательства о патронате, законодательства некоторых стран Западной Европы, например, принятым в Великобритании Правилам устройства детей на фостерное воспитание, Стандартам фостерного воспитания) [8, с. 56-58];

- активное применение во многих государствах мира (Новой Зеландии, Австралии, Германии, Словакии, Польше, Канаде и США и др.) институции медиации и иных технологий восстановительного правосудия в отношении несовершеннолетних (например, медиация жертвы

¹ Закон «О суде по делам молодежи» от 4 августа 1953 г. (Германия) *Jugendgerichtsgesetz (JGG)* (в ред. Первого закона к изменению закона о суде по делам молодежи от 30 августа 1990 г.). URL: http://www.gesetze-im-internet.de/englisch_jgg/englisch_jgg.html#p0033.

² Кодекс о правосудии в отношении несовершеннолетних от 15.05.2015 3708-III // Законодательный Вестник Грузии. 2015. № 7. URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/2877281?publication=13>.

³ Ресоциализация и реабилитация несовершеннолетних – формирование и развитие у несовершеннолетних чувства ответственности, уважения к правам других людей, содействие физическому, умственному, духовному, нравственному и социальному развитию несовершеннолетних и их подготовка к обретению своего места в обществе (ст. 3 Кодекса о правосудии в отношении несовершеннолетних от 15 мая 2015 г. 3708-III (Грузия)).

⁴ Закон «Об уголовной юстиции» 1991 г. (Великобритания). URL: <http://www.loc.gov/law/help/guide/nations/uk.php>.

⁵ Закон о правосудии по делам молодежи и доказательствах по уголовным делам 1999 г. (Великобритания). URL: <http://www.loc.gov/law/help/guide/nations/uk.php>.

⁶ Закон «О суде по делам молодежи» 1953 г. (Германия) *Jugendgerichtsgesetz (JGG)* (в ред. Первого закона к изменению закона о суде по делам молодежи от 30 августа 1990 г.). URL: http://www.gesetze-im-internet.de/englisch_jgg/englisch_jgg.html#p0033.

⁷ Закон о правосудии по делам молодежи и доказательствах по уголовным делам 1999 г. (Великобритания). URL: <http://www.loc.gov/law/help/guide/nations/uk.php>.

⁸ Закон о детях и подростках 2008 г. (Великобритания). URL: <http://www.loc.gov/law/help/guide/nations/uk.php>.

и правонарушителя в рамках Закона о медиации Mediationsgesetz 2012 г.¹ (Германия))²;

- создание специальных национальных судов по делам несовершеннолетних, внедряющих прогрессивные программы посредничества между потерпевшими (жертвами) и правонарушителями, и направленных в целом на восстановительную (реституционную) модель правосудия, в соответствии с которой происходит интеграция несовершеннолетних, преследуемых правосудием, в общество с возможностью отсутствия рецидива в будущем, и в которых уголовные дела в отношении несовершеннолетних рассматриваются отдельно от уголовных дел совершеннолетних (например, Австрия, Новая Зеландия, Великобритания и др.).

Обсуждение и заключение

Таким образом, анализ деятельности в сфере профилактики преступности несовершеннолетних и против несовершеннолетних со стороны специализированных субъектов профилактики в зарубежных странах позволяет отразить следующие основные направления подобной деятельности: во-первых, формирование национальной системы источников права, в том числе в сфере государственных стратегических документов, в сфере института ювенальной юстиции (в отдельных странах), во-вторых, учреждение государственной системы субъектов профилактики правонарушений (преступлений), включая специализированные и частично специализированные подразделения органов полиции, и возложение на данных субъектов, наряду с традиционными правоохранительными функциями, иных функций – воспитательных, гуманистических; в-третьих, внедрение в систему профилактики преступности многоаспектных негосударственных структур, осуществляющих в целях борьбы с преступностью несовершеннолетних и против несовершен-

нолетних взаимодействие с государственными структурами; в-четвертых, внедрение в систему профилактики инновационных социальных технологий, в-пятых, включение в правовое поле профилактики преступности новых правовых технологий (конструкций), совершенствующих профилактику.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, авторы приходят к выводам:

профилактика преступности вне зависимости от принадлежности государства к правовой системе (семье) – совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление, ограничение факторов совершения правонарушения, устранение обстоятельств, влияющих на его совершение, нейтрализацию общественной опасности правонарушителя, воспитание личности на принципах законности, проявляющихся в недопустимости антиобщественного поведения и совершения правонарушений в будущем;

система профилактики преступности – комплекс элементов, характеризующихся четкой и многоуровневой структурой, включающей, помимо субъектов, объекта, предмета, видов и форм профилактики, экономические и юридические, организационные и материально-ресурсные меры, направленные на выявление, устранение детерминант преступности (причин и условий), на криминологическое воздействие на объекты профилактики (содержание профилактики в виде мер по направлениям);

признаки профилактики преступности: 1) цель профилактики – предотвращение преступности; 2) реализация мер по профилактике осуществляется субъектами, каждый из которых обладает определенным механизмом профилактического воздействия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шалагин А.Е., Идиятуллов А.Д. Зарубежный опыт предупреждения преступности в XXI веке // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. № 2 (40). С.119-129.
2. Шатилова О.А. К вопросу о некоторых принципах уголовной политики // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: материалы XIX Международной научно-практической конференции / Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД России, 2021. Ч. 2. 281 с.
3. Зиннуров Ф.К. Криминология: Общая часть. Казань: КЮИ МВД России, 2019. 358 с.
4. Красилова Е.В. Превентивная направленность правозащитной функции государства // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями, 2022. С. 183-184.

¹ Закон о медиации 2012 г. (Германия) (Mediationsgesetz vom 21. Juli 2012. BGBl. I. S. 1577). URL: http://www.gesetze-im-internet.de/englisch_jgg/englisch_jgg.html#p0033.

² В Российской Федерации институт медиации легализован Федеральным законом от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», который, однако, не имеет применения в уголовном праве и уголовном процессе, регулируя отношения медиации, используемой в гражданском, административном судопроизводстве, как и в судопроизводстве, реализуемом в арбитражных судах.

5. Лекарь А.Г. Профилактика преступлений. Москва: Юридическая литература, 1972. 104 с.
6. Блувштейн Ю.Д., Зырин М.И., Романов В.В. Профилактика преступлений. Москва: Университетское, 1986. 287 с.
7. Стерпу В. Проблема изучения зарубежного опыта по предупреждению преступлений и его использование в деятельности органов внутренних дел // Закон и жизнь. 2021. № 3. С.108-119.
8. Клейменов М.П., Кондратьев А.В., Сейбол Е.М. Профилактика правонарушений: исторический очерк // Вестник Омского университета. 2020. Т. 17, № 1. С. 56-58.

REFERENCES

1. SHalagin A.E., Idiyatullova A. D. Zarubezhnyy opyt preduprezhdeniya prestupnosti v XXI veke // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2020. № 2 (40). S.119-129.
2. SHatilova O.A. K voprosu o nekotorykh principakh ugolovnoy politiki // Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami: materialy XIX Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferencii / Barnaul: Barnaul'skiy yuridicheskij institut MVD Rossii, 2021. CH. 2. 281 s.
3. Zinnurov F.K. Kriminologiya: Obshchaya chast'. Kazan': KYUI MVD Rossii, 2019. 358 s.
4. Krasilova E.V. Preventivnaya napravlennost' pravozashchitnoj funktsii gosudarstva // Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami, 2022. S. 183-184.
5. Lekar' A.G. Profilaktika prestuplenij. Moskva: YUridicheskaya literatura, 1972. 104 s.
6. Bluvshitejn YU.D., Zyryn M.I., Romanov V.V. Profilaktika prestuplenij. Moskva: Universitetskoe, 1986. 287 s.
7. Sterpu V. Problema izucheniya zarubezhnogo opyta po preduprezhdeniyu prestuplenij i ego ispol'zovanie v deyatel'nosti organov vnutrennih del // Zakon i zhizn'. 2021. № 3. S.108-119.
8. Klejmenov M.P., Kondrat'ev A.V., Sejbol E.M. Profilaktika pravonarushenij: istoricheskij ocherk // Vestnik Omskogo universiteta. 2020. T. 17, № 1. S. 56-58.

Информация об авторах:

Яковлева Маргарита Александровна, кандидат юридических наук, доцент кафедры криминологии Санкт-Петербургского университета МВД России, boss.andre.777@mail.ru

Корсикова Наталья Александровна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения, korsikova-nataly@mail.ru

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Yakovleva Margarita A., Candidate in Law (Research doctorate), Associate Professor of the Department of Criminology, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, boss.andre.777@mail.ru

Korsikova Natalia A., Candidate in Law (Research doctorate), Associate Professor, Associate Professor of the Department of St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation, korsikova-nataly@mail.ru

The authors have read and approved the final version of the manuscript.

Заявленный вклад авторов:

Яковлева Маргарита Александровна – разработка концепции статьи, постановка проблемы, анализ и интерпретация результатов эмпирического исследования, итоговые выводы.

Корсикова Наталья Александровна – сбор статистических данных, описание результатов и формирование выводов исследования.

Статья получена: 11.01.2024.

Статья принята к публикации: 20.03.2024.

Статья опубликована онлайн: 22.03.2024.

Против размещения полнотекстовой версии статьи в открытом доступе в сети Интернет не возражаем

Требования, предъявляемые к статьям, направляемым в журнал «Вестник Казанского юридического института МВД России»

1. Принимаются оригинальные научные статьи на русском языке, соответствующие профилю журнала и отражающие результаты теоретических и/или экспериментальных исследований авторов. Не допускается направление в редакцию уже опубликованных статей или статей, отправленных на публикацию в другие журналы.

2. Статья представляется в редакцию журнала в электронном виде. К статье прилагается цветная фотография автора в цифровом формате (JPEG) с разрешением не менее 1024x768 пикселей (в повседневной форме, без головного убора, на нейтральном фоне). Редакция оставляет за собой право на редактирование статей, без изменения их научного содержания. Статьи, соответствующие указанным требованиям, проверяются программой «Антиплагиат». Не принимаются статьи, имеющие менее 70% оригинального текста.

3. Необходимо указать УДК (<http://www.udk-codes.net/>).

4. Заголовок статьи (на русском и английском языках) должен кратко (не более 10 слов) и точно отражать содержание статьи, тематику и результаты проведенного научного исследования. В него необходимо вложить как информативность, так и привлекательность, уникальность научного творчества автора.

5. Аннотация (на русском и английском языках) выполняет функцию расширенного названия статьи и повествует о ее содержании. Рекомендуемый объем аннотации – 200-250 слов.

6. Ключевые слова (на русском и английском языках) являются поисковым образом научной статьи. Во всех библиографических базах данных возможен поиск статей по ключевым словам. В связи с этим они должны отражать основные положения, достижения, результаты, терминологию научного исследования. Рекомендуемое количество ключевых слов – 5-10.

7. Основной текст статьи излагается на русском языке в определенной последовательности:

- введение (Introduction);
- обзор литературы (Literature Review);
- материалы и методы (Materials and Methods);
- результаты исследования (Results);
- обсуждение и заключение (Discussion and Conclusions).

Приведенные части требуется выделять соответствующими подзаголовками и излагать в данных разделах релевантную информацию.

7.1. Введение содержит постановку научной проблемы, указание на ее актуальность, связь с важнейшими задачами, которые необходимо решить, значение для развития определенной отрасли науки или практической деятельности. Прежде всего указывается общая тема исследования. Затем необходимо раскрыть теоретическую и практическую значимость работы, описать наиболее авторитетные и доступные читателю публикации по рассматриваемой теме. Обозначаются проблемы, не решенные в предыдущих исследованиях, которые призвана решить данная статья, и главная идея публикации, которая существенно отличается от современных представлений о проблеме, дополняет или углубляет уже известные подходы к ней.

7.2. Обзор литературы. Необходимо описать основные (последние по времени) исследования и публикации, на которые опирается автор; современные взгляды на проблему; трудности при разработке данной темы; выделение нерешенных вопросов в пределах общей проблемы, которым посвящена статья.

7.3. Материалы и методы. В данном разделе описываются процесс организации эксперимента, примененные методики, использованная аппаратура; даются подробные сведения об объекте исследования; указывается последовательность выполнения исследования и обосновывается выбор используемых методов (наблюдение, опрос, тестирование, эксперимент, лабораторный опыт, анализ, моделирование, изучение и обобщение и т.д.).

7.4. Результаты. В этой части статьи должен быть представлен систематизированный авторский аналитический и статистический материал. Цель данного раздела – при помощи анализа, обобщения

и разъяснения данных доказать рабочую гипотезу (гипотезы). Результаты при необходимости подтверждаются иллюстрациями (таблицами, графиками, рисунками).

Результаты исследования должны быть изложены кратко, но при этом содержать достаточно информации для оценки сделанных выводов. Также должно быть обосновано, почему для анализа были выбраны именно эти данные.

7.5. Обсуждение и заключение. Заключение содержит краткую формулировку результатов исследования: в сжатом виде повторяются главные мысли основной части работы; необходимо сопоставить полученные результаты с обозначенной в начале работы целью. В заключении суммируются результаты осмысления темы, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, подчеркивается их практическая значимость, а также определяются основные направления для дальнейшего исследования в этой области.

8. Список использованных источников. Библиографическое описание документов оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.7–2021. При оформлении ссылок (в первую очередь, на оригинальные источники из научных журналов) следует указать фамилии авторов, журнал (электронный адрес), год издания, том (выпуск), номер, страницы, DOI или адрес доступа в сети Интернет.

9. Аффiliation авторов (на русском и английском языках): Ф.И.О., организация(и), адрес организации(й) (требуется указать все места работы автора, в которых выполнялись исследования (постоянное место, место выполнения проекта и др.)), должность и ученое звание, ORCID ID, Researcher ID, электронная почта.

10. Вклад соавторов. В примечании разъясняется фактический вклад каждого соавтора в выполненную работу. Порядок указания авторов и соавторов статьи согласуется ими самостоятельно.

Экземпляры журнала с опубликованными статьями можно получить путем подписки.

Опубликованные в журнале статьи размещаются в полнотекстовом виде в электронной библиотеке Российского индекса научного цитирования, а также на сайте журнала: <http://www.vestnikkui.ru>.

При подаче статьи в редакцию автор соглашается с положениями прилагаемого лицензионного договора.

Рукописи принимаются посредством личного кабинета на сайте журнала: <https://vestnikkui.ru/ru/наука/>

Главный редактор Зиннуров Ф.К.
Заместитель главного редактора Миронов С.Н.
Редакторы Зотина Е.В., Королькова Е.О.

Дизайн, верстка Добрыдневой О.В.

Перевод Корольковой Е.О.

Редакционно-издательское отделение
420064, Россия, Республика Татарстан,
г. Казань, ул. Оренбургский тракт, 128 (vestnikkui@mail.ru);
8 (843) 537-62-13

Номер отпечатан в типографии КЮИ МВД России
420064, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Оренбургский тракт, 130

Дата выхода в свет 22.03.2024. Цена свободная.
Формат 60x84 1/8 Усл. печ. л. 20 Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Тираж 65 экз.